

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал включен во вторую категорию Перечня
рецензируемых научных изданий ВАК (K2) по научным
специальностям: 5.4.2. Экономическая социология
(социологические науки). 5.4.4. Социальная структура,
социальные институты и процессы (социологические науки).
5.5.1. История и теория политики (политические науки). 5.5.2.
Политические институты, процессы, технологии (политические
науки). 5.5.3. Государственное управление и отраслевые
политики (политические науки). 5.5.4. Международные
отношения (политические науки). 5.7.2. История философии
(философские науки). 5.7.7. Социальная и политическая
философия (философские науки). 5.7.8. Философская
антропология, философия культуры (философские науки).

A journal included in the second category of the List
of VAC's peer-reviewed scientific publications (K2)
on specialties: 5.4.2. Economic sociology (sociological
sciences). 5.4.4. Social structure, social institutions and
processes (social sciences). 5.5.1. History and theory
of politics (political sciences). 5.5.2. Political institutions,
processes, technologies (political sciences). 5.5.3. Public
administration and sectoral policies (political sciences).
5.5.4. International Relations (Political Sciences).
5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences).
5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences).
5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture
(philosophical sciences).

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue "The Press of Russia"

Vol. 14, No. 5, 2024

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Маматов М.А., кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ферганского госуниверситета, Республика Узбекистан

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан факультета массовых коммуникаций, Венский университет, Вена, Австрия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана кафедры психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующая кафедрой современной социологии социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Пляйс Я.А., заместитель главного редактора, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI-VII созыва

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор Кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент, научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Юхно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodovskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgoplov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russia

Mamatov M.A., Cand. of Historical Sciences, D. of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Fergana State University, Republic of Uzbekistan

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Plyays Ya.A., Deputy Editor-in-Chief, D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI-VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEP, Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА: РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА: РАЗВОРОТ НА ВОСТОК И ЮГ

<i>Рябухин С.Н., Минченков М.А., Водянова В.В., Заплетин М.П., Проскунов С.С.</i> Создание нового платежного средства стран БРИКС как альтернатива долларовым расчетам	6
<i>Ильинский А.И.</i> Эволюция экосистемы даркнета и вызовы международной информационной безопасности в Африке.	20
<i>Бритвин А.В.</i> Суфийский фактор в политизации ислама на Северо-Восточном Кавказе	30
<i>Полетаев Д.В.</i> Денежные переводы трудовых мигрантов из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана из РФ на родину: устоявшиеся практики и динамичные изменения	41
<i>Шохписанд У.</i> Молодежная политика Республики Таджикистан в контексте актуальных вызовов	50

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Шавеко Н.А.</i> Эпистемическая теория демократии	56
<i>Демьяненко В.И.</i> Практика применения прогнозного социального проектирования в решении проблем пространственного развития	64
<i>Домбровская А.Ю.</i> Использование окулометрии и ассоциативного моделирования в формировании содержания раздела «Образ будущего России» дисциплины «Основы российской государственности» ...	74
<i>Петросяни Д.В.</i> Рециркуляция триггер-историй как метод зашумления информационного поля	81

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Рогач О.В., Фролова Е.В.</i> Социальные аспекты формирования активов домохозяйств как инструмента воспроизводства доверия	90
<i>Корнеева Е.Н.</i> Зарубежная практика использования гуманитарных технологий для формирования общественного сознания	98
<i>Зубец А.Н., Пономарев Н.А., Селезнев П.С.</i> Качество жизни как фактор легитимации результатов муниципальной реформы (на материалах Московской области)	107
<i>Шатохин М.В., Новосельский С.О., Шлеенко А.В.</i> Молодежное предпринимательство в системе молодежной политики Российской Федерации.	116
<i>Гаража Н.А., Вобляя И.Н.</i> Филиалы в экосистеме российских вузов: постановка проблемы и определение перспектив	125

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

<i>Баранов А.Г., Гармашова Е.П., Лопатина Т.А., Пунга Д.В.</i> Региональные особенности, закономерности и опыт хозяйственной жизни города Севастополя во второй половине XIX – начале XX века	134
---	-----

COVER STORY: RUSSIAN POLITICS: THE TURN TO THE EAST AND SOUTH**Ryabukhin S.N., Minchenkov M.A., Vodianova V.V., Zapletin M.P., Proskunov S.S..**

Creating a New Payment Instrument for BRICS Countries as an Alternative to Petrodollars 6

Ilyinsky A.I. Evolution of the Darknet Ecosystem and Challenges of International Information Security in Africa 20**Britvin A.V.** The Sufi Factor in the Politicization of Islam in the North-Eastern Caucasus 30**Poletaev D.V.** Remittances from the Russian Federation to the Homeland of Labor Migrants from Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan: Established Practices and Dynamic Changes 41**Shokhpisand U.** Youth Policy of the Republic of Tajikistan in the Context of Current Challenges 50**FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE****Shaveko N.A.** The Epistemic Theory of Democracy 56**Demyanenko V.I.** The Practice of Using Predictive Social Design to Solve Problems of Spatial Development 64**Dombrovskaya A.Yu.** The Use of Oculometry and Associative Modeling in the Formation of the Content for “Image of the Future of Russia” of the Discipline “Fundamentals of Russian Statehood” 74**Petrosyants D.V.** Recirculation of Trigger Stories as a Method of Increasing the Noise in the Information Field 81**CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH****Rogach O.V., Frolova E.V.** Social Aspects of the Formation of Household Assets as a Tool for the Reproduction of Trust 90**Korneeva E.N.** The Use of Humanitarian Technologies for the Shaping of Public Consciousness in the Foreign Practice 98**Zubets A.N., Ponomarev N.A., Seleznev P.S.** Quality of Life as a Factor in the Legitimization of the Results of Municipal Reform (Based on the Materials of the Moscow Oblast) 107**Shatokhin M.V., Novoselsky S.O., Shleenko A.V.** Youth Entrepreneurship in the Youth Policy of the Russian Federation 116**Garazha N.A., Voblava I.N.** Branches in the Ecosystem of Russian Universities: Problem Statement and Definition of Prospects 125**HISTORICAL EXCURS****Baranov A.G., Garmashova E.P., Lopatina T.A., Punga D.V.** Regional Features, Patterns and Experience of the Economic Life of the City of Sevastopol in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries 134**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА***Международный
научно-практический журнал*
Том 14, № 5 (71), 2024

Главный редактор –

А.Б. ШатиловЗаведующий редакцией
научных журналов –**В.А. Шадрин**

Выпускающий редактор –

Д.В. ОнеговКорректор – **Н.В. Колобова**Верстка – **Е.А. Смирнова**Переводчик – **Д.В. Онегов****Адрес редакции:**

125993, Москва, ГСП-3,

Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6

Тел.: **8 (499) 553-10-74**

(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)**Оформление подписки****в редакции**по тел.: **8 (499) 553-10-71**

(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru**С.Ф. Михайлова**

Подписано в печать 28.01.2025

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 20,25 п. л.

Заказ № 103

Отпечатано в отделе полиграфии

Финансового университета

(Москва, Ленинградский пр-т,

д. 51)

© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. ShadrinManaging editor – **D.V. Onegov**Proofreader – **N.V. Kolobova**Design, make up – **E.A. Smirnova**Translator – **D.V. Onegov****Editorial address:**

53, Leningradsky prospekt, office 5.6

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**

(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)**Subscription in editorial office**tel.: **+7 (499) 553-10-71**

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 28.01.2025

Format 60 x 84 1/8.

Size 20,25 printer sheets.

Order № 103

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt,
Moscow)

© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-6-19

УДК 339.5:336.74(4/5)(045)

Создание нового платежного средства стран БРИКС как альтернатива долларovým расчетам

С.Н. Рябухин, М.А. Минченков, В.В. Водянова, М.П. Заплетин, С.С. Проскунов

НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена всестороннему анализу потенциального влияния создания нового платежного средства странами БРИКС на международную торговлю, экономику и взаимоотношения между странами данного блока. Цель исследования заключается в выявлении возможных изменений в структуре мировой торговли, выяснении влияния на взаимосвязь с налоговыми, таможенными и другими барьерами и определении потенциальных преимуществ для стран — участниц данной инициативы.

Методология исследования базируется на комплексном анализе как теоретических, так и практических аспектов взаимосвязи международной торговли и валютных механизмов. Методы, использованные для написания работы, включают обширный анализ статистических данных, примеры из современной экономической практики, а также научные, исторические и новостные публикации за разные периоды времени.

Результаты и выводы, к которым приходят исследователи, показывают, что создание нового платежного средства странами БРИКС может привести к значительным сдвигам в структуре международной торговли, что доступно за счет сокращения зависимости от доллара США и стимулирования использования альтернативных валютных механизмов. Кроме этого, сделан вывод о том, что разработка и внедрение нового платежного средства может оказать положительное влияние на упрощение торговых операций за счет улучшения взаимодействия с таможенными барьерами. Это приведет к повышению эффективности международной торговли и сокращению затрат на трансграничные операции. Результаты исследования имеют широкую область применения, что включает международную торговлю, внешнеэкономические отношения, геополитику, политику финансовых рынков и стратегическое планирование экономического развития. Выводы авторов подчеркивают важность создания принципиально новых механизмов валютных расчетов с целью создания инфраструктуры для обеспечения устойчивого и равноправного развития мировой экономики, а также для повышения конкурентоспособности стран-участниц и их интеграции в глобальные экономические процессы.

Ключевые слова: дедолларизация; БРИКС; БРИКС+; нефtedоллар; доллар США; геополитика

Для цитирования: Рябухин С.Н., Минченков М.А., Водянова В.В., Заплетин М.П., Проскунов С.С. Создание нового платежного средства стран БРИКС как альтернатива долларovým расчетам. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):6-19. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-6-19

ORIGINAL PAPER

Creating a New Payment Instrument for BRICS Countries as an Alternative to Petrodollars

S.N. Ryabukhin, M.A. Minchenkov, V.V. Vodianova, M.P. Zapletin, S.S. Proskunov

Research Institute "Innovative Financial Instruments and Technologies", Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

ABSTRACT

This research work is dedicated to the comprehensive analysis of the potential impact of the creation of a new payment instrument by the BRICS countries on international trade, the economy, and the relations between the countries of this bloc. The research aims to identify possible changes in the structure of global trade, to investigate its impact on the interaction with tax, customs, and other barriers, and to determine potential benefits for the participating countries of this initiative. The research methodology is based on a comprehensive analysis of both theoretical and practical aspects of the relationship between international trade and currency mechanisms. The methods employed in writing this research work include extensive analysis of statistical data, examples from contemporary economic practice, as well as scientific, historical, and news publications from various time periods.

The results and conclusions drawn by the researchers indicate that the creation of a new payment instrument by the BRICS countries may lead to significant shifts in the structure of international trade, facilitated by a reduction in dependence on the US dollar and encouragement of the use of alternative currency mechanisms. Furthermore, it is concluded that the development and implementation of a new payment instrument could have a positive impact on streamlining trade operations by improving interaction with customs barriers, thereby enhancing the efficiency of international trade and reducing costs associated with cross-border transactions.

The research findings have a broad scope of application, encompassing international trade, foreign economic relations, geopolitics, financial market policies, and strategic economic development planning. The authors' conclusions underscore the importance of creating fundamentally new currency settlement mechanisms to establish infrastructure for ensuring sustainable and equitable global economic development, as well as to enhance the competitiveness of participating countries and their integration into global economic processes.

Keywords: de-dollarization; BRICS; BRICS+; petrodollar; US dollar; geopolitics

For citation: Ryabukhin S.N., Minchenkov M.A., Vodionova V.V., Zapletin M.P., Proskunov S.S. Creating a new payment instrument for BRICS countries as an alternative to petrodollars. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(5):6-19. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-6-19

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДОМИНИРОВАНИЯ ДОЛЛАРА США В МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ

Доминирование Соединенных Штатов Америки в мировой экономике, а также превалирование американского доллара в мировой торговле — это длинная история, которая насчитывает почти столетие. Началом повсеместного распространения доллара США в мире следует считать окончание Первой мировой войны. Когда европейские страны столкнулись с разрухой и необходимостью послевоенного восстановления, США помогли им в основном валютой, долларами, а не технологиями, продовольствием или чем-то осязаемым. Так множество стран получили денежные средства и возможность приобретать за них товары и услуги у тех же Соединенных Штатов. При этом эмиссия долларов США — сфера ответственности ФРС (Федеральной резервной системы). Таким образом США фактически создали огромный спрос на свою национальную валюту. С одной стороны, они сохраняют монополию на их эмиссию (через ФРС), а с другой — на доллар наблюдается огромный спрос со стороны мирового сообщества. Как результат, США до сегодняшнего дня оказывают огромное влияние на мировую экономику, в частности, на валютные и финансовые рынки через свою монетарную политику¹ [1].

Подобная ситуация в какой-то мере имела смысл ранее, так как еще до окончания войны, в 1944 г., была создана Бреттон-Вудская система, согласно которой курс американского доллара был зафиксирован по отношению к золоту. Про-

стыми словами, доллар можно было воспринимать как более легкую форму торговых взаимоотношений, ведь каждая долларовая бумажка была подкреплена физическим золотом. Но в 1971 г. США приняли решение отменить обеспечение доллара, что не снизило его популярности и востребованности, так как доллар уже успел стать резервной валютой.

Доллар в том виде, в котором он циркулирует в современной экономике, по причине его тесной привязки к такому важнейшему сырьевому ресурсу, как нефть, часто отождествляют с термином «нефтедоллар». История нефтедоллара уходит корнями в 70-е гг. прошлого века. Стоимость нефти до 1973 г. была номинирована в долларах, но во многих случаях страны могли осуществлять платежи за национальную валюту. Это выглядело логично: страна А добывает нефть и продает ее стране Б за валюту страны Б или А. Но в 1974 г. между США и Саудовской Аравией было заключено историческое соглашение, в результате которого Саудовская Аравия, будучи мировым лидером по экспорту нефти, стала продавать свою нефть за доллары США. В дальнейшем это привело к весьма абсурдной ситуации: страна А добывает нефть и продает ее стране Б, при этом страна Б должна осуществлять оплату американскими долларами, которые, в свою очередь, выпускаются США, и только США, при этом не имеют привязки к доллару, а фактически являются необеспеченной бумагой. Мировое сообщество перешло на такую схему, в результате чего за долларом закрепился термин «нефтедоллар».

Сам факт отказа США от золотого стандарта кардинальным образом сказался на функционировании мировой нефтедобывающей индустрии. Отказ от золотого стандарта вызвал девальваци-

¹ Котелкин С.В. Международные финансы. Учебник. М.: Магистр; ИНФРА-М; 2015. 686 с.

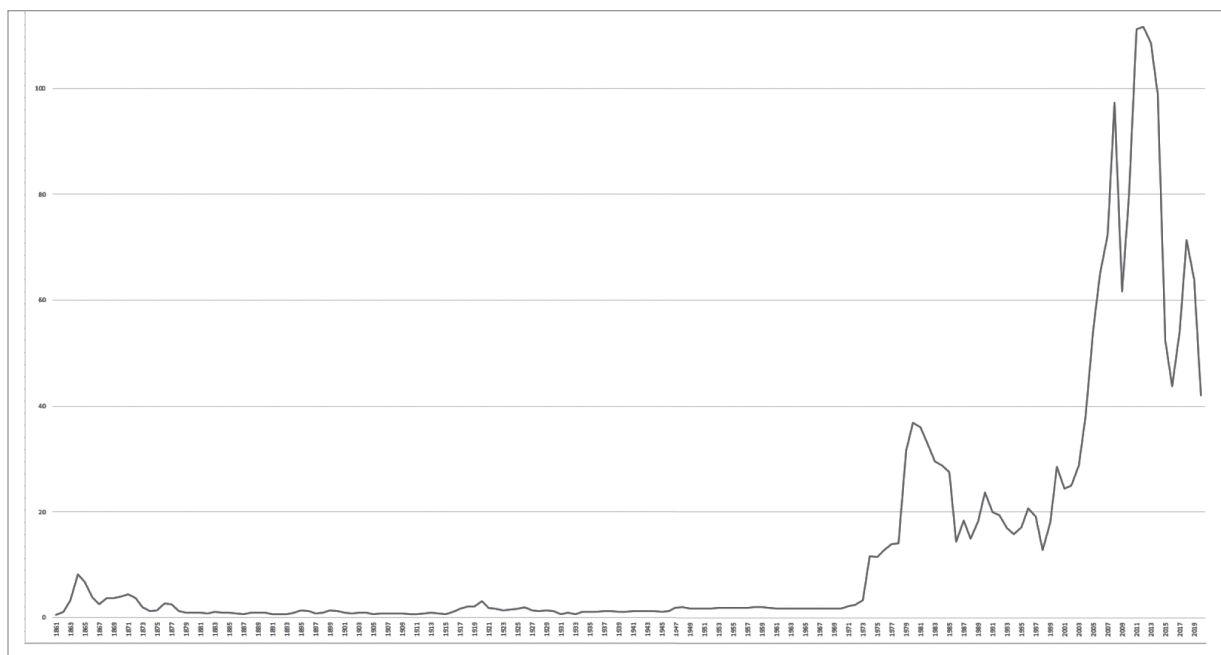

Рис. 1 / Fig. 1. Номинальная цена на нефть с 1861 по 2020 год / Nominal price of oil from 1861 to 2020

Источник / Source: онлайн-издание OWID / OWID online media

онные процессы, в результате чего значительно снизилась стоимость ранее заключенных контрактов (рис. 1).

Проследить дальнейшее развитие событий можно вплоть до нашего времени, когда доллар США является привычной валютой для расчетов за сырьевые товары и услуги, что само по себе абсурдно, учитывая геополитические противостояния между странами [2].

В 2024 г., когда страны БРИКС, учитывая новых присоединившихся членов (рис. 2), являются обладателями около 44,5% мировых запасов нефти, стремления отказаться от гегемонии американского доллара являются обоснованными и логичными.

Нельзя сказать, что доминирование американского доллара в мировой торговле, в частности, на добывающем рынке, является исключительно отрицательным аспектом. Несмотря на отсутствие привязки к золотому стандарту, доллар считается наиболее ликвидной валютой в мире, а поэтому может быть легко конвертирован в другие валюты, что не влечет за собой значительных транзакционных издержек. Также оборот доллара в мировой экономике упрощает привлечение инвестиций для модернизации добывающей и других сфер. Хотя в последние годы это утверждение оспаривается, но доллар США

в какой-то мере сохраняет свой статус «тихой гавани» для американских и других инвесторов, когда в мировой экономике царят нестабильность и непредсказуемость. Если инвесторы отказываются от инвестиций в фондовый рынок и переходят в наличный доллар, пускай даже на краткие периоды времени, это повышает ликвидность и укрепляет данную валюту.

Впрочем, подобная ситуация для стран БРИКС не может считаться полностью приемлемой. Так, доминирование США привело к глобальному доминированию в мировой торговле, что во многом ограничивает проведение самостоятельной экономической политики странами БРИКС. Это не только ущемляет экономические интересы, но и во многом ограничивает суверенитет. Более того, резкие действия США могут оказать очень сильное влияние на локальную экономику. К примеру, когда США ввели санкции против России, ограничив доступ к долларам, это повлекло за собой снижение курса рубля, что повлекло за собой экономические проблемы и вызвало необходимость оперативных ответных мер.

Таким образом, обладая монополией на эмиссию долларов, США продолжают влиять на мировую экономику через различные инструменты, среди которых наиболее популярным является санкционная политика.

Весьма парадоксально то, что Соединенные Штаты Америки влияют на мировые валютные и финансовые рынки через свою монетарную политику, которая осуществляется через ФРС (Федеральную резервную систему). Данная организация стала предметом активных обсуждений в литературе, в том числе художественной, так как имеет частную форму собственности, хотя этот факт часто отрицается. Тем не менее она играет ключевую роль в определении объемов эмиссии национальной валюты, изменении базовой процентной ставки и решении других важнейших вопросов, которые актуальны не только для экономики США, но и для валютно-финансовой системы всего мира. Поэтому фразы о том, что США обладают монополией на управление мировыми финансами, являются более предметными, когда становится ясно, что такое управление осуществляется через ФРС.

Кроме ФРС, Соединенные Штаты осуществляют управление финансами через другие организации, среди них Комиссия по ценным бумагам и биржам. Ее изначальная роль — обеспечивать стабильность финансовых рынков и способствовать защите интересов. Однако и в данной сфере не обходится без политизации. Так, хорошо известно многолетнее противостояние Комиссии по ценным бумагам и биржам с мессенджером Telegram, разработчиком которого является команда под управлением Павла Дурова. Время от

времени в СМИ появляются сообщения о том или ином запрете Telegram, например, в 2019 г. SEC объявила о судебном запрете выпуска криптовалюты Gram. Эти и другие инициативы достаточно легко объясняются, если принять во внимание позицию Павла Дурова, который стремится сохранить неподконтрольность мессенджера. Важно заметить, что в 2024 г. Telegram — это не только средство для общения, но полноценная социальная сеть, где пользователи общаются между собой, потребляют новостной контент, а также имеют доступ к криптовалютному кошельку Telegram Wallet. Внимание американского правительства через SEC к такому сервису вполне объяснимо, однако в этом четко прослеживается политизация. Вполне очевидно то, что США пытаются сохранить доминирование не только американского доллара, но и подконтрольных американскому правительству социальных сетей и мессенджеров.

Наполнение мировой экономики долларами в послевоенное время, а также привязка взаиморасчетов за нефть к доллару привели к тому, что США могут в наше время контролировать не только добывающую индустрию, но и в целом экономику других стран, а также крупные международные компании, деятельность которых вступает в противоречие с американским законодательством.

Локальные и глобальные геополитические конфликты, а также разного рода напряженность

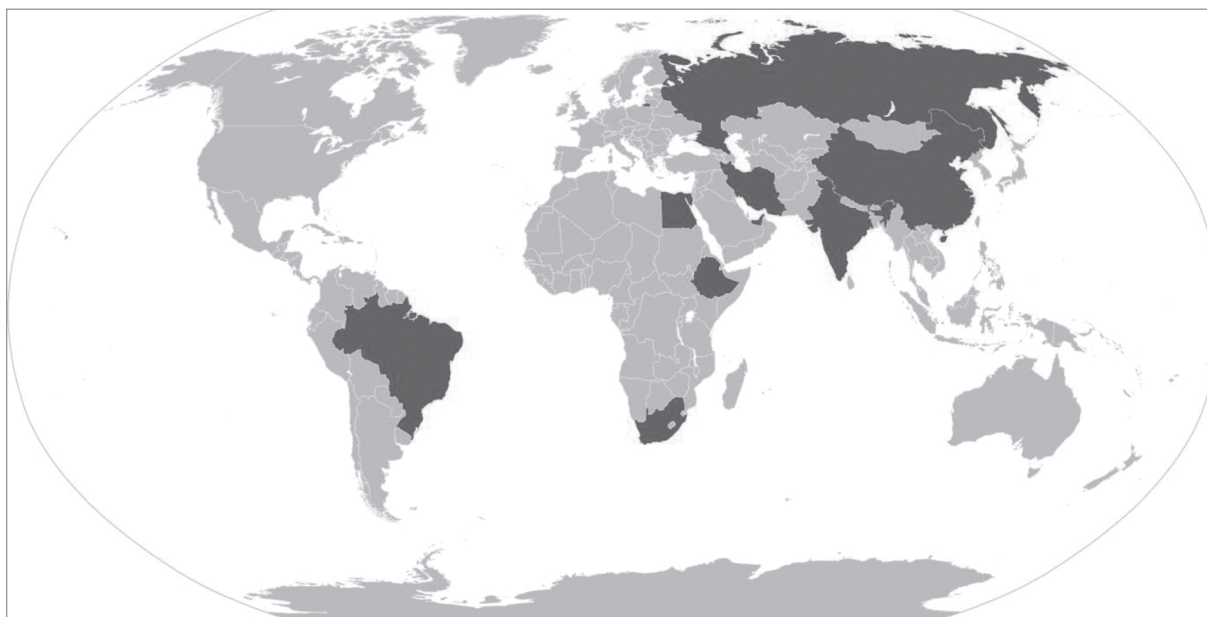

Рис. 2 / Fig.2. Страны БРИКС после расширения (2024) / BRICS countries after expansion (2024)

Источник / Source: онлайн-издание OWID / OWID online media.

между странами и регионами оказывают ощутимое влияние на финансовую систему. Глобальное противостояние, за которым следят во всех странах мира, наблюдается между США и Китаем. Столкновение интересов крупнейших экономик мира привело к ужесточению законодательства, введению контрмер, в результате чего страдают конечные потребители. Это вполне объяснимо, так как каждая из стран защищает свои интересы. Впрочем, финансовые рынки достаточно активно реагируют на новости о переговорах и введении контролирующих мер. Заявления политиков относительно торговых отношений между США и Китаем приводят к колебаниям курсов валют, в отдельных случаях влекут за собой падение стоимости финансовых индексов, а также вызывают большую неопределенность на рынках данных стран и в целом в международной финансовой системе.

РОЛЬ НЕФТИ В ЭКОНОМИКЕ СТРАН БРИКС

Чтобы лучше понять необходимость в создании нового платежного средства стран БРИКС как альтернативы нефтедоллару, важно обратить внимание на роль добывающей индустрии, в частности нефти, в экономике стран БРИКС.

Нефть играет важнейшую роль в экономике стран БРИКС, являясь доминирующим источником дохода, а добывающая индустрия способствует созданию огромного количества рабочих мест. Торговля в конечном итоге обеспечивает

экономическую безопасность и во многом политическую независимость.

Доля нефти в ВВП России и Саудовской Аравии — десятки процентов. При этом ресурс находится на первой позиции в статье экспорта Саудовской Аравии и Ирака. Многие регионы и города, в частности, Дубай, возникли исключительно за счет добывающей индустрии. Дубай активно застраивается, привлекает миллиардные инвестиции в самые разные проекты, и это все возможно за счет продажи нефти.

Поэтому потребность в отказе от американского доллара или хотя бы разнообразии платежных инструментов обретает все большую актуальность. Страны БРИКС ощущают острую необходимость в создании нового платежного инструмента, который способствовал бы снижению зависимости от доллара США и других валют, а также привел бы к обеспечению финансовой безопасности.

Важно то, что с 1 января 2024 г. БРИКС — это не только Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка, но межгосударственное объединение девяти крупных государств, которые представляют разные континенты. Созданная в 2006 г. организация была расширена за счет вступления Ирана, ОАЭ, Эфиопии и Египта. По состоянию на 2024 г., доля ВВП БРИКС в мировой экономике превышает долю ВВП G7 (рис. 3). Более того, около 40 стран поддерживают интерес к дальнейшему присоединению к этому блоку.

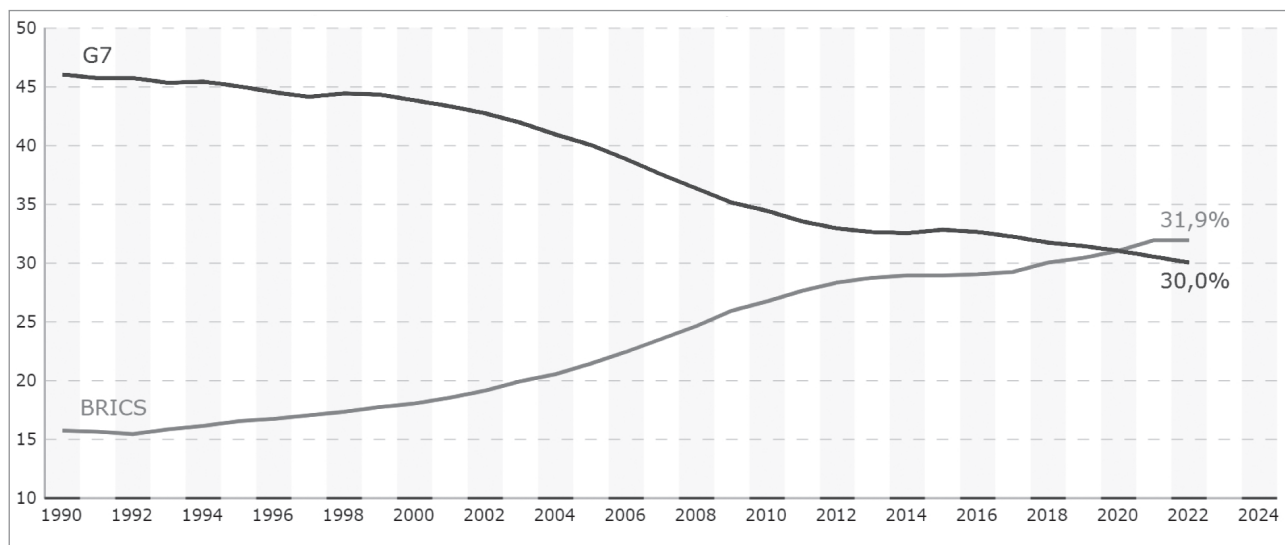

Рис. 3 / Fig. 3. Доля ВВП G7 против доли ВВП БРИКС в мировой экономике /G7 GDP share vs. GDP BRICS share of the world economy

Источник / Source: infobrics.org.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ: СОЗДАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВАЛЮТ

В 1999 г., когда евро был введен в качестве валюты Европейского Союза, это назвали одним из важнейших событий глобальной финансовой системы. Несмотря на то, что цель создания данной валюты была вполне очевидной — смягчить зависимость от доллара — резких действий со стороны США не последовало. Потребовалось всего несколько лет, чтобы евро утвердился на позиции второй по распространенности резервной валюты, при этом значительно уступая доллару США. Впрочем, в наше время евро имеет важнейшее значение для международной торговли [3].

Повышает свою востребованность на мировой финансовой арене и китайская валюта юань. В частности, Россия планомерно увеличивает долю юаня в своих резервах. Мощнейшая экономика, а также активные торговые отношения со многими странами делают юань популярным и востребованным. Но называть его резервной валютой, которая способна единолично противостоять доллару США, пока что рано [4, 5].

Обсуждая резервные валюты и перспективы ухода от гегемонии американского доллара, невозможно не упомянуть и о криптовалютах. Созданный в 2009 г. биткоин и технология блокчейн представляют собой потенциальную альтернативу не только доллару, а фиатной системе как таковой. Впрочем, децентрализация и анонимность криптовалют являются технологическими, но не юридическими. В 2024 г. государства не переходят и не собираются переходить на взаиморасчеты за нефть или другие сырьевые ресурсы в криптовалюте.

Но эти примеры показывают, что создание альтернативных валют, которые могли бы противостоять доллару, — инициатива реальная и осуществимая. Причем необходимость в этом назрела давно. В особенности в этом процессе важна роль Китая, так как он вполне заслуженно считается первой экономикой мира, что доказывают многочисленные статистические данные. Однако в плане дедолларизации уместнее вести речь не о государствах, а о блоках, например, таких, как БРИКС. США имеют европейских союзников, однако у стран Европейского союза есть своя валюта, евро, от которой они отказываться не будут. Между странами БРИКС конкуренция на экономической арене присутствует, но речи о том, чтобы рубль или юань сместили доллар, не идет.

Страны БРИКС уже давно ведут совместную работу над созданием платежной системы BRICS Pay. Это — цифровая платформа, которая разрабатывается при участии экспертов стран БРИКС и нацелена на то, чтобы обеспечить легкость осуществления цифровых платежей между странами. Задекларированные цели — обеспечить для бизнеса и потребителей простые возможности перевода и приема платежей в своих национальных валютах. Это должно снизить и затраты, и сложность международных платежей, гарантируя их безопасность.

Кроме основной функции облегчения международных платежей, BRICS PAY также стремится к содействию и развитию торговли и инвестиций между странами-участниками. Платформа позволяет предприятиям участвовать в глобальных цепочках поставок, упрощая процессы оплаты за товары и услуги. Это способствует расширению возможностей бизнеса для участия в международной торговле и благоприятствует развитию экономического сотрудничества между странами БРИКС. В дополнение к этому BRICS PAY имеет потенциал оказать значительное положительное влияние на процессы финансовой интеграции в рамках блока БРИКС. Если платформа будет разработана в таком виде, как запланировано, она внесет весомый вклад в создание единого открытого цифрового рынка в странах БРИКС и в значительной мере упростит как финансовые транзакции, так и обмен данными между участниками.

Реализация BRICS PAY, вполне возможно, будет восприниматься как пример для разработки и внедрения других глобальных инициатив в области цифровых финансов. Примечательно, что страны блока БРИКС нацелены на развитие и использование национальных валют, а не создание единой.

НЕОБХОДИМОСТЬ СОЗДАНИЯ НОВОГО ПЛАТЕЖНОГО СРЕДСТВА СТРАН БРИКС

ВВП стран БРИКС+, т.е. с учетом новых членов, по итогам 2023 г. составил 35% от общего значения мировой экономики. Предполагается, что в течение ближайших 15–20 лет страны БРИКС будут контролировать более 50% мировой экономики. Поэтому уход от американского доллара и наличие собственной валюты — это необходимость. В качестве возможных вариантов для этой цели, вполне возможно, будет использоваться

корзина национальных валют стран, входящих в блок. Также для обеспечения данной валюты могут использоваться серебро, золото и нефть. Подобная инициатива была бы закономерным и логичным возвратом к обеспечению валют реальными активами, что, вероятно, окажется крайне положительным аспектом для функционирования мировой экономики. Пока же акцент сделан на переход на взаиморасчеты с использованием национальных валют, что, вероятно, стоит рассматривать в качестве первого этапа.

Учитывая активную цифровизацию всех бизнес-процессов, вполне очевидно, что новая платежная система, должна быть разработана на основе передовых технологий, в число которых на сегодняшний день входит блокчейн.

Технические и технологические аспекты — далеко не самая большая проблема, когда речь заходит о создании новой валюты. На сегодня технология блокчейн позволяет любому технически грамотному пользователю создать свою криптовалюту. Поэтому, учитывая огромные технические возможности, для стран БРИКС, вероятно, не составит труда создать новую платежную систему и новое платежное средство в цифровом пространстве. Но сможет ли платежное средство стать альтернативой доллару, как это в свое время случилось с евро? Данный вопрос вынуждает рассмотреть ситуацию с геополитической точки зрения.

Создание евро в 1999 г. на самом деле оказалось важнейшим этапом развития мировых финансов [6, 7]. Это, безусловно, поколебало авторитет доллара на международной валютно-финансовой арене. Однако в политическом и экономическом плане Европейский союз по-прежнему зависим от Соединенных Штатов. Санкционная политика коллективного Запада, направленная на разрушение российской экономики, мощный толчок которой был дан в начале 2022 г., возымела зеркальный эффект. С каждым новым пакетом санкций Россия все больше активно наращивала объемы импортозамещения за счет развития внутреннего рынка, а также заключала договора с альтернативными партнерами. Например, азиатские партнеры стали оплачивать поставки российской нефти в рублях и юанях.

В свою очередь, страны коллективного Запада были вынуждены и по состоянию на начало 2024 г. по-прежнему активно работают над поиском альтернативных поставок нефти и газа.

Полный переход на зеленые технологии пока что невозможен и в обозримом будущем вряд ли может считаться полноценной альтернативой, поэтому Европейский союз, отказываясь от сотрудничества с Россией, вынужден переходить на сотрудничество с США в планах поставок американского сланцевого газа. Многие международные эксперты указали на то, что такая переориентация приведет к новой зависимости, ведь Европа будет вынуждена покупать американский газ и рассчитываться за это в американских долларах. Простыми словами, несмотря на внедрение и активную популяризацию евро, Европа попадает в экономическую зависимость от США и необходимость перехода на долларовые расчеты. Таким образом, спустя четверть века после образования собственной валюты (евро) Европа вынуждена фактически отказываться от своей энергетической безопасности, возвращаясь к зависимости от США, как это было после Второй мировой войны. Поэтому говорить о серьезной конкуренции между долларом и евро не приходится² [8].

Подобные события происходят всего через несколько лет после того, как сложившаяся система международных отношений и взаиморасчетов казалась непоколебимой и полностью контролируемой США. После введения санкций Россия продолжила торговлю нефтью, не опираясь на американские фьючерсы и не прибегая к услугам британских страховщиков, получая платежи за национальные валюты, в том числе за российские рубли. Подобная ситуация наблюдается и в других сферах. Ограничения в работе российских банков и их отключение от системы SWIFT также не возымели ожидаемого эффекта. Несмотря на возникшие сложности, граждане переводят друг другу средства с помощью многочисленных систем переводов и криптовалют. Кроме этого, активно продолжают свою работу российская СПФС и китайская CIPS. Что же касается американского доминирования на рынке платежных систем через Visa и Mastercard, то их уход с российского рынка многими остался и во все не замечен. Стремительный рост продолжает демонстрировать платежная система «МИР».

² Лаптев С.В. Основы теории государственных финансов. Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Мировая экономика». М.: Юнити-Дана; 2013. 240 с.

Учитывая это, вполне очевидно, что американский доллар не является таким влиятельным, как он был ранее, а сами Соединенные Штаты теряют международный авторитет (рис. 4). Европейский союз, который призван быть надежным спутником и помощником, на самом деле переходит в роль зависимого партнера. При этом речь идет о более чем двух десятках развитых государств, некоторые из которых — особенно высокоразвитые!

ПОСЛЕДСТВИЯ СОЗДАНИЯ НОВОГО ПЛАТЕЖНОГО СРЕДСТВА СТРАН БРИКС

Когда новое платежное средство БРИКС будет разработано и внедрено, это окажет огромное влияние на мировую экономику, в частности на американский доллар. Но прежде, чем обсуждать последствия, необходимо определить, насколько это вообще реально. Если внедрение евро прошло достаточно безобидно, то это можно объяснить лишь тем фактом, что Европейский союз и Соединенные Штаты Америки изначально имеют достаточно тесную связь. Да, евро — это самостоятельная валюта, которая не имеет прямой привязки к доллару, однако торговое, культурное, научное сотрудничество между странами ЕС и США было и остается достаточно тесным.

Что же касается стран БРИКС, то они пребывают в гораздо большей конфронтации с США. Китай регулярно ведет с Соединенными Штатами торговые войны, которые сопровождаются взаимными санкциями. Россия пребывает не только в торговой, но и в культурной конфронтации.

Индия, в свою очередь, имеет перспективы стать первой экономикой мира, обогнав Китай. Поэтому у стран БРИКС гораздо больше мотивации и возможностей для того, чтобы инициировать и реализовывать процессы дедолларизации. Если новое платежное средство будет создано и внедрено, это, безусловно, подорвет доверие к доллару как ключевой резервной валюте, что, возможно, создаст лавинообразный эффект.

Вхождение в состав БРИКС новых членов с 1 января 2024 г. — лишь начало расширения блока. На сегодняшний день десятки стран разделяют экономическую идеологию России, Китая, Бразилии и других стран. Аргентина, которая, как планировалось, войдет в состав блока и которая пока не предприняла этого действия, является мощной экономикой и близким партнером Бразилии. Поэтому ее вхождение, что, как считают многие эксперты, — лишь вопрос времени, дополнительно усилит экономический потенциал блока.

Создание и внедрение альтернативы нефтедолларам под контролем блока БРИКС, безусловно, имеет шанс внести существенные изменения в международную торговлю на глобальном уровне, а не только укрепит отношения между странами — участницами блока. Самое очевидное — это снижение общих объемов американского доллара в международной торговле. Новая валюта, вполне вероятно, будет восприниматься как резервная и подвинет доллар в экономике других стран. Глобальный спрос на американскую валюту значительно снизится. Новое платежное средство окажет огромное влияние на экономическую

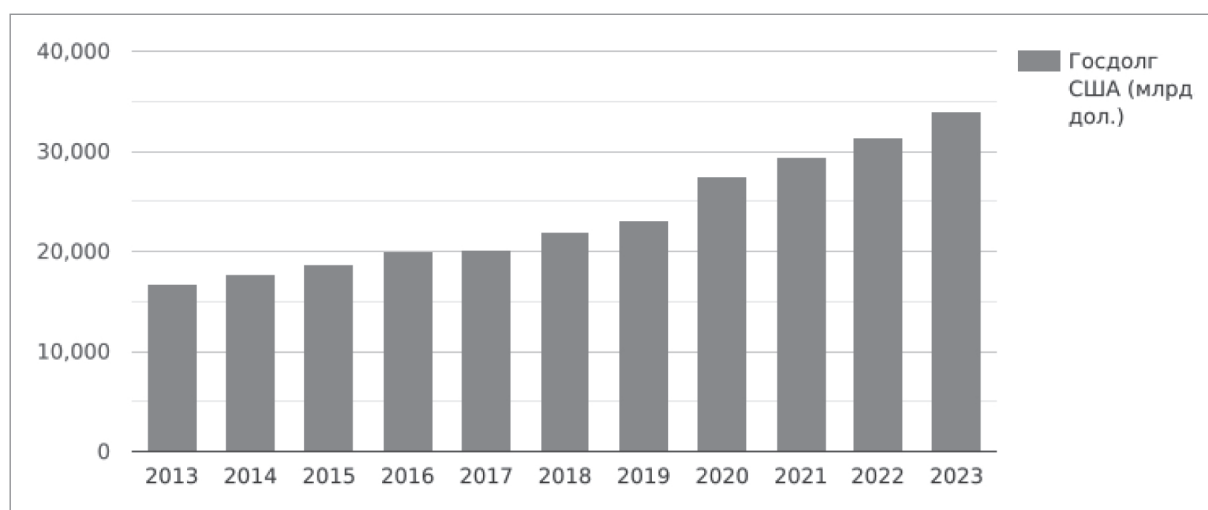

Рис. 4 / Fig. 4. Госдолг США по годам / U.S. government debt by year

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

связь между таможенными процедурами и финансовыми платежами. Международная торговля — это огромное число самых разных нюансов и юридических деталей. Вполне возможно, создание нового платежного средства стран БРИКС инициирует разработку новых инновационных механизмов для облегчения торговых операций. Это приведет к сокращению временных и финансовых затрат на выполнение таможенных процедур, а также в целом упростит торговые операции между странами, которые перейдут на использование нового платежного средства. Главное — то, что выполнение импортных и экспортных операций будет осуществляться без надзора Соединенных Штатов Америки³ [9].

ОЦЕНКА ВЕРОЯТНОСТИ УСПЕХА ВНЕДРЕНИЯ НОВОГО ПЛАТЕЖНОГО СРЕДСТВА СТРАН БРИКС

Внедрение нового платежного средства стран БРИКС, будь то криптовалюта на базе технологии блокчейн, новая фиатная валюта или корзина валют, вне сомнения столкнется со сложностями, так как его успешное внедрение и функционирование будет означать окончательную потерю Соединенными Штатами доминирования в финансовой и экономической сферах. Несмотря на сложности в технологическом плане, они ничто по сравнению с потенциальной геополитической нестабильностью, которую вызовет реализация данного проекта.

Соединенные Штаты Америки, не желая терять тотальную доминацию в мировой социально-экономической среде, вероятно, предпримут ряд решительных действий, направленных на создание разнообразных препятствий^{4,5}. В первую очередь это может заключаться в дипломатическом давлении. Несмотря на разногласия, США тесно сотрудничают с Россией, Китаем, Индией и другими странами БРИКС. Тысячи компаний взаимодействуют друг с другом, чтобы создавать

и обмениваться сотнями тысяч единиц товаров и услуг. Поэтому США могут использовать разнообразные дипломатические каналы, чтобы убеждать международные организации и страны-партнеры в том, что сам процесс создания нового платежного средства принесет нестабильность устоявшейся мировой финансовой системе⁶ [10].

Несмотря на то, что современные международные валютно-финансовые отношения далеки от идеальных, нефтяные войны и борьба на рынке энергоресурсов — явления достаточно часто встречающиеся, мир существует, и доминация нефтедоллара приемлема для всех участников. Несмотря на то, что многие страны на самом высоком уровне выступают против гегемонии доллара, они по-прежнему заключают договоры и получают на свои счета миллиарды долларов США [11, 12]. Мотивация изменить это имеется, но все же она не является крайне кардинальной. Соединенные Штаты Америки обладают огромными политическими возможностями влиять если не на весь блок БРИКС, то на отдельных его членов, например, на ЮАР или Бразилию. Кроме этого, расширение блока, с одной стороны, укрепляет его, а с другой — делает более уязвимым, так как новые члены обладают менее мощной экономикой и более подвластны стороннему влиянию.

США — страна, которая имеет огромное влияние на крупнейшие международные финансовые институты. Это и Всемирный банк, и Международный валютный фонд, и другие, поэтому препятствие оказанию финансовой поддержки одной или несколькими странами БРИКС — задача вполне выполнимая. Мы знаем, что при рассмотрении заявки на кредитование МВФ может выдвигать ряд требований, которые кардинальным образом изменяют социальную политику государства. Например, в отдельных случаях речь идет о повышении пенсионного возраста, урезании социальных выплат и т.д. Данные требования могут быть либо трудновыполнимыми, либо вообще невыполнимыми. Таким образом может быть осуществлено негласное санкционное давление, которое в конечном итоге приведет к вполне очевидному переходу одной из стран — участниц БРИКС на сторону США. Впрочем, нельзя однозначно говорить, что БРИКС — это противо-

³ Звонова Е.А., Орлова Н.Л., ред. Мировая экономика и мировые финансы: глобальные проблемы и перспективы. Коллективная монография по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию факультета международных экономических отношений. М.: Русайнс; 2015. 352 с.

⁴ Сухарев О.С. Институциональная экономика: учебник и практикум для вузов. 3-е изд. М.: Издательство Юрайт; 2019. 463 с.

⁵ Федякина Л.Н. Международные финансы. М.: Международные отношения; 2012.

⁶ Чеботарев Н.Ф. Мировая экономика и международные экономические отношения. Учебник для бакалавров. 2-е изд. М.: Дашков и К°; 2019. 349 с.

стояние США, ведь США и страны БРИКС имеют тесные контакты — на торговом, социальном и культурном уровнях.

Несмотря на активные разговоры о необходимости дедолларизации, по состоянию на 2024 г., не имеется четко разработанного плана по дедолларизации и созданию нового платежного средства. Не обозначены ни его форма, ни то, каким образом оно будет выглядеть. Но все же страны БРИКС уже почти десять лет движутся по этому направлению. Так, в 2015 г. в Сямэньской декларации страны БРИКС заявили о том, что между ними была достигнута тесная связь на пути развития делового сотрудничества в валютной сфере, что соответствует мандатам центробанков каждой страны. В качестве инструментов были обозначены прямые инвестиции в национальных валютах, расчеты в национальных валютах и валютные своп-операции. Также было анонсировано создание BRICS Pay, платежной системы, которая позиционируется в качестве альтернативы SWIFT. Уже в 2019 г. за первое полугодие доля американского доллара в коммерческих расчетах между странами БРИКС и Россией упала до 50,4%. А в августе 2023 г. лидеры стран БРИКС выступили с заявлением о совместном стремлении использовать национальные валюты для взаиморасчетов вместо американского доллара. Президент Бразилии даже открыто предложил создать и ввести в обращение новую валюту. Подобные инициативы были вызваны тем, что в 2022 г. после поднятия ФРС процентных ставок доллар значительно укрепился по сравнению со многими национальными валютами, что привело к значительным затратам стран — участниц БРИКС.

Подобные инициативы озвучивались и ранее. Например, еще в 2009 г. китайские чиновники предлагали реформировать международную валютную систему путем создания новой резервной валюты, утверждая, что данная инициатива позволит снизить риски потенциального будущего кризиса, а также приведет к расширению возможностей для управления кризисными явлениями. В качестве альтернативы доллару была предложена корзина национальных валют, в которую, кроме доллара и евро, вошли бы фунт стерлингов и иена. Однако, как и следовало ожидать, это предложение не нашло поддержки со стороны США.

Китай, вероятно, больше других стран заинтересован в создании альтернативы доллару. Одна

из причин — торговая война, развязанная США, которая проявляется в повышении тарифов на импорт из Китая. Для упрощения взаиморасчетов на самых разных уровнях китайское правительство инициировало введение цифрового юаня, что стало реализацией задекларированной цели по подготовке к потенциальному отключению от SWIFT. И уже в 2022 г. Россия и Китай предприняли решающие шаги по отказу от американского доллара, что проявилось в использовании рублей и юаней для оплаты поставок энергоресурсов. Позже о переходе на юань заявила и Бразилия. Что касается европейских стран, то они достаточно сдержанно комментируют отказ от доллара и евро во внешнеэкономических операциях. Франция стала первой страной Западной Европы, которая приступила к оплате торговых сделок в китайских юанях.

Несмотря на активные действия других стран БРИКС, вероятно, наиболее активным участником мирового тренда дедолларизации следует считать Россию. Противостояние между Россией и США имеет длительную историю. Холодная война насчитывает многие десятилетия и проявляется в непрестанной конкуренции в самых разных сферах — научной, технологической, спортивной, культурной. Разговоры о необходимости отказаться от доллара ведутся давно, однако решительные действия в новой истории были предприняты в 2014 г., когда накалилась геополитическая обстановка в связи с Крымским вопросом. Тогда появились разговоры о том, что, во-первых, коллективный Запад может инициировать отключение России от SWIFT, что и случилось, но гораздо позже, а во-вторых, могут быть заморожены вклады России в государственные облигации США.

Одним из инструментов борьбы с возможными отключениями стало подписание соглашений между Россией и Китаем о взаимном доступе к рублям и юаням без совершения торговых операций на валютном рынке. Это упростило использование Россией юаня, а Китаем рубля. Уже в 2019 г. российские и китайские чиновники приступили к разработке платежных платформ, которые бы смогли стать альтернативой системе SWIFT. Избавление от доллара в резервах, впрочем, — процесс непростой и затяжной во времени. Решение полностью избавиться от американского доллара пока что остается невыполнимым в силу тесного переплетения торговых

отношений между странами, вне зависимости от политических и других разногласий. Впрочем, начало военного противостояния в 2022 г. стало причиной активации санкционной политики США и стран коллективного Запада против России, что еще больше повысило темпы дедолларизации. Многие эксперты сошлись во мнении о том, что американская валюта используется Соединенными Штатами как средство борьбы на геополитической арене. К такому мнению пришли не только сторонники политики БРИКС, но и других объединений, в частности ЕАЭС. Европейский центральный банк еще в 2019 г. назвал Россию одной из основных стран, которые способствуют дедолларизации. Российские чиновники не стали это отрицать.

23 марта 2022 г. случилось, вероятно, важнейшее событие в новейшей истории, которое стало мощным ударом по многолетнему авторитету американской валюты. Президент России Владимир Путин высказался о необходимости перевода расчетов за поставки природного газа в рубли. Это привело к невероятному укреплению российского рубля по отношению к доллару и другим валютам. Позже, по итогам года, рубль стал одной из самых стабильных валют. Подобное замечание было сделано по отношению к недружественным странам, которые традиционно являлись важнейшими партнерами России в плане покупки этого важнейшего ресурса.

Китай, Пакистан, Индия и другие страны выразили согласие рассчитываться с Россией в рублях за поставленные товары. Но при этом они делают акцент и на своих национальных валютах. К примеру, Индия всячески стремится сохранить использование рупии в международных расчетах.

НЕДОСТАТКИ ДЕДОЛЛАРИЗАЦИИ

Несмотря на очевидную необходимость дедолларизации, этот процесс имеет существенные недостатки. Главные из них — крайне высокая сложность и потенциальное сопротивление Соединенных Штатов, что может привести не только к торговым войнам и санкционным ограничениям, но и к реальному военному противостоянию [13].

Также важной проблемой является то, что варианты, которые предлагается рассматривать в качестве альтернативы, имеют фиатную природу. Рубль, юань или корзина валют — это все те же фиатные деньги, которые имеют бумажную природу, такую же, как доллар, т.е. не обеспечены реаль-

ными товарами. Несмотря на то, что термин нефтедоллар активно употребляется по отношению к доллару, американская валюта не обеспечена ни нефтью, ни золотом, ни какими-либо другими товарами или услугами. Поэтому настоящий успех дедолларизации, вероятно, должен заключаться не просто в том, чтобы перейти от доллара на другую фиатную валюту или валюты, а в том, чтобы они имели иную природу, в частности, были подкреплены так, как доллар согласно Бреттон-Вудской системе [14, 15]. И поскольку речь идет об уходе не просто от доллара, а от нефтедоллара, то реальными можно считать два варианта.

Первый — это, то, о чем уже идет речь, т.е. об обеспечении нового платежного средства нефтью, золотом, серебром и другими сырьевыми товарами. Учеными называются цифры, описывающие общие запасы нефти, газа и золота в недрах земли, поэтому такой подход может решить главную проблему фиатных валют — необеспеченность и возможность постоянной эмиссии.

Второй вариант представляется более реальным, учитывая стремительное развитие цифровых технологий. Речь идет о создании цифровых валют на платформе блокчейн или другой подобной ей. В этом случае можно ориентироваться как на ограничение эмиссии, что легко достижимо, так и на полный контроль государствами-партнерами. Несмотря на то, что криптовалюты известны своей неподконтрольностью и децентрализованностью, успешная реализация таких проектов, как стейблкоины и другие, показывает: создание цифровой альтернативы реальной валюте — процесс не самый сложный. У правительственных органов не возникнет сложностей в том, чтобы обеспечить полный контроль за передвижением каждой потраченной единицы валюты, что сейчас не представляется возможным в силу наличия в обороте бумажных денежных средств и большого количества традиционных банков.

ВЫВОДЫ

Дедолларизация неизбежна. Она является логичным продолжением развития международной финансовой системы. Процесс уже запущен, при этом страны БРИКС играют в нем активнейшую роль. Важно говорить не просто об отказе от американского доллара, а о том, что Соединенные Штаты теряют свой авторитет на международной арене. И это подтверждают реальные экономические данные. США больше не могут называться

экономикой номер один. Дополнительно к этому, ни Китай, ни Россия не выступают единолично против доминирования Соединенных Штатов. Страны объединяются в блоки, такие как БРИКС, БРИКС+, АСЕАН и многие другие. При этом такие объединения базируются не только на экономических параметрах, но и подразумевают единство в плане социального, культурного и другого со-

трудничества. Такое утверждение может показаться спорным, учитывая разные направления развития Китая и России или Бразилии и ЮАР. Однако важно то, что в борьбе с американским долларом подразумевается не только вытеснение этой валюты, а продвижение национальных. А это положительно воспринимается и руководством стран, и обычными гражданами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Блохина Т.К. Мировые финансовые рынки. М.: Проспект; 2019. 160 с.
2. Локтионова Ю.Н., Толкачева О.О. Особенности современной структуры мирового финансового рынка. *Новая наука: финансово-экономические основы*. 2017;(2):116–123.
3. Рыбасова М.В., Gladkova A.V. Проблема взаимодействия доллара и евро в формирующейся новой мировой валютной системе. *Электронный научный журнал*. 2016;(6):371–377.
4. Салицкий А. Китай на волнах глобализации. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019;63(10):122–126.
5. Годин Ю. Сенчагов В.К. Экономика, финансы, цены эволюция, трансформация, безопасность, М.: Институт экономики РАН, Анкил, 2010. 1120 с. *Вопросы экономики*. 2013;(4):159–160.
6. Антюшина В.В. Доллар против евро. *Банковское дело*. 2017;(2):44–49.
7. Гусар С.А. Валютная пара «евро-доллар» и ее роль в формировании новой глобальной международной валютной системы. *Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития*. 2015;(21):7–10.
8. Гусев К.Н. Будущее мировой валютной системы: доллар, евро, юань? *Банковское дело*. 2016;(2):21–27.
9. Стиглиц Дж. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок. М.: Эксмо; 2011. 509 с.
10. Локтионова Ю.Н., Толкачева О.О. Особенности современной структуры мирового финансового рынка. *Новая наука: финансово-экономические основы*. 2017;(2):116–123.
11. Бузгалин А.В., Калганов А.И., ред. Глобальный капитал: в 2 т. 3-е изд. М.: URSS; 2014. 904 с.
12. Дункан Р. Кризис доллара. Причины, последствия и пути выхода. Пер. с англ. Р. Дункан. Москва: Евро; 2008. 295 с.
13. Катасонов В.Ю. За кулисами международных финансов. Москва: МГИМО-Университет; 2013. 286 с.
14. Рипенко А.С. Проблемы при регулировании мировых финансовых рынков. *Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике*. 2017;5(2):36–39.
15. Рябичева О.И. Мировые финансовые рынки в условиях глобализации. *Актуальные вопросы современной экономики в глобальном мире*. 2016;(5):124–128.

REFERENCES

1. Blokhina T.K. Global financial markets. Moscow: Prospekt; 2019. 160 p.
2. Loktionova Yu.N., Tolkacheva O.O. Features of the modern structure of the global financial market. *Novaya nauka: finansovo-ekonomicheskie osnovy*. 2017;(2):116–123.
3. Rybasova M.V., Gladkova A.V. The problem of interaction between the Dollar and the Euro in the emerging new world monetary system. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2016;(6):371–377.
4. Salitskii A. China on the waves of globalization. *World Economy and International Relations*. 2019;63(10):122–126.
5. Godin Yu. Senchagov V.K. Ekonomika, finansy, tseny: evolyutsiya, transformatsiya, bezopasnost', Moscow: Institut ekonomiki RAN, Ankil, 2010. 1120 str. *Voprosy ekonomiki*. 2013;(4):159–160.
6. Antyushina V.V. Dollar versus Euro. *Bankovskoe delo*. 2017;(2):44–49.
7. Gusar S.A. The Euro-Dollar currency pair and its role in the formation of a new global international monetary system. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tendentsii razvitiya*. 2015;(21):7–10.
8. Gusev K.N. The future of the global monetary system: Dollar, Euro, Yuan? *Bankovskoe delo*. 2016;(2):21–27.
9. Stiglitz J. Freefall: America, free markets and the sinking of the world economy. Moscow: Eksmo; 2011. 509 p.

10. Loktionova Yu.N., Tolkacheva O. O. Features of the modern structure of the global financial market. *Novaya nauka: finansovo-ekonomicheskie osnovy*. 2017;(2):116–123.
11. Buzgalin A. V., Kalganov A. I., eds. Global capital: in 2 vol. 3-e izd. Moscow: URSS; 2014. 904 p.
12. Duncan R. The Dollar Crisis. In R. Duncan (Transl.). Moscow: Evro; 2008. 295 s.
13. Katasonov V. Yu. Behind the scenes of International Finance. Moscow: MGIMO-Universitet; 2013. 286 p.
14. Ripenko A. S. Problems in the regulation of global financial markets. 2017;5(2):36–39.
15. Ryabicheva O. I. Global financial markets in the context of globalization. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki v global'nom mire*. 2016;(5):124–128.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сергей Николаевич Рябухин — доктор экономических наук, Сенатор Российской Федерации, Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, директор НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии», РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
Sergey N. Ryabukhin — Dr. Sci. (Econ.), Senator of the Russian Federation, First Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Budget and Financial Markets, Director of the Research Institute “Innovative Financial Instruments and Technologies”, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0496-4056>
Ryabuhin.SN@rea.ru

Михаил Александрович Минченков — заместитель директора НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии», РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
Mikhail A. Minchenkov — Deputy Director of the Research Institute “Innovative Financial Instruments and Technologies”, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0005-9268-3551>
Minchenkov.MA@rea.ru

Вера Владимировна Водянова — доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии», РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
Vera V. Vodianova — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Chief Researcher of the Research Institute “Innovative Financial Instruments and Technologies”, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8067-4053>
Vodyanova.VV@rea.ru

Максим Петрович Заплетин — кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии», РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
Maxim P. Zapletin — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Leading Researcher at the Research Institute “Innovative Financial Instruments and Technologies”, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0003-2052-2164>
Zapletin.MP@rea.ru

Сергей Сергеевич Проскунов — ведущий специалист НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии», РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
Sergey S. Proskunov — Leading specialist of the Research Institute “Innovative Financial Instruments and Technologies”, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0003-5496-1202>
Автор для корреспонденции / Corresponding author:
Proskunov.SS@rea.ru

Заявленный вклад авторов:

С.Н. Рябухин — разработка общей концепции статьи, введение и выводы.

М.А. Минченков — написание разделов «Введение» и «Выводы».

В.В. Водянова — анализ проблематики применения цифровых финансовых активов для обеспечения международных расчетов.

М.П. Заплетин — анализ рисков использования цифровых финансовых активов для обеспечения международных расчетов, анализ зарубежного опыта применения цифровых финансовых активов внешнеторговых расчетов.

С.С. Проскунов — анализ российского рынка цифровых финансовых активов, его регулирования, возможностей применения Российской Федерацией цифровых финансовых активов для международных расчетов.

Authors' declared contributions:

S.N. Ryabukhin — development of the general concept of the article, introduction and conclusions.

M.A. Minchenkov — writing the “Introduction” and “Conclusions” sections.

V.V. Vodianova — analysis of the application of digital financial assets for international settlements.

M.P. Zapletin — analysis of the risks of using digital financial assets for international settlements, analysis of foreign experience in using digital financial assets for foreign trade settlements.

S.S. Proskunov — analysis of the Russian digital financial assets market, its regulation, and the possibilities of using digital financial assets by the Russian Federation for international settlements.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.10.2024; принята к публикации 9.11.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 13.10.2024; accepted for publication on 9.11.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-20-29

УДК 004.056:327(6)(045)

Эволюция экосистемы даркнета и вызовы международной информационной безопасности в Африке

А.И. Ильинский

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается эволюция экосистемы даркнета и ее влияние на международную информационную безопасность в Африке. Анализируются ключевые угрозы, исходящие из даркнета, включая нелегальную торговлю, киберпреступность и распространение дезинформации. Выделяются специфические вызовы, с которыми сталкиваются африканские страны в области кибербезопасности, такие как недостаток ресурсов и низкий уровень осведомленности. Также обсуждаются возможные стратегии повышения устойчивости и эффективности борьбы с киберугрозами в регионе, включая международное сотрудничество и развитие российско-африканских инициатив в области информационной безопасности.

Ключевые слова: Даркнет; кибербезопасность; киберпреступность; Африка; нелегальная торговля; дезинформация; эволюция; международное сотрудничество; информационная безопасность; российско-африканское партнерство; устойчивость

Для цитирования: Ильинский А.И. Эволюция экосистемы даркнета и вызовы международной информационной безопасности в Африке. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):20-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-20-29

ORIGINAL PAPER

Evolution of the Darknet Ecosystem and Challenges of International Information Security in Africa

A.I. Ilyinsky

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the evolution of the darknet ecosystem and its impact on international information security in Africa. It analyzes key threats emanating from the darknet, including illegal trade, cybercrime, and the spread of disinformation. Specific challenges faced by African countries in the realm of cybersecurity are highlighted, such as lack of resources and low levels of awareness. Possible strategies for enhancing resilience and effectiveness in combating cyber threats in the region are also discussed, including international cooperation and the development of Russian-African initiatives in information security area.

Keywords: darknet; cybersecurity; cybercrime; Africa; illegal trade; disinformation; evolution; international cooperation; international information security; Russian-African partnership; resilience

For citation: Ilyinsky A.I. Evolution of the darknet ecosystem and challenges of international information security in Africa. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(5):20-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-20-29

ВВЕДЕНИЕ

Международная информационная безопасность (МИБ) — это системная социотехническая концепция устойчивой защиты информации и информационных систем на мировом уровне от кибератак. Она включает в себя меры по предотвращению, выявлению и реагированию на киберугрозы и инциденты. Для достижения целей МИБ и построения безопасной и надежной среды обмена информацией в Африке предполагается глубокое партнерство между государствами, международными организациями и частным бизнесом. Основным источником киберугроз для глобальных информационных систем является система даркнета. Экосистема даркнета — это совокупность взаимосвязанных элементов и структур, образующих анонимную, децентрализованную и закрытую часть всемирной паутины, которая служит средой для незаконной и нелегальной деятельности [1]. Даркнет сегодня представляет собой сложную, динамично развивающуюся, но изолированную от публичной всемирной паутины систему, которая создает значительные вызовы для обеспечения международной информационной безопасности, особенно в таких быстро развивающихся, но уязвимых регионах, как Африка.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ТЕМНОЙ СЕТИ

Интернет представляет глобальную сетевую инфраструктуру, объединяющую совокупность всех устройств, которые могут обмениваться данными с помощью протоколов типа TCP/IP. Всемирная паутина представляет социотехническую систему множества веб-сайтов, социальных сетей и баз данных, имеющих доступ к инфраструктуре интернета с помощью протоколов обмена гипертекстами. Для работы с колоссальным объемом информации, представленной во всемирной паутине и поиском необходимых для пользователя данных, были созданы специализированные инструменты — браузеры и поисковые роботы, которые автоматически индексируют веб-сайты. Стандартные браузеры, такие как Google Chrome, Safari, Yandex и Baidu, позволяют просматривать открытые для широкой публики сайты и анализировать их содержимое по запросу клиента. Однако далеко не все информационные ресурсы всемирной паутины могут быть обработаны и однозначно индексированы с помощью стандартных браузеров.

Развитие технологии динамического контента или технологии динамических сайтов, использующих файлы cookie, делают сам процесс индексирования неоднозначным и зависящим от предпочтений, местонахождения, времени обращения и другой априорной информации о клиенте. Поэтому одинаковые запросы двух различных клиентов могут давать два различных ответа. Технология динамических сайтов с использованием множества шаблонов, контента и скриптов позволяет более точно удовлетворить запрос конкретного клиента с учетом априорной информации, ранее собранной о клиенте с помощью файлов cookie. Таким образом, технология динамического контента делает сам процесс индексирования сайтов более субъективным, и при каждом новом посещении клиентом/поисковым роботом динамически генерируется обновленное содержание. Значительная часть информационных ресурсов всемирной паутины защищена паролями, специальными программными средствами или требует оплаты доступа, что делает их недоступными для индексирования стандартными браузерами. Это позволяет разделить всемирную паутину на два неравных слоя. Сравнительно небольшой слой всемирной паутины объемом около 20 терабайт, открытый для широкой публики и индексируемый поисковыми системами, получил название видимая сеть (Surfacenet или Clearnet). Видимая сеть построена так, что ее контент должен быть легко обнаружен с помощью стандартных браузеров, и эта сеть сегодня является важнейшим инструментом политического, культурного и экономического маркетинга.

Огромный объем информации всемирной паутины, скрытый от широкой публики и недоступный для индексирования стандартными браузерами, образует глубокую сеть (deer web). Глубокая сеть включает личную информацию на почтовых серверах, цифровые данные на защищенных корпоративных интрасетях и записи в государственных хранилищах данных. В глубокую сеть попадают также колоссальные информационные потоки в реальном времени, которые собираются, обрабатываются и хранятся в системах интернета вещей, умных городов и т.д. Объем информации в глубокой сети составляет сегодня около 7500 терабайт, при этом 95% этой информации доступны широкой публике, но защищены паролями. Собственники информа-

ции, хранящейся в глубокой сети, тщательно ее защищают. Так феномен WikiLeaks был связан с обеспечением свободного публичного доступа к небольшой части материалов Министерства обороны США, которые всегда находились в глубокой сети, но были надежно защищены сложной системой защиты информации [2]. Анонимность пользователей как в видимой сети, так и в глубокой сети является относительной, потому что в каждом сетевом сообщении протокола TCP/IP указаны IP-адреса отправителя и получателя, которые однозначно определяют местонахождение компьютера или сервера. Для обеспечения анонимности клиентов и секретности сообщений при использовании интернет-коммуникаций было предложено несколько технологий, которые обеспечивают решение этой задачи.

Скрытая, анонимная и децентрализованная часть глубокой сети получила название даркнет (darknet). Эта узкоспециализированная сеть зародилась в 1990-х гг. с развитием технологий анонимности, таких как TOR (The Onion Router) и I2P (Invisible Internet Project), и сегодня эта секретная сеть приобретает все большую значимость в глобальном масштабе. По оценкам трафик в даркнете составляет от 5 до 10% общего трафика всемирной паутины.

Происхождение и развитие даркнета как анонимной онлайн-среды было положено исследованиями Министерства обороны США в середине 1990-х гг., которое поставило задачу обеспечения высокой анонимности и секретности передачи скрытых сообщений через публичную инфраструктуру интернета с использованием технологий всемирной паутины. Эта задача была успешно решена в Исследовательской лаборатории ВМС США, где криптограф Пол Сайверсон разработал технологию «луковой» маршрутизации [3]. Изначально проект TOR разрабатывался ВМС США для защиты правительственных коммуникаций. Однако впоследствии он был открыт для общественного пользования, послужил технологическим фундаментом современного даркнета и сегодня продолжает активно развиваться в форме некоммерческой организации TOR Project. Разработанная технология TOR представляет систему так называемой «луковой» маршрутизации, которая обеспечивает анонимность и конфиденциальность интернет-соединения пользователей путем многослойного шифрования трафика, использования случайно распределенной сети узлов,

отделения секретных «луковых» адресов от IP-адресов отправителя и получателя. Информация проходит через несколько промежуточных «луковых» узлов-маршрутизаторов, каждый из которых расшифровывает только один слой, что скрывает источник и назначение данных. Трафик проходит через случайно выбранные волонтерские узлы TOR, распределенные по всему миру, что затрудняет отслеживание и перехват сообщения. TOR использует псевдонимные «луковые» адреса, не связанные с реальной идентификацией пользователя, а IP-адреса отправителя и получателя недоступны публично. Другими словами, с помощью технологии TOR формируется даркнет в виде системы стохастических динамических виртуальных каналов внутри существующей инфраструктуры интернета. Таким образом, «луковая» маршрутизация TOR позволяет пользователям даркнета относительно безопасно и анонимно просматривать веб-сайты, обмениваться сообщениями и совершать другие интернет-действия, избегая цензуры и слежки. Эти возможности широко используются как для законных, так и для незаконных целей в рамках экосистемы даркнета. Однако, по оценкам CloudFlare, около 95% трафика в даркнете имеют высокую вероятность связи с киберугрозами [4]. Для работы в даркнете в среде TOR большую популярность среди его обитателей получил TOR Browser, построенный на платформе Mozilla Firefox, который обеспечивает прямое подключение к сети, что дает возможность работы как в видимой сети с использованием стандартного IP-адреса, так и в даркнете с использованием сгенерированного программой уникального «лукового» адреса длиной 56 символов и расширением «.onion». Использование сложного математического алгоритма многослойного шифрования в «луковой» маршрутизации делает процесс работы в даркнете значительно более медленным, что часто приводит к техническим сбоям, особенно при обмене файлами больших размеров.

ЭВОЛЮЦИЯ СООБЩЕСТВА ДАРКНЕТА

Обитатели даркнета формируют сложную сетевую социальную структуру с определенной системой ценностей и развитой субкультурой. Сегодня всех обитателей даркнета принято обобщенно называть хакерами, а сам образ хакера в массовой культуре убедительно рисует нам цифрового фанатика-психопата, который скло-

нен к преступной деятельности и стремится разрушить существующий мировой порядок. Однако первоначально смысл англоязычного существительного *hack* был определен в начале 1960-х в Лаборатории искусственного интеллекта Массачусетского технологического института и соответствовал «невероятно хорошей и, возможно, очень трудоемкой работе, которая производит именно то, что нужно»¹. Авторитетный *The Hacker's Dictionary* определяет хакера как профессионала в области цифровых технологий, «который с энтузиазмом (даже одержимо) программирует или кому нравится программирование, а не просто теоретизировать о программировании»². Именно на базе крупнейших университетских исследовательских центров в технологической среде ранних компьютерных и телекоммуникационных систем было сформировано первое поколение хакеров-первопроходцев, которые были увлечены изучением технологий, часто ради интеллектуального вызова, а не ради нанесения вреда и получения криминальной выгоды. Они ставили задачу глубокого проникновения в функционирование компьютерных систем и сетей и понимание того, как работает система и что позволяет изменять ее использование и преобразовывать ее способами, которые изначально считались невозможными. Хакерское мышление ищет нестандартные методы достижения стандартных целей, широко использует методы обратного реинжиниринга для нахождения существующих лазеек и уязвимостей в системе, использование которых позволяет совершенно изменить функционирование всей системы. Философия хакера выходит далеко за рамки простого знания конструирования программных кодов: она связана с проектированием, деконструкцией и перепроектированием будущих сценариев эволюции цифровых систем. Эрик С. Рэймонд описал архетип хакера, который известен в фольклоре под именем *J. Random Hacker* как любопытного, интровертного и умного антиконформиста с высоким показателем синдрома дефицита внимания, у которого проблемы с эмоциями и который ненавидит смурфов, эвоков, Microsoft, COBOL и BASIC³. Другими словами, *J. Random Hacker*

являлся цифровым двойником архетипа хиппи, хакеры-первопроходцы представляли программистов самой высокой квалификации, которые были мотивированы показать свое выдающееся мастерство программирования и остроумие. Однако уже в 1990-х гг. сформировалось второе поколение хакеров, которые использовали растущие возможности интернета для взлома систем, нанесения ущерба и получения финансовой выгоды. Мотивированным желанием второго поколения хакеров было стремление продемонстрировать свои технические навыки, самоутвердиться и заработать. Хакеры, которые в одиночку взламывали информационные системы с финансовыми целями, получили название черных хакеров. Для противодействия черным хакерам в 2000-х гг. Microsoft начал платить хакерам первого поколения за поиск уязвимостей и возможности проникновения в систему Windows. Этот так называемый этичный взлом находил существующие уязвимости и исправлял их в интересах корпорации, прежде чем ими могли воспользоваться черные хакеры. Хакеры, участвующие в этичном взломе, получили название белых хакеров. Значительная доля хакеров даркнета зарабатывала тем, что меняла в зависимости от ситуации свою роль от черных к белым и наоборот. Такие обитатели даркнета получили название серых хакеров. Исследования показывают, что психология современного хакера обыкновенно включает три личностные черты: нарциссизм, макиавеллизм и психопатию, которые формируют темную триаду личности. В исследовании Гайа и др. [5] было показано, что все типы хакеров набирают высокие баллы по шкалам макиавеллизма и психопатии, при этом белые хакеры являются нарциссами, серые противостоят власти, а черные набирают высокие баллы по показателю поиска острых ощущений. Вероятность быть задержанным правоохранительными органами оказывает сдерживающее влияние на поведение серых и черных хакеров.

Некоторые исследования по кибербезопасности предполагают, что существует более миллиона человек, которые считают себя хакерами в различных сферах, включая любителей и участников подпольных сообществ. По статистике TOR Project ежедневно в даркнет в 2023 г. входило около 2,5 млн пользователей и регистрировалось порядка 4000 атак за день, исходящих из

¹ URL: <http://www.catb.org/jargon/html/meaning-of-hack.html>

² URL: <https://hackersdictionary.com/html/index.html>

³ <http://www.catb.org/jargon/html/appendixb.html>

темной сети⁴. Точное число хакеров в даркнете неизвестно, а состав популяции темной сети очень подвижен, каждый активный участник даркнета может легко изменять свое поведение и исполнять роль как нападающего, так и защитника, однако сегодня численность только белых хакеров, сертифицированных в рамках программы Certified Ethical Hacker (СЕН)⁵, более 230 000. Оценки показывают, что в даркнете могут быть десятки тысяч опытных темных хакеров, объединенных в подвижные преступные группировки и работающих на разных уровнях цифровой сложности.

Бурное развитие асимметричного шифрования с открытым ключом, появление браузера TOR в 2008 г. и развертывание экосистемы биткоина в 2009 г. привело к созданию анонимного, децентрализованного и закрытого даркнета и возникновению третьего поколения хакеров, которые активно участвовали в формировании организованной трансграничной киберпреступности с целью получения финансовой выгоды через кражу данных, вымогательство, мошенничество. Оказалось, что эффект специализации и разделения труда в организованной киберпреступности является ключевым фактором, который позволил преступным группировкам повысить эффективность и масштаб своей деятельности. До наступления эпохи организованной киберпреступности хакеры-одиночки второго поколения выполняли весь спектр преступных действий. Но по мере развития даркнета и роста популяции хакеров стали формироваться более структурированные устойчивые группировки, где каждый участник специализировался на определенной части криминального процесса. Например, существовали группы, занимающиеся только взломом и получением доступа к системам и данным, с которыми работали уже другие группы хакеров, специализирующиеся на краже и монетизации украденных данных. В завершении ответственность за отмыwanie денег и вывод денежных средств лежала на третьих группах. Такая специализация позволила повысить эффективность каждого этапа, а также масштабировать всю преступную деятельность. Участники могли сосредоточиться

на своих узких функциях и развивать свои преступные навыки, обмениваясь информацией и координируя усилия в рамках единой структуры. Это стало важным фактором, который способствовал превращению изначально относительно простой и разрозненной киберпреступности в сложные, корпоративно организованные структуры в даркнете. Однако развитие структур организованной киберпреступности требовало дальнейшего развития инфраструктуры даркнета, что привело к формированию торговых площадок, форумов и платформ для планирования и координации. Для сокрытия цифровых следов и проведения анонимных безналичных транзакций стали широко использоваться криптовалюты Bitcoin, Monero, Zcash и др. Особое внимание стало уделяться формированию между участниками кибергруппировок надежных зашифрованных каналов связи, таких как PGP, Signal, Wickr и др. Традиционная организованная преступность для повышения своей доходности и снижения рисков стала устанавливать связи и интегрироваться с сетевыми преступными структурами, что привело к созданию гибридных преступных структур, сочетающих онлайн- и оффлайн-методы. По мере развития и роста преступных групп в даркнете, они начали принимать все более структурированные и жесткие иерархические формы, напоминающие современные легальные корпорации с четким разделением ролей и обязанностей между участниками группировки. В современных группах сетевой преступности организовано планирование, бюджетирование, инвестиции в развитие и расширение проектов, продуктов и услуг, существует система подотчетности и контроля, подобная корпоративному легальному бизнесу. Этот процесс «корпоратизации» киберпреступности значительно повысил ее эффективность, устойчивость и масштаб. Преступные группировки стали действовать как слаженные и профессиональные организации, используя весь арсенал современных бизнес-практик. Это крайне усложняет противодействие со стороны правоохранительных органов, требуя применения комплексных и системных мер.

Если первые два поколения хакеров основной упор в своей деятельности делали на использование передовых цифровых технологий, то третье поколение стало в своей деятельности широко использовать социальную инженерию и продвинутые методы психологического ма-

⁴ URL: <https://metrics.torproject.org/userstats-relay-country.html>

⁵ URL: <https://www.eccouncil.org/ec-council-in-news/ec-council-unveils-the-certified-ethical-hacker-hall-of-fame-2021>

нипулирования, направленные на психологические уязвимости человека. Кроме того, жесткие требования к персональным цифровым компетенциям хакеров начали постепенно снижаться из-за широкого распространения инструментов взлома в даркнете и появления платформ аренды инструментов кибератак как сервиса, что существенно снизило входные технологические барьеры доступа в ряды хакеров и открыло доступ широким массам к преступной деятельности. Появился новый тип низкоквалифицированных хакеров, неспособных самостоятельно написать вредоносный эксплойт, но которые используют уже готовые вредоносные скрипты и программы для нанесения вреда компьютерным системам. Они получили название скрипт-киддис (буквально «малыши со скриптами») и обычно их целью являются попытки произвести своим вандализмом впечатление на свое сообщество начинающих хакеров. Парадоксальность развития противоправной деятельности в темной сети состоит в том, что квалификация и знания подавляющего большинства хакеров постоянно снижаются, но при этом сложность кибератак устойчиво растет [6].

Киберпреступность сегодня — это корпоративно организованный и сложный бизнес со структурированным персоналом, которым управляют профессионалы. Банды вымогателей имеют менеджеров различных уровней, разработчиков вредоносных программ, майнеров данных и других; отдельные лица и команды работают анонимно, координированно и организовано в темных сетях. Доходность киберпреступного бизнеса сопоставима с доходностью бизнеса 1990-х гг. колумбийских наркокартелей. Средний доход, приносимый атакой программой-вымогателем, составляет около 140 000 долл. при операционных расходах 2500 долл., что дает 98% маржи прибыли, но при этом вероятности задержания хакера при атаке вымогателем в 625 раз ниже, чем в случае колумбийского наркобизнеса⁶. Сегодня в условиях глобальной цифровизации процесс хакинга можно рассматривать как акт нахождения уязвимостей компьютерных систем и сетей и затем их использования для получения или защиты от несанкционированного доступа к персональным и корпоративным

данным и/или внесения изменений в работу самих систем и сетей в финансовых и/или политических целях.

Резкое обострение геополитических отношений в последнее десятилетие и транснациональный характер темной сети привели к формированию четвертого поколения хакеров, которое обслуживает уже не только корпоративную киберпреступность, но часто работают на иностранные государства или спецслужбы в политических и идеологических целях в условиях глобального кибершпионажа и кибервойны под чужим флагом.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АФРИКЕ

Африка активно движется к цифровой экономике. В период с 2019 по 2022 г. более 160 миллионов африканцев получили широкополосный доступ в интернет. Число интернет-пользователей в странах Африки к югу от Сахары увеличилось на 115 процентов в период с 2016 по 2021 г.⁷ Сегодня половина всех зарегистрированных и активных счетов мобильных денег в мире находится в Африке. На их долю приходится около 30 миллиардов транзакций на сумму 500 млрд долл. На страны Африки к югу от Сахары приходится 64% всех мировых мобильных денег⁸. Африка наиболее «перспективна» с точки зрения глобального преступного сообщества. Только в Кении за последний год было зафиксировано 860 миллионов инцидентов⁹. Во втором квартале 2024 г. в Африке наблюдалось самое большое среднее количество еженедельных кибератак на организацию — в среднем 2960 атак, что на 37% больше, чем за аналогичный период 2023 г.¹⁰ Для сравнения отметим, что средний мировой показатель составил 1636 атак на организацию в неделю. Только в 39 африканских странах действует законодательство о кибербезопасности, а в 15 странах континента правовое регулирование цифровой безопасности отсутствует, что делает борьбу с киберпреступлениями в Африке

⁷ URL: <https://www.worldbank.org/en/results/2024/01/18/digital-transformation-drives-development-in-af-africa>

⁸ URL: <https://www.itweb.co.za/article/what-the-future-holds-for-fintech-in-africa/wbrpOMg2WXg7DLZn>

⁹ URL: <https://www.africanews.com/2023/10/03/kenya-hit-by-record-860m-cyber-attacks-in-a-year/>

¹⁰ URL: <https://blog.checkpoint.com/research/check-point-research-reports-highest-increase-of-global-cyber-attacks-seen-in-last-two-years-a-30-increase-in-q2-2024-global-cyber-attacks/>

⁶ URL: <https://www.coveware.com/blog/2021/10/20/ransomware-attacks-continue-as-pressure-mounts#vectors>

неэффективной и затрудняет обеспечение информационной безопасности в регионе.

Важную роль в защите цифровых данных в Африке сегодня играет Конвенция Малабо¹¹, известная также как Конвенция Африканского союза о кибербезопасности и защите персональных данных. В настоящее время 15 африканских стран, включая Бенин, Камерун, Чад, Коморские Острова, Джибути, Гамбию, Гвинею-Бисау, Южную Африку, Сьерра-Леоне, Сан-Томе и Принсипи, Судан и Тунис, ратифицировали Конвенцию Малабо. Африканский союз подчеркивает важность сохранения открытого, безопасного, стабильного, доступного и мирного киберпространства, что является важным элементом содействия экономическому росту, привлечения инвестиционных возможностей и содействия устойчивому развитию, особенно в развивающихся и наименее развитых государствах.

Согласно Экономической комиссии ООН для Африки UNECA низкий уровень готовности стран Африки к противодействию киберугрозам обходится их экономикам в среднем в 10% их ВВП¹². Нехватка квалифицированных кадров является одной из самых существенных проблем, с которыми сталкивается индустрия кибербезопасности в Африке. Торговые площадки и форумы даркнета широко используются террористическими и экстремистскими группировками в африканских странах для пропаганды, вербовки сторонников и координации своей деятельности. Это представляет значительную угрозу национальной безопасности для ряда государств Африки.

Категории организаций-жертв успешных кибератак в Африке за период с начала 2022 г. по первую половину 2023 г. приведены в табл. 1.

Обычно преступники тщательно выбирают цель своей атаки — организацию или влиятельное физическое лицо, собирают всю доступную корпоративную и персональную информацию на сотрудников и детально разрабатывают убийственную цепочку атаки. Статистика говорит, что 68% успешных кибератак являлись тщательно спланированными целевыми атаками. Самые многочисленные атаки осуществлялись с целью получения конфиденциальной информации, и их

доля составляла 38%. В результате 35% кибератак нарушалась основная деятельность компаний, а 5% атак заканчивались прямыми финансовыми потерями.

Таблица 1 / Table 1

Категории организаций-жертв / Categories of victim organizations

Сектор экономики	Доля, %
Финансы	18
Телекоммуникации	13
Правительство	12
Торговля	12
Промышленность	10
Наука и образование	7
Здравоохранение	5
Другие	23

Источник / Source: Составлено автором по / Compiled by the author using: URL: <https://global.ptsecurity.com/analytics/africa-cybersecurity-threatscape-2022-2023>

Рассмотрим особенности наиболее опасных и популярных тактик преступных кибергруппировок в Африке. Фишинговые атаки с использованием социальной инженерии, включая Business Email Compromise (BEC), представляют собой основную киберугрозу для африканских организаций и физических лиц. Более половины групп, осуществляющих атаки BEC, действуют в Африке и знакомы с особенностями этого региона. BEC — это тип киберпреступности, представляющий эффективную комбинацию фишинга и социальной инженерии, при котором мошенник использует электронную почту, чтобы обманом заставить кого-то отправить деньги или раскрыть конфиденциальную информацию компании. Преступник выдает себя за доверенное лицо жертвы (руководителя или коллегу), затем просит оплатить поддельный счет или предоставить конфиденциальные данные, которые он может использовать в другом мошенничестве. Мошенничество BEC растет в Африке из-за относительной технологической простоты операций BEC, увеличения удаленной работы сотрудников, природной доверчивости африканцев и высокой молодежной безработицы в регионе. Финансовые трудности подталкивают молодое поколение к поиску способов быстрого заработка, а все более

¹¹ URL: https://dataprotection.africa/wp-content/uploads/malabo_roadmap_Sept_2022.pdf

¹² URL: <https://www.uneca.org/stories/eca-launches-the-guideline-for-a-model-law-on-cybersecurity-during-the-17th-igf>

низкий порог входа в киберпреступную деятельность делает эту перспективу все более заманчивой для молодежи. Большой резонанс в регионе вызвало дело о ВЕС мошенничестве при покупке недвижимости в ЮАР. Г-жа Джудит Хаварден решила купить недвижимость в Форест-Тауне за 6 млн рандов и внесла депозит в размере 500 000 рандов. Ведущая юридическая фирма ЮАР ENS была выбрана гарантом по передаче права собственности. Покупатель Хаварден провела серию телефонных переговоров с сотрудниками ENS, и были согласованы все условия платежа. Однако преступники перехватили эти переговоры, и Хаварден получила электронное письмо от человека, которого она посчитала Эдвардом Натаном Зонненбергсом, управляющим партнером ENS, с реквизитами счета, на который она перевела остаток денег, причитающихся за продажу недвижимости. К сожалению, это электронное письмо было мошенническим, неизвестный преступник перехватил подлинное электронное письмо и изменил реквизиты банковского счета фирмы. Г-жа Хаварден не заметила, что адрес электронной почты был ensafirca.com, а не ensafrica.com и перевела мошенникам 5,5 млн рандов¹³.

Второй серьезной киберугрозой в Африке является практика широкого использования программ-вымогателей. Рассмотрим методы и тактики действий преступных группировок, специализирующиеся на использовании программ-вымогателей, которые собрали только в 2023 г. со своих жертв около 30 млрд долл.¹⁴ Выделяют несколько видов тактик использования программ-вымогателей. Простая тактика вымогательства предполагает заражение системы жертвы, шифрование всех файлов и требование выплаты за дешифрование данных. Двойная тактика вымогательства предполагает шифровку данных и угрозу их утечки в случае неуплаты выкупа. Тройная тактика вымогательства предполагает шифровку данных, их публикацию и последующую DDoS-атаку. Крупнейшей преступной группой в области производства и использования программ-вымогателей является LockBit, которая являлась мировым лидером по операциям RaaS (программы-вымогатели как сервис) и которая получила около 91 млн

долл. за 1700 атак на предприятия США¹⁵. Самая популярная в современном даркнете бизнес-модель RaaS предполагает, что разработчик программ-вымогателей предоставляет партнерам вредоносное программное обеспечение по подписке и создает инфраструктуру управления им. Обычно в пакет услуг RaaS входят сама программа-вымогатель, инструменты для ее настройки и инфраструктура ее управления, закрытый форум для полной технической поддержки и подробная инструкция для пользователя¹⁶. Таким образом, группировка LockBit создала эффективную сеть филиалов, которые поддерживаются технологически и информационно головным офисом в обмен на авансовые платежи, абонентскую плату, долю прибыли или комбинацию авансового платежа, абонентской платы и доли прибыли филиала.

Группировка LockBit активно работает во франкофонной Африке и сумела провести более 30 успешных атак на банки, финансовые организации и телекоммуникационные компании в Западной Африке. Кибератаки этой опасной группировки в первую очередь нацелены на платежные шлюзы и международную межбанковскую систему SWIFT, которые используют африканские финансовые организации. В результате атак только одной LockBit африканский финансовый сектор потерял не менее 11 млн долл. Географическое распределение кибератак группировки LockBit показано в *табл. 2*.

LockBit была самой активной преступной группой по распространению программ-вымогателей в мире до того, как правоохранные органы десяти стран при координации Интерпола в рамках операции «Кронос» нанесли 19 февраля 2024 г. серьезный удар по инфраструктуре группировки в даркнете, взяв под свой контроль основные информационные ресурсы LockBit в даркнете, что серьезно подорвало ее операционные возможности и саму репутацию преступной организации. В результате операции было арестовано два подозреваемых в Польше и Украине, заморожено около 200 криптовалютных счетов, 34 сервера были конфискованы, и 14 000 учетных записей

¹³ URL: <https://groundup.org.za/article/largest-law-firm-in-africa-ordered-to-pay-victim-cyber-crime/>

¹⁴ URL: <https://www.blackfog.com/the-top-10-ransomware-groups-of-2023/>

¹⁵ URL: <https://www.bleepingcomputer.com/news/security/cisa-lockbit-ransomware-extorted-91-million-in-1-700-us-attacks/>

¹⁶ URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/ransomware-as-a-service-raas/>

География атак / Geography of Attacks

Страна	2018	2019	2020	2021	2022
Мали	0	1	1	0	0
Нигер	0	0	1	0	0
Буркина-Фасо	0	0	1	2	0
Бенин	0	0	0	2	0
Камерун	0	1	1	0	0
Уганда	0	0	2	0	0
Габон	0	0	1	0	0
Нигерия	0	0	0	1	0
Того	0	0	1	0	0
Кот-д'Ивуар	2	8	2	0	4
Сьерра-Леоне	0	0	2	0	0
Сенегал	0	0	2	0	2

Источник / Source: составлено автором по / Compiled by the author using: URL: <https://www.group-ib.com/blog/operale-apt/>

было закрыто¹⁷. Три международных ордера на арест и пять обвинительных заключений также были выданы французскими и американскими судебными органами. Было ликвидировано около 187 филиалов, которые были в распоряжении группировки LockBit, хотя полное число филиалов остается неизвестным правоохранительным органам. Однако сразу после операции «Кронос» уже в начале марта 2024 г. группировка LockBit провела успешную атаку на крупнейший пенсионный фонд в Африке — Южноафриканское государственное пенсионное агентство GPAА. Агентство GPAА администрирует пенсии около 1,7 миллионов государственных служащих, а деятельность агентства была остановлена более чем на неделю¹⁸.

В апреле 2023 г. в 25 африканских странах Интерполом и Афрополом была запущена операция Africa Cyber Surge II с целью выявления киберпреступников и скомпрометированной инфраструктуры. Было арестовано 14 подозреваемых киберпреступников и выявлено 3786 вредоносных серверов управления и контроля, 1415

фишинговых ссылок и доменов, 939 мошеннических IP-адресов и более 400 других вредоносных URL-адресов, IP-адресов и бот-сетей. В ходе операции Africa Cyber Surge II были выявлены потери африканской экономики на сумму более 40 млн долл. в результате деятельности международных преступных сетей. Компания Group-IB, созданная выпускниками МВТУ им Н. Э. Баумана¹⁹, активно участвовала с правоохранительными органами в организации сбора данных в даркнете и внесла большой вклад в успех этой международной операции.

ВЫВОДЫ

Соотношение между ежегодными потерями мировой экономики от атак из даркнета в размере 10,5 трлн долл. и ежегодными мировыми инвестициями в системы информационной безопасности объемом около 172 млрд долл. показывает, что в гонке вооружений между цифровыми нападающими и охранителями однозначно выигрывает киберпреступность. Африканский континент становится все более активной зоной для деятельности хакеров и киберпреступников.

¹⁷ URL: <https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/law-enforcement-disrupt-worlds-biggest-ransomware-operation>

¹⁸ URL: <https://therecord.media/lockbit-ransomware-takes-credit-for-south-african-pension-fund-attack>

¹⁹ URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2023/Cybercrime-14-arrests-thousands-of-illicit-cyber-networks-disrupted-in-Africa-operation>

Многие африканские страны сталкиваются с недостаточным развитием технологий кибербезопасности. Даркнет активно используется для координации и проведения различных видов незаконных операций, наносящих существенный ущерб экономике и безопасности стран Африки. Слабость национальных систем информационной безопасности и устойчиво высокие темпы роста национальных экономик делает африканский регион привлекательной мишенью для преступных элементов в даркнете. Трансграничная природа даркнета затрудняет правоприменение на национальном уровне и требует скоординированных усилий международного сообщества. Африканские страны нуждаются в укреплении международного сотрудничества для противодействия киберугрозам, исходящим из даркнета. Данная тема приобретает все большую актуальность

в контексте стремительной цифровой трансформации континента. Африканские страны проявляют интерес к российскому опыту в области подготовки специалистов по информационной безопасности, а также к участию России в укреплении международного сотрудничества в сфере кибербезопасности. Для эффективного экспорта российских услуг по кибербезопасности в страны Африки предлагается создать российско-африканский консорциум по МИБ на базе передовых технологических компаний и ведущих вузов, который способствовал бы усилению роли России в регионе. В качестве первого шага предлагается рассмотреть возможность создания и поддержки стандартизированного Панафриканского профессионального сертификационного экзамена для специалистов по кибербезопасности для обеспечения высокого уровня экспертизы в регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Holt T. J., Bossler, A. M. The Palgrave handbook of international cybercrime and cyberdeviance. London: Palgrave Macmillan; 2020. 1489 p. DOI: 10.1007/978-3-319-78440-3
2. Brevini B. WikiLeaks: Between disclosure and whistle-blowing in digital times. *Sociology Compass*. 2017;11(3):124-157. DOI: 10.1111/soc4.12457
3. David Goldschlag, Michael Reed, Paul Syverson. Onion routing. *Communications of the ACM*. 1999;42(2):39-41. DOI: 10.1145/293411.293443
4. Saleem J., Rafiqul I. Md., Zahidul I. Darknet traffic analysis: A systematic literature review. *IEEE Access*. 2024;1-1. DOI: 10.1109/ACCESS.2024.3373769
5. Gaia J., Ramamurthy B., Sanders G., Sanders S., Upadhyaya S., Wang Xunyi, Yoo Chul. Psychological profiling of hacking potential. 2020. DOI: 10.24251/HICSS.2020.273
6. Aslan Ö., Aktug S. S., Ozkan-Okay M., Yilmaz A. A., Akin, E. A. Comprehensive review of cyber security vulnerabilities, threats, attacks, and solutions. *Electronics*. 2023;12(6):1333. DOI: 10.3390/electronics12061333

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Иоильевич Ильинский — доктор технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, научный руководитель Института глобальных исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexander I. Ilyinsky — Dr. Sci. (Tech.), Prof., Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Scientific Supervisor of the Institute of Global Studies, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7803-9146>

ailyinsky@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.08.2024; принята к публикации 9.12.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.08.2024; accepted for publication on 9.12.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-30-40

УДК 322:297(045)

Суфийский фактор в политизации ислама на Северо-Восточном Кавказе

А.В. Бритвин

РАНХиГС, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Ислам суфийского толка укоренился в культуре и сознании многонационального населения Северо-Восточного Кавказа и, следовательно, является там наиболее традиционным. Современные взаимоотношения государства и религиозных объединений Северо-Кавказского региона обусловлены одновременными секуляризацией религиозной сферы и клерикализацией светской. Ряд региональных лидеров позиционируют себя как покровители тех или иных суфийских направлений, как и их оппоненты. Соответственно определенные религиозные организации приобретают административную и финансовую поддержку или, в случае противостояния с властью, лишаются юридического лица, как это произошло, например, с ингушским муфтиятом. В статье приведено обоснование актуального направления для развития законодательного урегулирования взаимоотношений между государством и религиозными объединениями в Северо-Кавказском регионе в сторону нивелирования политизации религии. В части методологии приведены историографический и структурно-функциональный анализ взаимосвязи ислама, светской идеологии и науки. Статья обосновывает определяющую роль исторического и культурного наследия ислама в формировании господствующей идеологии в северокавказском обществе. В связи с этим объясняется необходимость оптимизации соответствующего нормативно-правового регулирования. Ввиду того, что исламистские принципы обеспечивают условия по формированию псевдорелигиозных групп, в том числе по усилению воздействия религиозно-политического синкретизма, они представляют угрозу безопасности рассматриваемого региона. В эпоху нестабильности и общественных потрясений этнорелигиозные отношения выходят на первый план и становятся маркерами самых широких общественных страт. Разделение компетенций и сфер ответственности государства и религиозных объединений будет способствовать укреплению социально-общественной стабильности в регионе.

Ключевые слова: государственно-религиозные отношения; духовная безопасность; исламизм; правовое регулирование; религиозно-политический синкретизм; религия и наука; салафизм; тасаввуф; этнорелигиозные отношения

Для цитирования: Бритвин А.В. Суфийский фактор в политизации ислама на Северо-Восточном Кавказе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):30-40. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-30-40

ORIGINAL PAPER

The Sufi Factor in the Politicization of Islam in the North-Eastern Caucasus

A.V. Britvin

RANEPA, Moscow, Russia

ABSTRACT

Sufi Islam has taken root in the culture and consciousness of the multinational population of the North-Eastern Caucasus and, therefore, is the most traditional there. Modern relations between the state and religious associations of the North Caucasus region are conditioned by the simultaneous secularization of the religious sphere and the clericalization of the secular one. A number of regional leaders position themselves as patrons of various Sufi movements, as do their opponents. Accordingly, certain religious organizations acquire administrative and financial support, or, in case of confrontation with the authorities, lose their legal entity, as happened, for example, with the Ingush muftiate. The article provides a rationale for the current direction for the development of legislative regulation of relations between the state and religious associations in the North Caucasus region in the direction of leveling the politicization of religion. The methodology provides a historiographical and structural-functional analysis of the relationship between Islam, secular ideology and science. The article substantiates the decisive role of the historical and cultural heritage of Islam in the formation of the dominant ideology in North Caucasian society. In this regard, the need to optimize the relevant regulatory framework

is explained. Due to the fact that Islamist principles provide conditions for the formation of pseudo-religious groups, including strengthening the impact of religious and political syncretism, they pose a threat to the security of the region under consideration. In an era of instability and social upheaval, ethno-religious relations come to the fore and become markers of the broadest social strata. The separation of competencies and responsibilities of the state and religious associations will contribute to strengthening social and social stability in the region.

Keywords: state-religious relations; spiritual security; islamism; legal regulation; religious and political syncretism; religion and science; salafism; tasawwuf; ethno-religious relations

For citation: Britvin A.V. The Sufi factor in the politicization of Islam in the North-Eastern Caucasus. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(5):30-40. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-30-40

ВВЕДЕНИЕ

Создание братских отношений между разными этническими и религиозными группами на Северном Кавказе было важной задачей в течение всей истории России. Сегодня эта проблема остается актуальной и постоянно обсуждается в российском обществе. Проблема создания модели наиболее гармоничных взаимоотношений государства и религиозных объединений на Северо-Восточном Кавказе присутствовала в течение всего процесса развития региона.

Признание и уважение культур различных народов, живущих в разных частях нашей страны, способствует созданию благоприятных условий для дружественных отношений между различными этническими и религиозными группами в многонациональном российском обществе. Уникальное этнорелигиозное сочетание множества северокавказских народов представляет собой мировое достояние культур, традиций и религиозной исключительности. В профилактике межнациональных противоречий и внутренних территориальных трений важную роль играют традиционные религиозные организации. Религия на Кавказе на протяжении столетий играет важнейшую консолидирующую роль как средство самоидентификации, источник правовых, нравственных и общественных систем.

В современном секулярном обществе можно найти черты, связанные с духовной культурой, и напротив, религиозные особенности при определенных обстоятельствах взаимозависимы с этнической принадлежностью, а порой и неотделимы от нее. Религиозные идеи систематизируют вариации форм осмысления и модели мироустройства, раскрывающие смысл существования как отдельного индивида, так и всего общества. Индивидуальными особенностями в этнорелигиозном сознании северокавказского социума обладает концептуальная интерпретация взаимоотношений Творца и человека. Здесь сформировались аутентичные и уникальные

суфийские религиозные практики и институты. Религиозные идеи Кавказа можно изучать с разных точек зрения, но важно отметить, что взаимодействие между религиозными идеями и обществом является взаимообусловленным.

На Северо-Восточном Кавказе, в отличие от центральных регионов России, секуляризация не оказала значительного влияния на общество, что часто приводит к политизации религиозной сферы. Поэтому для сохранения стабильности страны необходимо уважать культуры и традиции всех народов, которые живут на ее территории. Принадлежность на Кавказе к определенному этносу и религиозной традиции является крайне важным аспектом социального бытия. Нравы, идеалы, мировоззрение и стремления каждой этнической группы — все имеет значение.

Ислам оказывает значительное влияние на различные сферы общества благодаря прямому взаимодействию с образовательной, воспитательной, культурной, нравственной и эстетической деятельностью. Поэтому он, собственно, выполняет на Кавказе более широкие функции, чем религия, и становится политической идеологией.

В нашем представлении, идеология — это система идей и убеждений, которая определяет уникальный облик социального сегмента, этнорелигиозной группы, политической партии, общественных организаций или движения. Идеология определяет замысел и намерения социально-экономического прогресса как отдельно взятого этносоциума, так и нации в целом. В то же время идеология часто ассоциируется с вульгарным взглядом на миропорядок.

Существует множество определений идеологии, и она исследуется в разных аспектах, таких как философский, экономический, исторический, религиозный и политический. Влияние идеологии на общество зависит от социального положения разных страт общества, однако эти взгляды могут противоречить объективной действительности.

Идеология взаимодействует с использованием этнического фактора в различных областях, таких как воспитание, просвещение, культура, эстетика и этика. Консолидация на основе этнической и национальной принадлежности является одной из главных форм консолидации нации [1].

Общество усваивает основные идеологические концепции через вульгаризированные стереотипы, отражающие взгляды наиболее широких слоев населения. Идеологические процессы обуславливают необходимость удовлетворения интересов целевых групп. Поэтому при решении социальных проблем важно учитывать не только материальные ценности, но и вопросы духовной безопасности: религиозные ценности, эмоциональное восприятие стереотипов, коллективное бессознательное и социальные статусы.

Историческое и культурное наследие ислама играет важную роль в формировании господствующей идеологии в кавказском обществе. Современные духовные управления мусульман России придерживаются установки уважения к национальной идентичности и объединяющей роли религии.

На Северном Кавказе религия используется для иерархизации общества. Религиозные и политические процессы взаимообусловлены, религиозная иерархия фактически включена в вертикаль власти. Поэтому исламистские принципы, обеспечивающие условия по формированию псевдорелигиозных групп, в том числе по усилению воздействия религиозно-политического синкретизма, представляют угрозу безопасности рассматриваемого региона. В этой связи, чтобы обеспечить социально-общественную стабильность на Северном Кавказе, необходимо создать оптимальные партнерские взаимоотношения между государством и религиозными объединениями при соблюдении конституционных принципов.

Религия и политическая наука ярко отражают психологические особенности кавказских этносов и их идеи. Демонстрируя влияние на политическую, социальную и образовательную сферы жизни Северо-Кавказского региона, современные взаимоотношения государства и религиозных объединений здесь обусловлены одновременным протеканием секуляризации религиозной сферы и клерикализации светской. Ряд региональных лидеров позиционируют себя как покровители тех или иных религиозных направлений, как

и их оппоненты. Соответственно определенные религиозные организации приобретают административную и финансовую поддержку или, в случае противостояния с властью, лишаются юридического лица, как это произошло с ингушским муфтиятом. В эпоху нестабильности и общественных потрясений этнорелигиозные отношения выходят на первый план и становятся маркерами самых широких общественных страт.

Так, вопросы утраты современной западной наукой моральной ориентации вызывают противопоставление науки и религии в исламском контексте, подвергается сомнению совместимость ислама с европейской наукой, светским обществом и их секулярно-научными основами.

Религия и политическая наука часто взаимосвязаны, их процессы влияют друг на друга. Религия включает в себя представления о Боге и человеке, этнорелигиозное сознание, религиозные ритуалы и институты. В социально-политических изменениях религиозные институты и теологические положения подвергаются изменениям.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Историко-политическая составляющая развития государственно-религиозных отношений в Северокавказском регионе представлена исследованиями В. В. Дегоева [2], М. М. Блиева [3], П. А. Зайончковского [4], В. А. Матвеева [5], А. И. Омарова [6], А. А. Тахо-Годи [7], С. С. Эсадзе [8], исследования по теме взаимодействия религии и политики в полиэтнических обществах отражены в работах В. А. Тишкова [9], А. В. Нуруллаева¹, М. С. Зинченко [10] и многих других.

Исследования по этнопсихологии показывают, что религия и политическая идеология взаимно влияют на этнические группы. Одновременно, этнические психологические особенности также могут влиять на религию и политику. Все эти отношения сложны и переплетены, их можно сравнить с гордиевым узлом. Однако разделение труда и формирование духовно-этических норм и менталитета могут помочь в упорядочении системы сохранения субэтносов.

Полярность науки и религии практически отсутствует на Кавказе. Однако имеет место быть традиционное исламское разделение на

¹ Нуруллаев А. В. Религия и политика: учебное пособие. М.: КМК, 2006; 330 с.

передаваемые и рациональные науки. Таким образом, в исламском мире вековая история передаваемых из поколения в поколение религиозных знаний и возможность утверждения новых положений с их последующим включением в традицию приняли форму конфликта между религией и наукой.

Касательно метода историзма следует отметить, что история науки в исламском интеллектуальном мире не является просто отчетом о революционных открытиях, а, в первую очередь, рассказом о конфликте двух противостоящих сил, экспансивной силе человеческого интеллекта, с одной стороны, и противоположной силе торможения, обусловленной традиционной верой.

Тезис о конфликте между религией и наукой оспаривался с начала XIX в. арабскими и турецкими учеными, которые отмечали, что в отличие от христианства ислам питал и продвигал науку. Они рассматривали этот идеологический конфликт как результат репрессивных практик Римско-католической церкви. В восприятии истории многими исламскими учеными характерна картина «идолопоклоннической» и «развращенной» истории Римско-католической церкви. Они видели в Османской империи не только маяк просвещения, но и спасения Европы, и подчеркивали рационализм, научную направленность, изобретательность и большие научные достижения ислама [11, р. 98–99].

ИСЛАМ В ДИАЛЕКТИКЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Значительной политической силой, способной объединить этнорелигиозные группы под общим знаменем, начиная со времени своего появления стало мусульманское вероисповедание. Строгие социальные правила поведения соблюдали сторонники исламской веры начиная со времен пророка Мухаммада. В качестве уникальной социокультурной религиозной системы, строго контролирующей распределение ресурсов в обществе, но при этом регулирующей рынок и защищающей частную собственность, формировался ислам.

Ислам начал распространяться на Кавказе в VII–XI вв. через Дагестан, Чечню и затем на остальной Северный Кавказ, вытесняя христианство. В результате продолжительных трансформа-

ций ислам на Северо-Восточном Кавказе накопил уникальную национальную особенность [12].

В самодержавную эпоху российской государственности на законодательном уровне православное вероучение доминировало по отношению к другим религиям и конфессиям, что в свою очередь ограничивало их адептов в некоторых правах и свободах, а также накладывало дополнительную ответственность. Иной вектор развития взаимоотношений между религиозными объединениями и государством получил со вступлением на престол императрицы самодержицы Всероссийской Екатерины II — государство взяло на себя обязанность защищать мусульманские святыни и религиозное вероучение.

В уникальном географическом месте, сочетающем западные и восточные особенности, включая различные религиозные традиции, на протяжении веков расположено российское государство. В то же время внутренняя государственная религиозная политика в Северо-Кавказском регионе исходя из обстоятельств и под давлением различных факторов изменялась иногда в значительной степени.

Государственная позиция по отношению к религии на Северо-Восточном Кавказе являлась частью общей внутренней политики государства, охватывающей все аспекты общества. Различные периоды в истории характеризовались разными особенностями в религиозной политике, которая была зачастую неоднозначной и непоследовательной. Ее корректировали и преобразовывали, учитывая ситуацию в регионе и внешние условия.

В историческом периоде Российской империи государственно-религиозные отношения прошли через ряд изменений. Взаимодействие в административно-правовой и религиозной сферах заменилось особым государственным патронатом религии. В первой половине XIX в. основной проблемой государственной политики было сближение горских народов и православных церквей. В целях регулирования северокавказской социальной сферы государственные судебные органы применяли как обычное, так и шариатское право после окончания почти полувековой Кавказской войны (1817–1864).

Социально-политическая обстановка в стране конца XIX — начала XX в. обусловила проведение либеральных реформ в вероисповедной сфере, результатом которых явилось учреждение Указа «Об укреплении начал веротерпимости»

от 17.04.1905. После Октябрьской революции 1917 г. были отменены уже все вероисповедные и национальные ограничения. Однако неспособность Временного правительства проводить государственную политику и кризис власти привели к активизации радикальных социалистических движений.

В период Советского Союза открытая атеистическая политика органов власти республик вызывала протесты среди северокавказского общества и порой приводила к конфликтам. Трансформации в религиозной сфере северокавказского общества в постсоветский период были динамичными и проблемными, особенно в связи с использованием религии деструктивными элементами для достижения политических целей.

Предпринятые советской политической системой меры по обеспечению благоприятных условий формирования принципиально нового государственного уклада путем прекращения деятельности духовных объединений стали стимулом к появлению вооруженных сопротивлений со стороны северокавказских народов, подавленных большим количеством жертв. Противостояние государственной власти со стороны горцев и образование подпольных религиозных организаций стали закономерными социальными процессами.

Повсеместными третейскими судебными разбирательствами на основе шариатского права характеризовался период восстановления после окончания Великой Отечественной войны, в результате чего укреплялся авторитет религиозных лидеров, а значимость идеологических установок традиционного кавказского ислама усиливалась.

Перестроечный курс политики общественной гласности, свободы совести и вероисповедания, реализуемый М. С. Горбачевым в конце прошлого столетия, обеспечил религиозные объединения широкими правами и свободами. В результате указанных новаций политической системы одной из популярных политических партий стала Исламская партия возрождения, распространение получили и другие общественные объединения в целях участия в политической жизни общества, созданные по этническому и религиозному принципам. В свою очередь государство было вынуждено установить запрет на формирование политических партий по нацио-

нальным и вероисповедным признакам путем принятия закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях», который явился ключевой мерой по обеспечению единства российского гражданского общества в период политических и социальных потрясений.

В настоящее время уникальный религиозный портрет Северо-Восточного Кавказа представлен многочисленными суфийскими братствами — тарикатами, организованными по принципам и нормам шафиитского мазхаба суннитского направления в исламе. В социуме народов Республики Дагестан можно наблюдать последователей шазилийского, накшбандийского и кадирийского тарикатов, в Чеченской Республике — кадирийского. При этом мирно с суннитами в южной части Дагестана сосуществует шиитская община.

Кавказская война XIX столетия оставила неизгладимый след в сознании горского населения, важная роль религиозных и общественных лидеров того времени гарантировала им почет и уважение в обществе и в наши дни. Подвиг горского лидера Кунта-Хаджи Кишиева особенно ценится в Чеченской Республике, и посещение усыпальницы его матери — Хеди-зиярат считается одним из важных религиозных обрядов для чеченского народа.

Кунта-Хаджи Кишиев понимал трагические последствия для своего народа от противостояния горцев с царской Россией в развязанной имамом Шамилем Кавказской войне и стремился к деэскалации конфликта, чем вызвал у него гнев в свой адрес и многолетние преследования с его стороны [13, с. 565–580].

Согласно современному чеченскому философу В. Х. Акаеву, чеченцы имеют синкретическую этническую и религиозную идентичность, где они в первую очередь определяют себя как чеченцев, а затем как мусульман [14].

Перед приходом к власти А. А. Кадырова произошел кризис в начале 1990-х гг., когда местные духовные лидеры суфийского направления в Чечне поддерживали политические изменения, предпринятые Д. М. Дудаевым. Одновременно распространение ваххабитского (салафитского) течения, которое характеризуется созданием самоуправляемых территорий (джамаатов) на территориях Чеченской Республики и Северо-Западного Дагестана, стало массовым явлением. После того, как салафиты создали Духовный

центр мусульман в 1992 г., суфийские шейхи, осознавая возможную опасность, создали Духовное управление мусульман, главой которого стал шейх накшбандийского тариката М.Б. Арсанукаев. Салафиты стремились вернуться к общественно-политическому строю ранней мусульманской общины, что противоречило принятым традициям северокавказского общества.

26 декабря 1991 г. СССР прекратил свое существование, и начался Чеченский кризис. В результате распада Чечено-Ингушской АССР произошла активизация незаконных вооруженных сепаратистских формирований. В ноябре 1992 г. силовые структуры предложили направить части российской армии, участвовавшие в разведении сторон осетино-ингушского конфликта, против сепаратистов, однако силовое решение было предотвращено и.о. председателя правительства Е.Т. Гайдаром.

Центральная власть не была готова к масштабной войне, и Новогодний штурм Грозного 1995 г. был неудачно спланирован. После больших потерь федеральных сил сепаратистские формирования были загнаны за Шалинский узел сопротивления и заблокированы в Аргунском ущелье. Хасавюртовские мирные соглашения не принесли успеха. Прогремела серия терактов в центральных регионах страны².

В 1995 г. произошел конфликт между последователями тарикатов и салафитами, который начался после того, как салафиты попытались разрушить зиярат Хеди Кишиевой — матери шейха Кунта-Хаджи Кишиева. В то же время салафиты также столкнулись с противостоянием местного населения в Дагестане, где они создали альтернативные государству структуры, организовав исламские патрули. Б.М. Кебедев в 1998 г. создал общественно-политическую организацию «Исламская шūra Дагестана» и военизированные отряды, составлявшие «Центральный фронт освобождения Дагестана» на основе джамаатов.

Ислам ваххабитского толка стал официальной идеологией самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия, возглавляемой Д.М. Дудаевым. Религиозно-политическая деятельность расширилась, в вооруженных формированиях было установлено шариатское правосудие, а также был организован институт «Кавказ» для

обучения государственных кадров. Ш.С. Басаев, М.С. Удугов и Б.М. Кебедев создали Конгресс народов Ичкерии и Дагестана с целью создания унитарного исламского государства.

На Северо-Восточном Кавказе происходил конфликт между представителями традиционного ислама и салафитами, что привело к созданию Координационного центра мусульман Северного Кавказа в 1998 г. и принятию Закона Республики Дагестан от 22.09.1999 № 15 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан».

История изменения государственно-религиозных отношений на Кавказе в разные исторические отрезки имела напряженный, и даже конфликтный характер. Этнорелигиозные проблемы становились лозунгами политических кризисов и локальных войн. В новейший период контртеррористические операции на Северо-Восточном Кавказе с середины 90-х гг. XX в. до середины 20-х гг. XXI в. возымели успех лишь в союзе с традиционными исламскими духовными управлениями, выступившими как против сепаратистов, так и за сохранение традиционных религиозных норм.

Современные ученые проявляют большой интерес к роли идеологии в установлении и изменении политических и социальных отношений, в особенности через радикальные политические методы. Конфликтологические модели в разрезе столкновения секуляризации, миграции и религиозных ценностей имеют комплексный, многовекторный характер [15, с. 173]. Кавказское общество характеризуется различиями и противоречиями в нуждах и ценностях, что может приводить к антагонизмам между группами, даже внутри одного направления.

Поэтому вопрос о будущем ислама и науки намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Ряд современных научных открытий в физике, космологии, биологии и нейронауке кажутся несовместимыми с исламскими представлениями. Научная революция в области искусственного интеллекта также отчасти представляет опасность для онтологических и юридических убеждений шариата.

Современные продукты науки и технологий, в частности криптовалюты, для исламского права либо подразумевают запреты, либо корректировку в части обеспечения спекулятивной валюты реальным сырьем и соответствия иным нормам

² URL.: <https://iz.ru/news/305188?ysclid=177vidbv3g629846686>

исламского банкинга. Вопрос необходимости связи между исламом и современной наукой остается открытым. Исламские ученые выступают за то, чтобы продолжающееся научное развитие и его значительное влияние на каждый уровень повседневной жизни было контролируемым, а опасения мусульман относительно будущего ислама и науки проникают как в сферу науки, так и в социально-политическую. В случаях противоречия научной мысли догматам и постулатам Священного Писания и Предания некоторые духовные мусульманские лидеры призывают к ее корректировке и контролю.

Магометанское вероучение охватывает все без исключения стороны быта северокавказского социума, включая политическую, нормативно-правовую, социальную и иные сферы его деятельности. Традиционные исламские управления сотрудничают с Русской православной церковью и другими традиционными духовными управлениями в рамках уважительного диалога. Общественно-значимые решения исламских духовных управлений (фетвы) направлены на гармонизацию общественных отношений на самых разных уровнях социальной жизни.

Государственные деятели призваны обеспечивать цельное состояние государственной системы через координацию коммуникаций между субъектами и объектами взаимоотношений. Для этого используются системы сдержек и противовесов или формы противопоставления интересов, в которых религия играет важную роль.

Религиозные лидеры в России активно работают над межкультурным и межрелигиозным диалогом, воспитанием молодежи и укреплением моральных устоев. Они также стремятся расширить свое влияние среди мусульман разных регионов страны и активно обсуждают соответствующие социально-политические вопросы. Тем более, что ислам как религия неотделим от социально-политической доктрины, основанной на Коране и Сунне, которые являются источником законотворчества.

Кавказский социум — это сложная саморазвивающаяся система, которая в результате воздействия духовных и материальных условий, влияя на межличностные, внутри- и межгрупповые, межэтнические отношения, восприимчива к трансформациям. Шариат регулирует все эти аспекты. Российские исламские управления

и суфийские проповедники используют разнообразные общественно-значимые постановления (фетвы) для обеспечения мирных и гармоничных общественных взаимоотношений на разных уровнях [16, с. 153-160].

Неравенство гражданского общества в сфере социального и экономического развития до настоящего времени составляет одну из ключевых проблем многих следующих исламским принципам регионов. Систему религиозных принципов, норм и положений, устанавливающую не только правила поведения в социуме, но и регулирующую взаимоотношения между верующим и его внутренним миром, составляет шариатское право. В Коране определяются основные принципы веры, включая единобожие и веру в посланников Бога, а нормы шариата основываются на Коране и Сунне. Соблюдение шариата является не только проявлением веры, но также отождествляет человека с уммой. Отступление от основных принципов ислама может привести к тому, что человек будет предан остракизму внутри кавказского общества.

Общей упрощенной точкой зрения на ислам стало противопоставление «официального» (традиционного) ислама, проповедуемого в основном суфизмом, и «террористического» салафизма, который представляет серьезную угрозу социальной и политической ситуации на Кавказе. Вместе с тем отсутствует какая-либо гомогенность внутри каждой из этих групп: суфизм охватывает разнообразный спектр братств, духовных практик и политических позиций; салафиты, воодушевленные мировыми исламскими организациями и движениями, за редким исключением принимают участие в экстремистской и террористической деятельности, идентифицируя себя как ваххабитов, ввиду чего эмигрируют или скрывают свою принадлежность. Наконец, есть сунниты, которые не поддерживают салафитов и не практикуют суфийские обряды. Это свидетельствует об амбивалентности ислама на Кавказе.

На Кавказе сформировался уникальный национальный характер, включающий в себя суфизм (тасаввуф) как главную черту северокавказского ислама. Он значительно отличается от традиционного ислама на Востоке. Ислам суфийского толка укоренился в культуре и сознании многонационального населения Кавказа и, следовательно, является наиболее традиционным.

ТАСАВВУФ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ УММЕ: ЕГО МЕСТО И РОЛЬ

Северо-Восточный Кавказ — это земля суфиев. Исторически суфийский ислам стал одним из первых проявлений ислама на Северном Кавказе. Однако, помимо суфизма, в северокавказском обществе также широко распространен суннитский ислам, основанный на школах имамов Мухаммада аш-Шафии и Абу Ханифа. В отличие от традиционного понимания суфизма как исламского мистицизма, который предполагает следование ученика (мюрида) за наставником (муршидом), в суфизме Северного Кавказа акцент делается на духовных исканиях и саморазвитии. Те, кто практикует коллективные ритуальные танец и пение (зикр), называют себя членами братства, но не используют слово «суфизм». Зикр оказывается самым значительным элементом религиозной идентичности. Также на Кавказе есть местные особенности, такие как паломничества к захоронениям устазов (зияраты) в месяц Рамадан. Поэтому для практикующих зикр и зияраты салафиты становятся как бы игнорирующими личную связь с Богом [17, с. 128].

В регионе используются доктрины ислама как политические идеологемы для развития социально-политических установок. Традиционное коллективистское настроение общества, духовно-нравственные ориентации, включая тарикаты (суфийские ордены), вирды во главе с устазом (этнические союзы), тайпы (родовые объединения), тукхумы (союзы тайпов), советы алимов (ученых), ведущие клановые структуры, являются факторами политизации религии. Решения духовных управлений практически не подвержены критике. Важнейшим разногласием в регионе выступает позиция к этнокультурным адатам и фундаментальному шариату: «Совершение вирда вовремя — обязанность... Если мюрид оставляет свой вирд, то он бездельник и лентяй» [18, с. 302].

Формирование прочных духовных убеждений, ценностных ориентаций и их успешное применение в быту показывает эффективность исторического развития мусульманской веры. Основу взаимного уважения, конструктивного диалога и взаимодействия между мусульманскими религиозными лидерами и последователями иных традиционных вероисповеданий составляют соответствующие нормы Священного Писания.

Однако, несмотря на проводимые мероприятия борьбы с исламистским экстремизмом, эффективных способов противодействия до настоящего времени ему не найдено, а использование только силовых методов приводит лишь к замене одних террористов на других и продолжению противостояния³.

Исламисты стремятся вести борьбу с глобальным секуляризованным обществом. Но очевидно, что эти иллюзорные «сверхцели» невыполнимы и утопичны [19, с. 35-42]. Исламисты считают, что правительство должно консультироваться со специальным советом (шурой) при принятии политических решений. При этом представители власти не должны иметь особых привилегий в получении материальных благ и следовать религиозному закону, иначе они будут немедленно смещены со своих постов. Исламизм выступает против шейхов и устазов, которые, по их мнению, связаны с коррумпированной властью [20, с. 21, 137].

Так, в сентябре 2009 г. в ходе рабочего визита в г. Ставрополь о причинах религиозно-политического сепаратизма подчеркнуто выразил свое мнение Д. А. Медведев: «Условия для развития бандитизма, религиозного экстремизма были созданы в результате распада государства, корни — в устройстве нашей жизни, в безработице, бедности, в кланах, которым плевать на народ, которые только и делят денежные потоки, приходящие сюда, борются за заказы, а потом друг с другом сводят счеты, и в коррупции, которая, действительно, получила очень широкое распространение в правоохранительных органах»⁴.

Война между Россией и Грузией в 2008 г., которая привела к признанию Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, сильно повлияла на мнение Запада о российской угрозе. Грузия стремилась получить исключительную поддержку от Запада и подписала Соглашение об ассоциации с ЕС в 2014 г., которое должно осуществляться на всей территории страны, включая потерянные войной территории. В то же время сформировались точки соприкосновения во внешней политике в связи со сменой политического руководства в Грузии и арестом бывшего грузинского президента М. Н. Саакашвили в 2021 г.

³ Семедов С. А., Лаза В. Д. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в современном мире: учебное пособие. М.: РАНХиГС; 2020. 143 с.

⁴ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5236>

Концепция государственной политики России в сфере международного развития направлена на помощь соседним странам и партнерам в социально-экономическом развитии с учетом устава ООН и в рамках концепции коллективной безопасности. Однако в результате Второй Карабахской войны Армения и Азербайджан стали одними из наиболее милитаризованных стран в мире. Соседние страны Южного Кавказа рассматривают конфликты в регионе как способ восстановления своего суверенитета над спорными территориями, и это приводит к угрозам безопасности и напряженности в массовом сознании населения. В свою очередь, Турция использует мягкую силу, чтобы укрепить свои политические позиции в регионе, и продолжает расширять свое влияние на суверенные территории России после успешного участия в Карабахском конфликте 2020 г.

Турция придерживается неоосманского имперского ревизионизма, который стремится поддерживать и развивать культурные связи на Большом Кавказе, рассматривая его как часть бывшей Османской империи. Для турецкой дипломатии государственные границы имеют меньшее значение, чем восстановление влияния на исторических землях. В рамках этой идеологии Турция также продвигает концепцию Великого Турана — единого государства для всех этнических тюркских народов. Турецкая сторона также пытается изменить культурный и социальный облик региона и помогает различным оппозиционерам, а также ищет лидеров общественного мнения, готовых сотрудничать с Анкарой.

К примеру, суфийский джамаат Эренкёй, действующий в Турции в политическом союзе с правящей Партией справедливости и развития и возглавляемый О.Н. Топбаш, представлен в России местными религиозными организациями, образовательными теологическими учреждениями и специализированными фондами.

Турция позиционирует себя как основное государство, защищающее интересы мусульман во всем мире. Имеются основания говорить о пропаганде создания теократического пантюркистского государственного образования, в состав которого должны войти регионы, населенные тюркоязычным населением. Таким образом, внешняя политика Турции в регионе свидетельствует о ее прямых стратегических интересах на Кавказе.

ВЫВОДЫ

Активизация конфликта на Донбассе, Херсонщине и Запорожье в 2022 г. усилила международную напряженность и привела к сокращению сотрудничества с Турцией и странами Закавказья на основе взаимных интересов. В то же время современное взаимодействие государства и религиозных объединений приводит к сращиванию государственных и религиозных институтов — религиозно-политическому синкретизму.

Законодательство России не предусматривает реализацию политических функций у религии и религиозных организаций. Влияние религиозного сознания и религиозных объединений, религиозных мотивов публичного поведения возрастает в сфере политических отношений: 1) как реакция на запреты и ограничения свободы вероисповедания; 2) как реакция на попытки давления в отношении религиозных авторитетов и лидеров; 3) как реакция на ошибки в поведении и высказываниях должностных лиц государства, искажающие реальную позицию государства в отношении конфессий.

Поэтому необходимо фактически разделить компетенции и сферы ответственности государства и религиозных объединений. Модель взаимоотношений должна быть направлена на укрепление социально-общественной стабильности в регионе. Это может быть достигнуто путем обеспечения равного уровня поддержки различных религиозных организаций в социальной и культурной сферах, включая меры федеральных и региональных программ, что также поможет предотвратить политизацию религиозной сферы и возможные конфликты на этнорелигиозной почве.

В этих целях достижение наилучших отношений между государством и религиозными объединениями возможно при гарантировании *принципа субвенции* в вероисповедной отрасли, что в свою очередь означает обеспечение вне зависимости от политических тенденций соблюдения конституционных принципов основных прав человека и гражданина на свободу выбора своей веры и убеждений, фактического отделения государства и религиозных объединений, четкого разделения их компетенций, включая отсутствие вмешательства государства в дела религии, равноудаленности религиозных объединений от государства и идентичного характера их правосубъектности [21].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Боков Х.Х., Алексеев С.В. Российская идея и национальная идеология народов России. М.: ИПО Профиздат; 1996. 96 с.
2. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама; 2003. 510 с.
3. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война (1817–1864 гг.). М.: ТОО «Росет»; 1994. 591 с.
4. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: политическая реакция 80-х — начала 90-х годов. М.: Мысль; 1970. 442 с.
5. Матвеев В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические аспекты проблемы. Ростов н/Д: Кубанское отделение «Русского исторического общества»; 2004. 64 с.
6. Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX — начале XX века. Махачкала: Алеф; 2014. 329 с.
7. Тахо-Годи А.А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагестанский научно-исследовательский институт; 1927. 236 с.
8. Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 2. Тифлис: типография «Гуттенберг»; 1907. 246 с.
9. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир; 1997. 528 с.
10. Зинченко М.С. Политизация ислама как фактор современного политического процесса (на материалах Северного Кавказа). Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет; 2010. 198 с.
11. Draper J.W. History of the conflict between religion and science. New York: University of Minnesota; 1874. 411 p.
12. Малашенко А.В. Северный Кавказ: исламский фактор. *Свободная мысль — XXI*. 2001;(9):6–22.
13. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН; 2000. 584 с.
14. Акаев В.Х. Исламское возрождение в Чеченской Республике. Грозный: Грозненский рабочий; 2011. 48 с.
15. Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ФГНУ Росинформагротех; 2010. 264 с.
16. Эскерханов Г.Л. Суфизм на Северо-Восточном Кавказе: возникновение, идеология, практика: специальность. Грозный: Чеченский государственный университет; 2011. 185 с.
17. Милославский Г.В., Петросян Ю.А., Пиотровский М.Б., Прозоров С.М. Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука; 1991. 315 с.
18. Мухаммад Ю.Х. Тарикат в свете Корана и Сунны. М.: Ансар; 2012. 480 с.
19. Мчедлова М.М. Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт. *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2015;(1):93–102.
20. Баширов Л.А. Ислам в контексте этнополитических процессов современной России. М.: Изд-во РАГС; 2008. 246 с.
21. Бритвин А.В., Козлов М.В. Идеологические основы этноконфессиональной политики на Северном Кавказе и синкретизация ислама. *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. 2022;42:42–50. DOI 10.26516/2073-3380.2022.42.42

REFERENCES

1. Bokov Kh. Kh., Alexeev S. V. Russian idea and national ideology of the peoples of Russia. Moscow: IPO Profizdat; 1996. 96 p. (In Russ.).
2. Degoev V. V. The Great game in the Caucasus: History and modernity. Moscow: Russkaya Panorama; 2003. 510 p. (In Russ.).
3. Bliev M. M., Degoev V. V. Caucasian War (1817-1864). Moscow: TOO "Roset"; 1994. 591 p. (In Russ.).
4. Zaionchkovsky P. A. Russian autocracy at the end of the 19th century: Political reaction of the 1880s — early 1890s. Moscow: Mysl; 1970. 442 p. (In Russ.).
5. Matveev V. A. Russian Islam in the North Caucasus: Historical aspects of the problem. Rostov-on-Don: Kuban Branch of the Russian Historical Society; 2004. 64 p. (In Russ.).
6. Omarov A. I. Russia's Policy in the North-East Caucasus in the 19th — early 20th century. Makhachkala: Alef; 2014. 329 p. (In Russ.).
7. Takho-Godi A. A. Revolution and counter-revolution in Dagestan. Makhachkala: Dagestan Scientific Research Institute; 1927. 236 p. (In Russ.).

8. Esadze S. S. Historical note on the governance of the Caucasus. Vol. 2. Tiflis: tipografiya "Guttenberg"; 1907. 246 p. (In Russ.).
9. Tishkov V. A. Essays on the theory and politics of ethnicity in Russia. Moscow: Russkiy Mir; 1997. 528 p. (In Russ.).
10. Zinchenko M. S. Politicization of Islam as a factor in the contemporary political process (based on materials from the North Caucasus): Dissertation thesis in political science. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University; 2010. 198 p. (In Russ.).
11. Draper J. W. History of the conflict between religion and science. New York: University of Minnesota; 1874. 411 p.
12. Malashenko A. V. North Caucasus: Islamic factor. *Svobodnaja mysl' — XXI = Free Thought — XXI*. 2001;(9):6–22. (In Russ.).
13. Pokrovsky N. I. Caucasian wars and Imamate of Shamil. Moscow: ROSSPEN; 2000. 584 p. (In Russ.).
14. Akaev V. Kh. Islamic revival in the Chechen Republic. Grozny: Groznenskii rabochii; 2011. 48 p. (In Russ.).
15. Astvatsaturova M. A., Tishkov V. A., Khoperskaya L. L. Conflictological models and conflict monitoring in the North Caucasus Region. Moscow: FGNU Rosinformagrotech; 2010. 264 p. (In Russ.).
16. Eskerkhanov G. L. Sufism in the North-East Caucasus: Origin, ideology, practice: Dissertation thesis in philosophy. Grozny: Chechen State University; 2011. 185 p. (In Russ.).
17. Miloslavsky G. V., Petrosyan Yu. A., Piotrovsky M. B., Prozorovsky S. M. Islam: Encyclopedic dictionary. Moscow: Nauka; 1991. 315 p. (In Russ.).
18. Muhammad Yu. Kh. Tariqat in the light of the Quran and Sunnah. Moscow: Ansar; 2012. 480 p. (In Russ.).
19. Mchedlova M. M. Islam and the unity of Russian society: Modernity and historical experience. *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodno-politicheskij aspekty = Islam in the Modern World: Intrastate and International Political Aspects*. 2015;(1):93–102. (In Russ.).
20. Bashirov L. A. Islam in the context of ethno-political processes in modern Russia. Moscow: Publishing House of RAGS; 2008. 246 p. (In Russ.).
21. Britvin A. V., Kozlov M. V. Ideological foundations of ethno-confessional policy in the North Caucasus and the syncretization of Islam. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija "Politologija. Religiovedenie" = Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science. Religious Studies"*. 2022;42:42–50. (In Russ.). DOI 10.26516/2073-3380.2022.42.42

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Алексей Валентинович Бритвин — магистр государственного управления, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия

Aleksey V. Britvin — Master of Public Administration, Postgraduate, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-4043-5343>

britvin.av-post@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.08.2024; принята к публикации 9.12.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.08.2024; accepted for publication on 9.12.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-41-49

УДК 339.727:314.745(5-11)+330.564.2(470+571)(045)

Денежные переводы трудовых мигрантов из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана из РФ на родину: устоявшиеся практики и динамичные изменения

Д.В. Полетаев

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

ИНП РАН, Москва, Россия;

РОО «Центр миграционных исследований», Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Денежные переводы трудовых мигрантов стран Средней Азии из РФ на родину на протяжении нескольких десятилетий являются важной поддержкой для их семей и экономик их родных стран. В меняющихся экономических условиях и под влиянием пандемии COVID-19 в масштабах и регулярности таких денежных переводов произошли изменения. По этой причине сведения о переводах требуют актуализации. В статье автор проводит анализ причин и регулярности денежных переводов трудовых мигрантов из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана из РФ на родину, их участие в формировании и влиянии на решение о расходах бюджета домохозяйств, в том числе в период пандемии COVID-19 в разрезе гражданства и пола. Базой для анализа послужили три социологических исследования, проведенных автором в России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, Нижний Новгород, Волгоград, Тамбов, Оренбург) в 2014, 2015 и 2020 гг. В исследованиях приняли участие трудовые мигранты из Таджикистана ($n = 1109$), Киргизии ($n = 1002$) и Узбекистана ($n = 478$). Данные исследований показывают, что в 2014–2020 гг. все большее количество трудовых мигрантов из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана, находящихся в РФ, отправляли деньги на родину, при этом среди них быстро росла доля отправляющих деньги женщин — трудовых мигрантов. Мнение трудовых мигрантов из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана менее чем в половине случаев учитывается при решении о том, как будут израсходованы деньги их родными на родине. Пандемия COVID-19 послужила причиной снижения объема средств, пересылаемых респондентами на родину.

Ключевые слова: трудовая миграция; Средняя Азия; трудовые мигранты; денежные переводы; Узбекистан; Таджикистан; Киргизия

Для цитирования: Полетаев Д.В. Денежные переводы трудовых мигрантов из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана из РФ на родину: устоявшиеся практики и динамичные изменения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):41-49. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-41-49

ORIGINAL PAPER

Remittances from the Russian Federation to the Homeland of Labor Migrants from Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan: Established Practices and Dynamic Changes

D.V. Poletaev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

Institute of Economic Forecasting, RAS, Moscow, Russia;

Regional NGO Migration Research Center, Moscow, Russia

ABSTRACT

Remittances from Central Asian migrant workers from Russia to their home have been an important support for their families and the economies of their home countries for several decades. In the changing economic conditions and under the influence of the COVID-19 pandemic, there have been changes in the scale and regularity of such money transfers. For this reason, information about transfers needs to be updated. In the article, the author analyzes the causes and

regularity of remittances from labor migrants from Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan from the Russian Federation to their homeland, their participation in shaping and influencing decisions on household budget expenditures, including during the COVID-19 pandemic in terms of citizenship and gender. The analysis was based on three sociological studies conducted by the author in Russia (Moscow, St. Petersburg, Yekaterinburg, Kazan, Nizhny Novgorod, Volgograd, Tambov, Orenburg) in 2014, 2015 and 2015. The research involved migrant workers from Tajikistan ($n=1109$), Kyrgyzstan ($n=1002$) and Uzbekistan ($n=478$). Research data show that in 2014-2020, an increasing number of labor migrants from Tajikistan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan in the Russian Federation sent money to their homeland, while the proportion of female labor migrants sending money grew rapidly. In less than half of cases, the opinion of migrant workers from Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan is considered when deciding how their money will be spent by their relatives in their homeland. The COVID-19 pandemic caused a decrease in the amount of funds sent by respondents to their homeland.

Keywords: labor migration; Central Asia; migrant workers; migrant remittances; Uzbekistan; Tajikistan; Kyrgyzstan

Для цитирования: Poletaev D.V. Remittances from the Russian Federation to the homeland of labor migrants from Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan: established practices and dynamic changes. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024; 2024;14(5):41-49. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-X-X DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-41-49

ВВЕДЕНИЕ

Одной из главных целей выезда на заработки трудящихся-мигрантов из Средней Азии в РФ является материальная поддержка своих семей на родине. На протяжении уже нескольких десятилетий такая поддержка экономик Таджикистана (далее — РТ), Киргизии (далее — КР) и Узбекистана (далее — РУ) имеет большое значение для них. Официальные оценки масштабов денежных переводов не дают всей полноты картины того, каким образом, кто и как часто осуществляет такие денежные переводы, как меняются уже сложившиеся практики перевода денег (в том числе в форс-мажорных ситуациях). В этой связи весьма актуальным становится исследование уже сложившихся практик денежных переводов и динамики их изменений, в том числе с учетом таких факторов, как пандемия COVID-19 и экономические кризисы в РФ.

Целью исследований была оценка устоявшихся практик денежных переводов из РФ трудовых мигрантов из РТ, КР и РУ и их изменений в условиях пандемии COVID-19 и экономического кризиса.

Были поставлены следующие задачи:

1. Анализ масштабов и динамики денежных переводов трудящихся-мигрантов из РТ, КР и РУ в РФ, в том числе в период пандемии COVID-19 в разрезе гражданства и пола.

2. Оценка причин и регулярности денежных переводов трудящихся-мигрантов из РТ, КР и РУ в РФ, в том числе в период пандемии COVID-19 в разрезе гражданства и пола.

3. Анализ участия в формировании и влияние на решение о расходах бюджета семьи трудящихся-мигрантов из РТ, КР и РУ в РФ, в том числе в период пандемии COVID-19 в разрезе гражданства и пола.

МЕТОД

В предлагаемой читателю работе автор использует данные трех исследований, проведенных им в 2014, 2015 и 2020 гг., в которых приняли участие трудовые мигранты из Средней Азии ($n = 2589$), в том числе трудовые мигранты из РТ ($n = 1109$), КР ($n = 1002$) и РУ ($n = 478$).

В опросе участвовали трудовые мигранты от 18 до 60 лет. В одной точке маршрута опроса участвовали не более двух человек. Интервьюерам было запрещено опрашивать более одного человека в одном домохозяйстве (табл. 1).

МАСШТАБ ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ ИЗ РФ ТРУДОВЫМИ МИГРАНТАМИ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Денежные переводы из РФ в страны Средней Азии за последние пятнадцать лет росли и снижались волнообразно. Пики роста пришлись на 2008, 2013, 2018 и 2019 гг. РУ стал уверенным лидером по переводам с 2007 г., а РТ сохранял за собой второе место. В 2021 г. масштаб денежных переводов опять начал расти, после некоторого снижения с начала пандемии COVID-19 в 2020 г.

Так же, как и в большинстве отдающих стран¹, значимость денежных переводов на родину трудовых мигрантов из Средней Азии, работающих в РФ, высока [1, с. 90], и до тех пор, пока основная часть денежных переводов может быть учтена в рамках официальной статистики [2 с. 63], можно констатировать, что они составляют значительную долю от ВВП стран-отправителей. Так, с 2002-2004 по 2019-2021 гг., их доля в ВВП выросла в КР

¹ Migration and Development Brief 35: Recovery: COVID-19 Crisis through a Migration Lens." KNOMAD-World Bank, Washington, DC. 2021. URL: https://www.knomad.org/sites/default/files/2021-11/Migration_Brief%2035_1.pdf

Таблица 1 / Table 1

**Основные характеристики выборки опроса трудовых мигрантов 2014, 2015 и 2020 гг. /
The main characteristics of the survey sample of migrant workers in 2014, 2015 and 2020**

Год		2014	2015	2020
Общий размер выборки, чел.		450	1239	900
Размер подвыборок по стране происхождения, чел.	РТ	165	634	310
	КР	101	605	296
	УР	184	—	294
Размер подвыборок по городу пребывания, чел.	Москва	150	390	420
	Санкт-Петербург	—	250	240
	Екатеринбург	—	209	240
	Казань	—	190	—
	Нижний Новгород	—	200	—
	Волгоград	100	—	—
	Тамбов	125	—	—
	Оренбург	75	—	—
Возрастная структура, % от выборки	18-25 лет	34	34	32
	26-35 лет	33	33	35
	36-60 лет	33	33	33
Опыт работы в России, % от выборки	1-2 года	—	50	48
	3 года и более	—	50	52
Пол	муж.	75		51
	жен.	25	100	49

Source / Источник: Составлено автором / Compiled by the author.

с 5 до 30%, в РТ с 9 до 29%. В РУ доля денежных переводов в ВВП составляет 13% — это минимальное значение среди всех трех исследуемых стран Средней Азии. Доля переводов в ВВП РУ росла в 2005–2009 гг. и сокращалась в 2015–2018 гг.

ДИНАМИКА ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ

Исследование 2020 г. позволило подробнее увидеть различия в подходе к денежным переводам у трудовых мигрантов из РТ, КР и УР, работающих в РФ, а также оценить гендерные различия и регулярность их переводов (табл. 2).

Выборка нашего исследования не позволяет говорить о полном соответствии полученных цифр и характеристик всей совокупности интересующих нас трудовых мигрантов из РТ, КР и УР

в РФ, но о сложившихся тенденциях в разрезе гражданства и пола мы можем говорить с достаточной степенью уверенности.

Анализ динамики денежных переводов трудящихся-мигрантов из РТ, КР и РУ, находящихся в РФ, согласно данным исследований 2014, 2016 и 2020 гг., показывает две главные тенденции:

1. В период наблюдений постоянно росло количество трудовых мигрантов из РТ, КР и РУ, делавших переводы из РФ на родину.

2. Быстро росла доля делающих денежные переводы из РФ на родину среди трудовых мигрантов женского пола с гражданством РТ, КР и РУ.

Рост общего количества трудовых мигрантов из РТ, КР и РУ, делающих денежные переводы на родину, объясняется увеличением числа трудовых

мигрантов женского пола в общем числе трудовых мигрантов. Также ясно определилась тенденция, когда не отправляющие деньги на родину граждане РТ, КР и РУ в России перевозят в РФ свою семью (таких в нашем исследовании было по трем странам от четверти до 17%) и настроены на оседание в РФ.

ПРИЧИНЫ ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ

В 2020 г., согласно данным нашего исследования, денежные переводы на родину делали 90% трудовых мигрантов из РТ (78% в 2014 г.), 85%

трудовых мигрантов из КР (74% в 2014 г.) и 85% трудовых мигрантов из РУ (81% в 2014 г.) (табл. 2). Данные исследований показывают, что со временем доля трудящихся-мигрантов из РТ, КР и РУ в РФ, делающих денежные переводы на родину, растет.

Согласно данным исследований 2014, 2015 и 2020 гг., доля трудовых мигрантов женского пола из РТ, делающих денежные переводы на родину, выросла с 52% в 2014 г. до 69% в 2015 г. и 86% в 2020 г., тогда как среди мужчин она вы-

Таблица 2 / Table 2

Распределение ответов трудовых мигрантов из РТ, КР и РУ на вопрос по переводу денег за пределы РФ за последний год в 2014, 2015 и 2020 гг., % / Distribution of migrant workers' from the Republic of Tajikistan, the Kyrgyz Republic, and the Republic of Uzbekistan answers on the question about money transfer outside the Russian Federation within year, 2014, 2015, and 2020, %

Страна	Пол	Год	Да	Нет	Другое (в том числе в др. страну)	Итого
РТ	оба пола	2020	89,7	10	0,3	100
РТ	муж.	2020	93,7	6,3	0	100
РТ	жен.	2020	85,5	13,8	0,7	100
РТ	жен.	2015	68,9	31,1	0	100
РТ	оба пола	2014	78,2	21,8	0	100
РТ	муж.	2014	84,3	15,7	0	100
РТ	жен.	2014	51,7	48,3	0	100
КР	оба пола	2020	84,7	14,6	0,7	100
КР	муж.	2020	91	9	0	100
КР	жен.	2020	78,8	19,9	1,3	100
КР	жен.	2015	69,3	30,7	0	100
КР	оба пола	2014	74	26	0	100
КР	муж.	2014	76,2	23,8	0	100
КР	жен.	2014	69,7	30,3	0	100
РУ	оба пола	2020	84,7	12,6	2,7	100
РУ	муж.	2020	89,2	8,3	2,5	100
РУ	жен.	2020	79,6	17,5	2,9	100
РУ	оба пола	2014	80,9	19,1	0	100
РУ	муж.	2014	84,8	15,2	0	100
РУ	жен.	2014	59,3	40,7	0	100

Source / Источник: Составлено автором / Compiled by the author.

росла с 84% в 2014 г. до 94% в 2020 г. Доля женщин — трудовых мигрантов из КР, делающих денежные переводы на родину, выросла с 70% в 2014 г. до 79% в 2020 г., тогда как среди мужчин она выросла с 76% в 2014 г. до 91% в 2020 г. Доля женщин — трудовых мигрантов из РУ, делающих денежные переводы на родину, выросла с 59% в 2014 г. до 80% в 2020 г., тогда как среди мужчин — трудовых мигрантов она выросла с 85% в 2014 г. до 89% в 2020 г.

Главная причина (табл. 3), по которой респонденты делали денежные переводы на родину, — это регулярная финансовая поддержка семьи (в 86% случаев для трудовых мигрантов

из РТ, в 82% случаев — из КР и в 92% случаев из РУ). Все остальные причины респонденты выбирали значительно реже и могут считаться второстепенными — таким образом мы их и будем характеризовать в исследовании.

Стратегия выживания на родине семей трудовых мигрантов из РТ, КР и РУ строится на постоянном получении финансовой поддержки от них. Такие причины денежных переводов на родину, как экстренная помощь, подарок на праздник, крупная покупка, составляют лишь небольшую долю от общего потока и не являются главной причиной постоянного пребывания в РФ трудовых мигрантов из РТ, КР и РУ.

Таблица 3 / Table 3

Распределение трудовых мигрантов из РТ, КР и РУ в РФ по основным причинам переводов денег на родину за последний год (выбор не более чем из трех вариантов), 2020 г., % /
Distribution of labour migrants from the Republic of Tajikistan, the Kyrgyz Republic and the Republic of Uzbekistan in the Russian Federation by the main reasons for money transfers to their home over the past year (a choice of no more than three options), 2020, %

Страна	РТ	РТ	РТ	КР	КР	КР	РУ	РУ	РУ
Пол	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
Регулярная финансовая поддержка членов семьи на родине	85,8	91,4	79,6	82,2	88,2	75,8	91,8	94,0	89,2
Подарок на день рождения, свадьбу, другой личный праздник	13,9	6,0	22,6	22,3	25,7	18,8	9,3	7,4	11,7
Экстренная финансовая помощь членам семьи на родине (в том числе на похороны)	6,9	4,0	10,2	6,4	6,6	6,3	3,0	4,0	1,7
На крупную покупку (мебель, автомобиль, бытовая техника)	2,8	2,6	2,9	4,5	5,1	3,9	3,3	4,0	2,5
На покупку недвижимости	0,7	1,3	0,0	7,6	7,4	7,8	2,6	3,4	1,7
На оплату обучения детей	5,2	5,3	5,1	11,4	16,2	6,3	9,3	6,0	13,3
На оплату долга семьи	2,1	0,7	3,6	4,9	4,4	5,5	3,3	4,0	2,5
На оплату медицинских услуг	2,8	3,3	2,2	1,9	2,2	1,6	3,0	2,0	4,2
На сбережения/накопления	4,9	6,6	2,9	5,3	3,7	7,0	9,7	10,1	9,2
Другое	2,4	1,3	3,6	4,2	2,9	5,5	0,7	0,0	1,7

Source / Источник: Составлено автором / Compiled by the author.

Доля такой причины денежных переводов на родину, как регулярная финансовая поддержка членов семей, более велика у трудовых мигрантов из РУ (91,8%), чем у трудовых мигрантов из РТ (85,8%) и КР (82,2%). Наблюдаются значительные гендерные различия в структуре денежных переводов трудовых мигрантов из РТ: респонденты женского пола (53,1%) переводят деньги по иным причинам, отличным от регулярной финансовой поддержки, чаще, чем респонденты мужского пола (31,1%).

Кроме регулярной финансовой поддержки членов семьи на родине, для трудовых мигрантов из РТ наиболее актуальны такие причины перевода денег, как: подарок на день рождения, свадьбу, другой личный праздник (13,9%), экстренная финансовая помощь членам семьи на родине (в том числе на похороны) (6,9%), оплата обучения детей (5,2%) и сбережения/накопления (4,9%).

При этом существуют значительные гендерные различия по второстепенным причинам перевода денег на родину у трудовых мигрантов из Таджикистана.

Так, среди женщин — трудовых мигрантов из РТ выстроилась следующая иерархия перевода денег: пересылка подарка на день рождения, свадьбу, другой личный праздник (22,6%, почти в 4 раза чаще, чем у мужчин — трудовых мигрантов из Таджикистана), экстренная финансовая помощь членам семьи на родине (в том числе на похороны) (10,2%, в 2,5 раза чаще, чем у мужчин — трудовых мигрантов из Таджикистана), оплата обучения детей (5,1%) и оплата долга семьи (3,6%).

У мужчин — трудовых мигрантов из РТ градация следующая: сбережения/накопления (6,9%), подарок на день рождения, свадьбу, другой личный праздник (6%), оплата обучения детей (5,3%), экстренная финансовая помощь членам семьи на родине (в том числе на похороны) (4%).

Для трудовых мигрантов из КР, помимо регулярной финансовой поддержки членов семьи на родине, наиболее актуальны такие причины перевода денег, как: подарок на день рождения, свадьбу, другой личный праздник (22,3%), оплата обучения детей (11,4%), покупка недвижимости (7,6%), экстренная финансовая помощь членам семьи на родине (в том числе на похороны) (6,4%), сбережения / накопления (5,3%), оплата долга семьи (4,9%) и крупная покупка (мебель, авто, бытовая техника) (4,5%).

Среди них также наблюдается значительная гендерная дифференцированность по второстепенным причинам перевода денег на родину. Для мужчин — трудовых мигрантов из КР наиболее актуальны такие второстепенные причины перевода денег, как: подарок на день рождения, свадьбу, другой личный праздник (25,7%), оплата обучения детей (16,2%), покупка недвижимости (7,4%), экстренная финансовая помощь членам семьи на родине (в том числе на похороны) (6,6%), крупная покупка (мебель, автомобиль, бытовая техника) (5,1%) и оплата долга семьи (4,4%).

А для женщин — трудовых мигрантов из КР актуальны такие второстепенные причины перевода денег, как: подарок на день рождения, свадьбу, другой личный праздник (18,8%), покупка недвижимости (7,8%), сбережения / накопления (7%), экстренная финансовая помощь членам семьи на родине (в том числе на похороны) (6,3%), оплата обучения детей (6,3%), оплата долга семьи (5,5%) и крупная покупка (мебель, автомобиль, бытовая техника) (3,9%).

Для трудовых мигрантов из РУ актуальны такие второстепенные причины перевода денег, как: сбережения/накопления (9,7%), оплата обучения детей (9,3%), подарок на день рождения, свадьбу, другой личный праздник (9,3%), оплата долга семьи (3,3%), крупная покупка (мебель, автомобиль, бытовая техника) (3,3%) и экстренная финансовая помощь членам семьи на родине (в том числе на похороны) (3%).

У них также наблюдаются гендерные различия. Для мужчин — трудовых мигрантов из РУ актуальны такие второстепенные причины перевода денег, как: сбережения/накопления (10,1%), подарок на день рождения, свадьбу, другой личный праздник (7,4%), оплата обучения детей (6%), оплата долга семьи (4%), крупная покупка (мебель, автомобиль, бытовая техника) (4%) и экстренная финансовая помощь членам семьи на родине (в том числе на похороны) (4%).

Для женщин — трудовых мигрантов из РУ актуальны такие второстепенные причины перевода денег, как: оплата обучения детей (13,3%), подарок на день рождения, свадьбу, другой личный праздник (11,7%), сбережения/накопления (9,2%), оплата медицинских услуг (4,2%), оплата долга семьи (2,5%), крупная покупка (мебель, автомобиль, бытовая техника) (2,5%).

Таблица 4 / Table 4

**Распределение трудовых мигрантов из РТ, КР и РУ в РФ по участию
в формировании бюджета семьи, 2015 и 2020 гг., % /
Distribution of labor migrants from the Republic of Tajikistan, the Kyrgyz Republic and the Republic of
Uzbekistan in the Russian Federation by participation in the family budgeting, 2015 and 2020., %**

Страна	РТ	РТ	РТ	КР	КР	КР	РУ	РУ	РУ	РТ	КР
Пол	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	жен.	жен.
Год	2020	2020	2020	2020	2020	2020	2020	2020	2020	2015	2015
В основном я	52,9	76,6	28,3	39	45,5	32,7	51	70,7	28,5	26,6	30,8
В основном другой член семьи	14,5	4,4	25	18	9,7	26	18,7	7,6	31,4	19,8	19,4
Совместно я и другой член семьи	32,6	19	46,7	41,7	44,1	39,3	29,3	21	38,6	52,6	49,0
Другое	0	0	0	1,3	0,7	2	1	0,7	1,5	1,0	0,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Source / Источник: Составлено автором / Compiled by the author.

Таблица 5 / Table 5

**Распределение трудовых мигрантов из РТ, КР и РУ в РФ по влиянию на решение о расходовании
пересылаемых ими на родину денежных переводов, 2020 г., % /
Distribution of labor migrants from the Republic of Tajikistan, the Kyrgyz Republic
and the Republic of Uzbekistan in the Russian Federation by the impact on the decision on spending
money transfers sent by them to their home, 2020, %**

Страна	РТ	РТ	РТ	КР	КР	КР	РУ	РУ	РУ
Пол	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
Да, всегда	15,7	13	18,7	12,2	12,5	11,8	16,4	18	14,3
Да, часто	11,8	11	12,7	15,2	16,9	13,4	13,8	14	13,4
Иногда	18,6	17,1	20,1	16,7	14	19,7	18,6	20	16,8
Редко	18,2	14,4	22,4	10,6	11	10,2	7,1	6,7	7,6
Нет, эти решения принимаются без меня	35,7	44,5	26,1	45,3	45,6	44,9	44,2	41,3	47,9
Итого	100	100	100	100	100	100	100,1	100	100
Да (всегда или часто)	27,5	24	31,4	27,4	29,4	25,2	30,2	32	27,7
Редко или никогда	53,9	58,9	48,5	55,9	56,6	55,1	51,2	48	55,5

Source / Источник: Составлено автором / Compiled by the author.

УЧАСТИЕ В ФОРМИРОВАНИИ И ВЛИЯНИЕ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О РАСХОДАХ БЮДЖЕТА СЕМЬИ

Увеличение масштабов женской миграции из Средней Азии в Россию [3, с. 68], наиболее характерная для КР, проявляет себя и в большем участии трудовых мигрантов — женщин из КР в формировании бюджета семьи (табл. 4). Среди женщин — трудовых мигрантов из КР основными кормильцами семьи называли себя около трети, и это соотношение сохраняется на протяжении нескольких лет.

Среди женщин — трудовых мигрантов из РТ основными кормильцами семьи называли себя чуть более четверти, и это соотношение сохраняется на протяжении нескольких лет. Среди женщин — трудовых мигрантов из РУ основными кормильцами семьи также называли себя чуть более четверти (28,3%).

Трудовые мигранты из РТ, КР и РУ в РФ далеко не всегда влияют на решение о том, как будут израсходованы деньги их родными на родине (табл. 5): около половины опрошенных (41,7%) отметили, что эти решения принимаются без них или они редко вовлечены в такое решение.

Мнение женщин — трудовых мигрантов из РТ, делающих денежные переводы на родину, учитывается в той или иной степени чаще (31,4%), чем мужчин — трудовых мигрантов из РТ (24%). Мнение женщин — трудовых мигрантов из КР (25,2%) и РУ (27,7%) учитывается немного реже, чем у мужчин — трудовых мигрантов из КР (29,4%) и РУ (32%).

Как показало исследование, мнение трудовых мигрантов из РТ, КР и РУ, работающих в РФ, менее

чем в половине случаев учитывается при решении о том, как будут израсходованы заработанные ими деньги их родными на родине.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования о том, что денежные переводы являются важным фактором финансовой стабильности в отдающих странах Средней Азии, подтверждаются и другими российскими исследователями [4, с. 22], но растущая роль денежных переводов женщин — трудовых мигрантов из РТ, КР и РУ в России ранее не была так заметна, поэтому дальнейшее рассмотрение гендерных различий трансграничных денежных переводов евразийского миграционного пространства представляется весьма актуальной задачей для будущих исследований.

Динамично меняющаяся роль стран Средней Азии в общем потоке трансграничных переводов также была отмечена исследователями из Всемирного банка [5, с. 6], но пока рост масштабов денежных переводов в эти страны не приводит к значительному увеличению инвестиционной активности в них, что является неутешительной новостью и требует дополнительного осмысления, так как в условиях форс-мажорных обстоятельств (таких как COVID-19) делает домохозяйства трудовых мигрантов и экономики стран Средней Азии особенно уязвимыми².

² Региональная оценка: ключевое информационное исследование социально-экономического влияния COVID-19 на возвращенцев и застрявших мигрантов в Центральной Азии. МОМ, Казахстан; 2021. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/Regional-Assessment-Key-Informant-Survey-RU.pdf>

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья написана по итогам исследования «Осведомленность мигрантов о туберкулезе и ВИЧ» (2014), исследования «Феминизация трудовой миграции из РТ и КР в Российской Федерации» (2015) и регионального проекта Международной организации по миграции «Снижение влияния социально-экономических последствий пандемии COVID-19 на мигрантов и сообщества в Центральной Азии и Российской Федерации» (2020).

ACKNOWLEDGEMENTS

The article is based on the results of the study “Migrant Awareness about tuberculosis and HIV” (2014), the study “Feminization of Labour Migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to the Russian Federation” (2015), and the Regional Project of the International Organization for Migration “Reducing the Impact of the Socio-Economic Consequences of the COVID-19 Pandemic on Migrants and Communities in Central Asia and the Russian Federation” (2020).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глущенко Г.И. Характеристики денежных переводов мигрантов. *Финансы и кредит*. 2005;186(18):63–71.
2. Галькова А.А., Глущенко Г.И. Технология блокчейн в сфере денежных переводов. *Инновации*. 2018;9(239):90–95.
3. Полетаев Д.В. Женская трудовая миграция из РТ и КР в Россию. *Народонаселение*. 2018; 21(4): 68–78.
4. Навой А.В. Шалунова Л.И. Статистика трансграничных переводов физических лиц. Методологические подходы и аналитические возможности. *Деньги и кредит*. 2017; (12):22–32.
5. Brownbridge M. Canagarajah S. Migration and Remittances in the Former Soviet Union Countries of Central Asia and the South Caucasus: What Are the Long-Term Macroeconomic Consequences? Europe and Central Asia Region. World Bank Group. 2020.

REFERENCES

1. Glushchenko G.I. Characteristics of migrant money transfers. *Finance and Credit*. 2005;186(18):63–71.
2. Galkova A.A., Glushchenko G.I. Blockchain technology in remittance industry. *Innovations*. 2018;239(9):90–95.
3. Poletaev D.V. Female labor migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia. *Narodonaselenie*. 2018; 21(4): 68–78.
4. Navoy A.V. Shalunova L.I. Statistics of individuals' cross-border remittances. Methodological approaches and analytical opportunities. *Russian journal of money & finance*. 2017; (12):22–32.
5. Brownbridge M. Canagarajah S. Migration and Remittances in the Former Soviet Union Countries of Central Asia and the South Caucasus: What Are the Long-Term Macroeconomic Consequences? Europe and Central Asia Region. World Bank Group. 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Дмитрий Вячеславович Полетаев — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия; директор РОО «Центр миграционных исследований», Москва, Россия

Dmitry V. Poletaev — Cand. Sci. (Econ), Senior Research Fellow, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Leading Researcher, Institute of Economic Forecasting of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Director, Regional Public Organization “Migration Research Center”, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0255-8716>
migrocenter@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 09.09.2024; принята к публикации 10.10.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 09.09.2024; accepted for publication on 10.10.2024.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-50-55

УДК 323.2:329.7(575.3)(045)

Молодежная политика Республики Таджикистан в контексте актуальных вызовов

У. Шохписанд
РАНХиГС, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются проблемы, возникающие при реализации целей и задач государственной молодежной политики в Республике Таджикистан, выделяются уникальные черты, которые отличают процесс ее формирования и воплощения в жизнь. Особое внимание уделяется привлечению молодых людей к участию в политической жизни. Анализируя проблемы, связанные с развитием молодежи, автор выделяет факторы, которые препятствуют дальнейшей успешной реализации стратегии и задач государственной молодежной политики в Таджикистане. Автор приходит к выводу, что для того, чтобы молодежная политика могла эффективно решать поставленные задачи, необходимо создать специальный государственный институт, который будет нести ответственность за работу с молодежью и осуществлять управление этим процессом.

Ключевые слова: стратегия; государственная политика; реализация; государственная молодежная политика; общество; молодежь; государство; социальные классы; политическое сознание; политическая деятельность; нормативно-правовые акты

Для цитирования: Шохписанд У. Молодежная политика Республики Таджикистан в контексте актуальных вызовов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):50-55. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-50-55

ORIGINALPAPER

Youth Policy of the Republic of Tajikistan in the Context of Current Challenges

U. Shokhpisand
RANEPA, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article explores the challenges faced in achieving the goals and objectives of the state youth policy in the Republic of Tajikistan. It highlights the unique characteristics that distinguish the process of developing and implementing this policy. One of the main focuses is on engaging young people in the political life of the country. By analysing the issues related to youth development, the author identifies factors that hinder the further successful implementation of the strategy and objectives of the state youth policy in Tajikistan. The author concludes that to effectively address the tasks set for youth policy, it is necessary to establish a special state institute responsible for working with young people and managing this process.

Keywords: strategy; state policy; realisation; state youth policy; society; youth; state; social classes; political consciousness; political activity; normative-legal acts

For citation: U. Shokhpisand. Youth policy of the Republic of Tajikistan in the context of current challenges. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(5):50-55. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-50-55

ВВЕДЕНИЕ

По нашему мнению, молодежь представляет собой движущую силу общества, и ее потенциал должен быть использован для будущего процветания страны. Молодые люди должны активно участвовать в созидательной деятельности во всех сферах жизни и иметь мотивацию для этого. Состояние молодежи — это первый признак того, развивается общество или находится в упадке.

В Стратегии государственной молодежной политики Республики Таджикистан молодежная политика обозначена как одно из ключевых направлений общей стратегии развития. В государственных программах и нормативных правовых актах четко сформулированы цели и задачи, приоритетные направления и меры, направленные на решение актуальных проблем, связанных с развитием молодежной сферы.

Государственная молодежная программа базируется на результатах анализа и прогноза среднесрочных и долгосрочных процессов, происходящих в социально-культурной жизни Таджикистана, которые были выявлены на основе официальных отчетов и документов. Кроме того, рассматриваются вопросы преобразования основных структур в области государственных институтов, ориентированных на молодежь.

Примером тому служит решение о создании Комитета по начальному и среднему профессиональному образованию при правительстве республики. На этот комитет возложена задача разработки и реализации единой государственной политики в сфере начального и среднего профессионального образования.

БАРЬЕРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

В.Л. Васильева выделяет несколько барьеров, препятствующих политической самореализации молодежи:

- слабая потребность молодежи в непосредственном политическом участии через членство в организациях;
- невнимание организаций к внутриорганизационному развитию, основанному на стыке интересов организации и конкретных индивидуально-личностных интересов;
- кризис социальной идентичности молодежи;
- консервативное отношение общества к изменениям в стиле, формах и способах само-

реализации молодежи в постсоветских условиях жизни;

- слабая организаторская деятельность самих общественно-политических организаций в отношении привлечения к работе в них большего количества молодежи, их закрытость [1].

Данные барьеры выделены применительно к проблемам участия молодых людей в общественно-политической жизни в России, однако некоторые из них могут быть актуальны и для других стран.

В Таджикистане так же, как и в России, молодые люди не стремятся активно участвовать в политической жизни через членство в организациях. Хотя сегодня многие молодые люди присоединяются к общественным организациям, таким как «Созандагони Ватан»¹ («Строители Родины») и «Пайравони Пешвои миллат»² («Последователи Лидера нации»), это видится нам недостаточным.

Также можно отметить, что организации не всегда уделяют достаточно внимания внутриорганизационному развитию, которое должно основываться на гармоничном сочетании интересов организации и индивидуальных потребностей ее членов.

Кроме того, можно отметить кризис социальной идентичности молодежи. Например, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон часто призывает к национальной идентичности, а также к развитию и расширению научного мировоззрения молодых людей. Он активно выступает против радикализации молодежи.

По причине того, что в обществе существует консервативное отношение к изменениям в стиле, формах и способах самореализации молодых людей в постсоветских условиях жизни, молодежь все больше обращается к религии.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

В современном мире среди молодежи укрепились ценности индивидуализма, что может отразиться на семейных отношениях и отношениях между поколениями. Как пишет Е.М. Авласович: «Покупки и потребление стали основой приятного времяпрепровождения молодежи, главным мотивом ее

¹ URL: <https://hkhdtkhatlon.tj/dusti/sozandagon.php>

² URL: <https://avkd.tj/tg/khabarho/1688-payravoni-peshvoi-millat.html>

жизнедеятельности» [2]. Сегодня мы в Республике Таджикистан наблюдаем появление нового поколения — поколения потребителей. В основном это молодые люди, которые впитали ценности общества потребления и стремятся удовлетворить свои потребности, прежде всего ради собственной выгоды. Поэтому при разработке программ работы с молодежью необходимо учитывать эти объективные аспекты жизни общества. Стоит отметить, что в российской обществоведческой науке этому вопросу уделяется особое внимание [3].

Еще одной особенностью нашего времени является стремительное развитие информационного общества. С одной стороны, это может оказывать положительное влияние на мировоззрение молодых людей, которые часто отличаются психологической неустойчивостью и не имеют твердых убеждений. С другой стороны, существует риск так называемого «промывания мозгов», когда под воздействием информации молодые люди утрачивают способность критически оценивать события в мире и принимают чужие идеи и ценности. В связи с этим вопросу информационной безопасности следует уделять особое внимание. Он должен быть глубоко проработан в рамках государственной молодежной политики и программ, направленных на работу с молодежью. В этом контексте можно использовать уже существующие исследования, чтобы избежать негативных последствий. [4].

Одной из характерных черт таджикского общества является миграция, в которую вовлечена значительная часть молодежи. Наряду с положительными аспектами этот процесс также сопряжен с негативными последствиями, такими как утрата высококвалифицированных кадров.

Чтобы оградить себя от таких негативных последствий, необходимо активно продвигать молодежную политику и беречь интеллектуальные ресурсы общества. Более того, неконтролируемая и стихийная миграция негативно сказывается на демографической ситуации в стране. Активные силы общества — как физические, так и умственные — уменьшаются, а население становится старше, включая пожилых людей, взрослых и детей. Это также может привести к нарушению баланса между молодыми женщинами и мужчинами, что, в свою очередь, негативно сказывается на институте брака.

Это одна из тех причин, по которой мы предлагаем уделить особое внимание механизмам воспитания, образования и социализации девушек в рамках молодежной политики и соответствующим

программам. В этом контексте можно обратиться к информации, представленной в коллективной монографии «Трудовая миграция и структура социально-трудовых отношений в Республике Таджикистан» [5]. Также стоит отметить исследования таджикских ученых, посвященные историческим тенденциям миграции и ее современному состоянию [6]. Еще один важный аспект, который находится в центре внимания политиков и создателей различных программ, — это региональные особенности и различия. Как известно, уклад жизни в разных регионах республики отличается с экономической, социальной и культурной точек зрения. Для того чтобы государственные меры в отношении молодежи были эффективными, необходимо учитывать эти различия.

Конфликты являются важным аспектом при анализе государственной политики. Психологические и социальные причины конфликтов между молодыми людьми можно разделить на две категории: объективные и субъективные.

К объективным причинам относятся условия, существующие в обществе и государстве, в которых проходит социализация молодого поколения. Если эти условия неблагоприятны, если не учитываются запросы и интересы молодых людей, если не принимаются меры для устранения факторов, провоцирующих конфликты, то рано или поздно они обязательно возникнут под воздействием внешних сил.

Субъективные причины психосоциальных конфликтов связаны с мировоззрением, пониманием и мышлением, воспитанием и знаниями, психическим состоянием, характером и врожденными особенностями молодых людей.

Как известно, молодежь — это группа людей, находящихся в процессе физического, физиологического и психического развития, что делает их уязвимыми и чувствительными к любым событиям и процессам в обществе. Под воздействием заинтересованных сил молодые люди могут стать жертвами насилия.

Поэтому профессионалы, занимающиеся молодежью, несут огромную ответственность, ведь они отвечают за формирование молодого поколения. Особенно важно уделять внимание предотвращению конфликтов, используя различные методы для достижения этой цели.

Программы, связанные с молодежной политикой, направлены на устранение рисков и факторов, способствующих возникновению конфликтов.

Ключевым инструментом в этом процессе является объединение молодежи вокруг общих интересов. Поэтому крайне необходимо создавать различные молодежные объединения и привлекать молодых людей к совместной деятельности.

Тем не менее следует учитывать, что на формирование личности молодых людей оказывают влияние три основных фактора: семья, образование и средства массовой информации. В Таджикистане уже проделана значительная работа в этом направлении, но необходимо приложить еще больше усилий, как неоднократно подчеркивал Президент Эмомали Рахмон.

Важно отметить, что Республика Таджикистан уверенно шагает по пути к построению правового государства и гражданского общества. Одной из ключевых задач в этом процессе является вовлечение молодежи в политическую жизнь. Чтобы достичь успеха, государство должно наладить непосредственный диалог с молодыми людьми.

Необходимо уделить особое внимание развитию политического сознания и повышению политической активности молодежи. Это особенно важно, так как молодые люди с незрелым политическим сознанием, не разделяющие целей и задач государства, могут быть легко вовлечены в незаконную деятельность, особенно если их личное и семейное положение не самое благополучное, а экономическое положение оставляет желать лучшего.

Вовлечение молодежи в политическую деятельность также развивает научное мировоззрение молодых людей, среди них готовятся будущие кадры в сфере политики и может воспитывать в них культуру политической деятельности.

Важно отметить, что государственная молодежная политика и все документы, принятые для ее реализации, нацелены на обеспечение социальной безопасности молодых людей. Эта политика определяет стратегический и тактический подход государства к молодежи и включает множество мероприятий по различным направлениям, которые разрабатываются с учетом внешних и внутренних условий страны.

При разработке стратегии государственной молодежной политики необходимо учитывать этот и другие факторы, которые определяют будущую активность молодежи в обществе. В этом контексте Президент Эмомали Рахмон и Правительство Республики Таджикистан приняли ряд нормативных правовых актов, направленных на решение молодежных вопросов.

Хотелось бы отметить, что план, представленный политологом К. Миралиеном, в котором он отмечает, что: «государственная молодежная политика в Таджикистане в основном реализуется по вертикали, и не учитывается горизонтальная структура управления государственной молодежной политикой, соответствующая демократическим принципам (локализация, децентрализация). Для эффективной реализации государственной молодежной политики необходимо использовать обе структуры управления»³. Более того, автор констатирует, что: «качество реализации государственной молодежной политики на практике не очень хорошее, особенно это касается целей и задач государственной молодежной политики, которые зачастую не реализуются из-за слабого институционального потенциала»⁴.

Как отметил глава государства Эмомали Рахмон во время выступления на встрече с представителями науки и образования 30 мая 2024 г.,⁵ наука и образование требуют тщательного анализа, чтобы выявить их сильные и слабые стороны. Образование в высших учебных заведениях должно способствовать расширению кругозора молодых людей, развитию критического мышления, формированию научного мировоззрения, а также повышению их политического, правового и нравственного сознания. Кроме того, оно должно воспитывать современных специалистов, готовых к активной жизни в обществе.

Однако, на наш взгляд, форма и методы обучения, а также система оценивания имеют множество недостатков. Несмотря на то, что благодаря усилиям главы государства и правительства строятся общеобразовательные и высшие школы с современным оборудованием, сейчас особое внимание следует уделить качеству образования. Ведь именно от него зависит дальнейшая социализация молодых людей и их выбор верного пути в жизни.

Не секрет, что образование является наиболее эффективным способом защиты от радикализации молодежи. Поэтому необходимо приложить все усилия для того, чтобы улучшить качество обучения и сделать его более эффективным.

³ URL: <https://clck.ru/3F8q5C>

⁴ URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/rahmon-ulmasov/istoriya-tadzhikskoy-migratsii-uroki-proshlogo-likibudushchego/>

⁵ URL: <https://khovar.tj/rus/2024/05/vystuplenie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-lidera-natsii-uvazhaemogo-emomali-rahmona-na-vstreche-s-uchyonymi-strany/>

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Теперь, когда созданы все необходимые условия, настало время серьезно задуматься о проблемах, связанных с качеством образования. Это позволит нам улучшить научное мировоззрение подрастающего поколения.

Молодежь, обучающаяся в высших учебных заведениях, должна быть в курсе основных политических, экономических и социальных процессов, происходящих как внутри страны, так и за ее пределами.

Программы, в которых излагаются необходимые и стратегические меры молодежной политики, в основном ориентированы на студенческую молодежь. Многие другие молодые люди, не обучающиеся в вузах, остаются вне поля зрения.

С нашей точки зрения, эти программы носят элитарный характер. Это означает, что молодые люди из высших слоев общества и с хорошими ресурсами имеют больше возможностей участвовать в них, посещать мероприятия и получать поощрения.

Отдельно стоит рассмотреть влияние средств массовой информации и интернета на молодых людей. Недостаточно сильные духом, с узким мировоззрением, низкой грамотностью и низким уровнем жизни, они могут оказаться под воздействием негативной информации и начать нарушать закон.

Необходимо провести глубокий анализ количества молодых людей, находящихся в местах лишения свободы, чтобы понять, почему некоторые аспекты государственной молодежной политики, ее стратегии и программы в их случае оказываются неэффективными.

Для успешной реализации молодежной политики и стратегии ее развития требуется достаточное финансирование. Конечно, глава государства, правительство и соответствующие структуры уже ведут активную работу в этом направлении, но этот вопрос нельзя упускать из виду.

Таким образом, следует продолжать разработку системы оценки эффективности государственной молодежной политики и положения молодежи в Таджикистане. Необходимо ввести новые индикаторы в критерии анализа и мониторинга реализации государственных молодежных программ.

Основным критерием оценки эффективности государственной молодежной политики должен

стать анализ влияния предпринятых мер на развитие положения молодежи в обществе, а также на динамику и качество ее общественной и социально-экономической активности.

ВЫВОДЫ

В современных условиях глобализации и растущих требований к человеческому капиталу государственная молодежная политика должна стать инструментом развития и преобразования страны: «Молодежь, как наиболее динамичная группа населения, полная сил и энергии, такой ритм жизни охотно выдерживает. Ее не пугает необходимость постоянного повышения квалификации и переподготовки, а постоянное появление инноваций, новых модификаций товаров, пусть и быстро устаревающих, ломающихся, воспринимаются молодым потребителем с энтузиазмом» [7].

Это требует от всех участников процесса социализации молодежи разработки и последовательной реализации подходов, направленных на непосредственное вовлечение молодых людей в решение их собственных проблем и общенациональных задач. 2024 г., объявленный Президентом страны Годом правового просвещения в честь 30-летия Конституции⁶, открывает новые горизонты для реализации молодежной политики с учетом современных реалий. Важно, чтобы молодые люди осознавали не только свои права, но и обязанности, и были готовы их выполнять.

Задачи государственной молодежной политики, стоящие перед нами в столь широком масштабе, могут быть успешно решены только через проектный подход. Нам необходимо создать систему молодежных проектов, которые будут основываться на ключевых направлениях государственной политики, станут понятными и востребованными среди молодых людей и общества в целом.

В результате будут созданы надежные условия для самоорганизации молодежи и всего населения, что станет основой для развития инициатив, соответствующих вызовам, стоящим перед Таджикистаном. Кроме того, это будет способствовать повышению благосостояния граждан и совершенствованию общественных отношений.

⁶ URL: <https://khovar.tj/rus/2023/12/2024-god-v-tadzhikistane-obyavlen-godom-pravovogo-prosveshheniya/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Назаршоева С.Ф. Развитие межгосударственного взаимодействия Республики Таджикистан и Российской Федерации в сфере регулирования трудовой миграции (конец XX — начало XXI в.). *Известия Алтайского государственного университета*. 2018;(5):119–123. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)5-21](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)5-21)
2. Авласович Е.М. Потребительство как основной мотив жизнедеятельности современной молодежи. *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ*. 2019;(6). URL: <https://www.elibrary.ru/amopcg>
3. Аринина К.И. Абсентеизм в политике: причины и последствия. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2014;156(1):214–220. <https://www.elibrary.ru/senxgp>
4. Миралиен А., Абдусалимзода И., Навруз М.А. Особенности и технологии развития молодежной политики в Республике Таджикистан. Душанбе: Таджикский педагогический университет им. С. Айни; 2024. 175 с.
5. Меркулов П.А., Елисеев А.Л. Региональная государственная молодежная политика: проблемы и перспективы. *Государственное Управление. Электронный Вестник*. 2015;(52):87–100. <https://www.elibrary.ru/uyvezf>
6. Мылласова О.В. Окно Овертона — угроза развитию общества. Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана. Екатеринбург (21–23 марта 2019 года). Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; 2019:761–767.
7. Власенко Л.В. Роль молодежи в процессах преобразования общества. *Научный Диалог*. 2014;29(5):126–140.

REFERENCES

1. Nazarshoeva S.F. Development of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation interstate cooperation in the field of labor migration regulation (late 20th — early 21st centuries). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018;(5):119–123. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)5-21](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)5-21)
2. Avlasovich E.M. Consumerism as the main motive of life of modern youth. *Elektronnyi nauchno-metodicheskii zhurnal Omskogo GAU*. 2019;(6). (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/amopcg>
3. Arinina K.I. Absenteeism in politics: Causes and consequences. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2014;156(1):214–220. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/senxgp>
4. Miralien A., Abdusalimzoda I., Navruz M.A. Features and technologies of youth policy development in the Republic of Tajikistan. Dushanbe: Tajik State Pedagogical University; 2024. 175 p. (In Russ.).
5. Merkulov P.A., Yeliseyev A.L. Regional state youth policy: Problems and prospects. *Gosudarstvennoe Upravlenie. Elektronnyi Vestnik*. 2015;(52):87–100. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/uyvezf>
6. Myltasova O.V. The Overton window is a threat to the development of society. Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research. Proceedings of the XXII International Conference in Memory of Professor L.N. Kogan, Yekaterinburg (March 21–23, 2019). Ekaterinburg: Ural Federal University; 2019. 761–767. (In Russ.).
7. Vlasenko L.V. Role of youth in processes of society reorganization. *Nauchnyi Dialog*. 2014;29(5):126–140. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Умарализода Шохписанд — аспирант департамента политологии, РАНХиГС, Москва, Россия

Umaralizoda Shokhpisand — Postgraduate student at the Department of Political Science, RANEP, Moscow, Russia
Shahbonu.96@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.04.2024; принята к публикации 9.11.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.04.2024; accepted for publication on 9.11.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Эпистемическая теория демократии

Н.А. Шавеко

Институт философии и права, Уральское отделение Российской академии наук, Ижевск, Россия

АННОТАЦИЯ

В начале XXI в. ряд западных политических теоретиков предпринял попытку разработать систематическое теоретическое обоснование демократии с эпистемологических позиций, т.е. доказать, что именно демократия приводит к наиболее правильным (в том или ином смысле) политическим решениям. В результате можно говорить о возникновении новой нормативной теории демократии, а именно эпистемической. В статье методом сравнительного анализа показано, что основные современные эпистемологические обоснования демократии представлены в формах рационального/умеренного эпистемического процедурализма (Д. Эстлунд и др.), чистого эпистемического процедурализма (Ф. Питер), а также в других формах, например, в демократии надежности (С. Приич Самаржия). В рамках первой формы предлагается выделять три основных способа эпистемического обоснования демократии, а именно через демонстрацию эпистемических преимуществ: 1) совещательных практик; 2) теоремы Кондорсе о присяжных заседателях; 3) разнообразия мнений (формула «разнообразие превосходит способности»). Таким образом, в статье осуществляется обзор современных западных дискуссий, посвященных эпистемическому обоснованию демократии, и осуществляется классификация существующих точек зрения. Раскрываются взгляды основных представителей эпистемологической концепции демократии, а также приводятся наиболее перспективные способы критики этих взглядов. При этом высказываются сомнения в том, что эпистемическую демократию можно рассматривать как разновидность совещательной демократии, поскольку эпистемические демократы ценят не только обсуждение, но и так называемое «чудо агрегации». Также отмечается, что у эпистемологических демократов отсутствует четкая теория о том, как именно их обоснования должны соотноситься с чисто процедурными обоснованиями демократии, связанными с ценностью политического равенства.

Ключевые слова: модели демократии; чудо агрегации; теорема присяжных Кондорсе; мудрость толпы; совещательная демократия; делиберация; моральный когнитивизм; справедливость

Для цитирования: Шавеко Н.А. Эпистемическая теория демократии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):56-63. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-56-63

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

The Epistemic Theory of Democracy

N.A. Shaveko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia

ABSTRACT

At the beginning of the 21st century, some Western political theorists tried to justify democracy in an epistemic way. They wanted to prove that democracy leads to the most correct political decisions. Consequently, it is reasonable to say that a new normative theory of democracy has emerged – the epistemic theory. The article demonstrates that the existing epistemic justifications of democracy are presented in the forms of rational/moderate epistemic proceduralism (D. Estlund et al.), pure epistemic proceduralism (F. Peter), as well as in other forms, for example reliability democracy (S. Prijić Samaržija). Within the framework of the first form, three main ways of epistemic justification of democracy can be distinguished, namely through the demonstration of epistemic advantages of: 1) deliberative practices; 2) the Condorcet jury theorem; 3) opinions' diversity (the formula "diversity trumps ability"). Doubts are expressed that epistemic democracy can be seen as a form of deliberative democracy. This is because epistemic democrats not only value deliberation but also what is called the "miracle of aggregation". The article explores the ideas of the main representatives of the epistemic theory of democracy and suggests the most promising ways to criticize these theories. It also points out that all epistemic democrats lack a clear theory of how their justifications relate to the purely procedural justifications of democracy based on the value of political equality.

Keywords: models of democracy; miracle of aggregation; jury theorem; wisdom of crowd; deliberative democracy; deliberation; moral cognitivism; justice

For citation: Shaveko N.A. The epistemic theory of democracy. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(5):56-63. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-56-63

ВВЕДЕНИЕ

В конце XX в. в западной политической философии особую популярность обрели так называемые совещательные модели демократии. Многие мыслители высказывали различные аргументы в пользу того, что демократический идеал должен включать в себя обязательный совещательный элемент в виде публичных обсуждений по важным социальным вопросам. Однако в начале XXI в. произошло то, что Х. Ландемор назвала «эпистемическим поворотом» в теории совещательной демократии [1]. Р. Гудин и К. Спикерманн даже написали книгу с названием «Эпистемическая теория демократии» [2]. Речь идет о появлении группы ученых, во-первых, убежденных в том, что ценность демократии основана, по крайней мере частично, на ее способствовании принятию в том или ином смысле «правильных» решений, во-вторых, пытающихся именно с этих позиций обосновать преимущества демократии и, наконец, в-третьих, выявляющих конкретные закономерности, позволяющие усилить эпистемические качества демократии.

Помимо этого, всех сторонников эпистемической теории демократии объединяет то, что они признают ценность совещательных процедур. И надо сказать, что в рамках самой теории совещательной демократии обоснования публичных дискуссий с эпистемических позиций ([3, 4] и мн. др.) были, пожалуй, преобладающими. Однако, как представляется, можно по-разному смотреть на то, является ли эпистемическая теория демократии неким «поворотом» в совещательной теории демократии, ведь если совещательные демократы резко противопоставляли свои «диалогоцентричные» взгляды так называемым или «голосоцентричным» («агрегативным») моделям демократии, то эпистемические демократы признают эпистемическую ценность, в том числе, и за агрегативными механизмами. Таким образом, если рассматривать эпистемическую теорию демократии как «поворот» в совещательной демократии, то это отчасти поворот назад в попытке осуществить новый синтез уже существующих идей.

Первым случаем использования выражения «эпистемическое понимание демократии» можно, пожалуй, считать статью Джошуа Коэна 1986 г. [5]. Однако по-настоящему серьезный интерес к эпистемической теории демократии появился после публикации Дэвидом Эстлундом работы

«Демократическая власть» в 2008 г. [6] и во многом является живой реакцией на эту работу.

В настоящей статье будет дан краткий обзор дискуссий об эпистемической роли демократии, которые развернулись в западной литературе в последние годы, раскрыты основные подходы к эпистемическому обоснованию демократии и конкретные способы такого обоснования, а также осуществлена критика этих подходов и способов, которая, однако, в рамках обзорной статьи носит лишь общий характер.

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ПРОЦЕДУРАЛИЗМ Д. ЭСТЛУНДА И ЕГО АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ДЕМОКРАТИИ

Первоначально Д. Эстлунд разработал теорию, обосновывающую демократическое правление, которую он назвал «эпистемическим процедурализмом» [Estlund 2008]. Эстлунд отстаивает тезис, согласно которому тот факт, что некто по общему согласию всех квалифицированных точек зрения является «экспертом» (обладает большей компетенцией), еще не означает, что этот некто должен быть «боссом» (управленцем), поскольку легитимной властью может считаться лишь если она сама по себе принята всеми квалифицированными точками зрения. Одновременно ученый доказывает, что, во-первых, демократия эпистемически лучше принятия политических решений случайным образом (подбрасыванием монеты), во-вторых, лишь демократия может быть принята всеми квалифицированными точками зрения в качестве способа принятия политических решений. Чтобы сравнить демократию с иными формами правления, автор вводит понятие «основные беды» (primary bads), которыми называет войну, голод, экономический коллапс, политический коллапс, эпидемию и геноцид. Стратегия аргументации следующая: если демократия справляется с этими «основными бедами» лучше других форм правления, то она, скорее всего, лучше последних и в других отношениях. На самом деле ученый пытается показать лишь то, что демократия справляется с «основными бедами» лучше, чем механизм случайного выбора, и по крайней мере не намного хуже, чем другие формы правления, что может быть признано всеми квалифицированными точками зрения, и делает это с помощью общих рассуждений об эпистемических качествах делиберативных процессов. Дело в том, что одновременно Эстлунд

выдвигает аргумент против апелляции к завистливым сравнениям, доказывая, что если вышеуказанные условия выполняются, то вряд ли все квалифицированные точки зрения одобряют отказ от демократии в пользу других форм правления, которые также имеют высокую эпистемическую ценность. Что касается аргументов против «правления образованных» (элитизма), то они у Д. Эстлунда сводятся в конечном счете к тезису о квалифицированности возражения, согласно которому у образованной элиты могут быть собственные неявные предрассудки (и, соответственно, элитизм не может быть принят всеми квалифицированными точками зрения). Таким образом, демократия (а именно совещательная демократия) оказывается единственной формой правления, которая по своим эпистемическим качествам лучше, чем принятие решений случайным образом и которая при этом может быть принята всеми квалифицированными точками зрения.

ДИСКУССИИ ВОКРУГ КОНЦЕПЦИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО ПРОЦЕДУРАЛИЗМА

Как представляется, в аргументации Д. Эстлунда достаточно много слабых мест. Это и его убеждение, что компетентность и добросовестность правителя сами по себе не дают ему права на власть, и его определение «квалифицированных точек зрения», и те критерии, которые Д. Эстлунд предлагает для определения эпистемически лучшего правления, и его убежденность в эпистемической ценности (совещательной) демократии, и его аргументы против элитизма. Тем не менее следует признать, что концепция эпистемического процедуризма вызвала активные дебаты в западной литературе, в результате которых определились основные точки зрения. По всей видимости, большинство авторов согласилось с Д. Эстлундом в том, что «чистого процедуризма» (т.е. отсылки к самоценности демократической процедуры) недостаточно для нормативного обоснования демократии, и его следует дополнять эпистемическим обоснованием, но одновременно и не сводить все к последнему. Конечно, сегодня существуют и такие подходы к нормативному обоснованию демократии, которые не связывают ценность демократии с принятием правильных решений. Например, «минималистская концепция демократии», к идейным предшественникам которой можно отнести К. Поппера [7] и Й. Шумпетера [8],

а к активным разработчикам — У. Райкера [9], Р. Хардина [10] и А. Пшеворского [11], исходит из того, что демократия ценна уже потому, что позволяет избежать тирании и насилия. Есть также авторы (например [12, 13]), которые полагают, что процедурные обоснования демократии в конечном счете можно свести к эпистемическим. Однако в целом подход Д. Эстлунда пользуется большой популярностью.

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБОСНОВАНИЮ ДЕМОКРАТИИ В ЗАПАДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Оригинальную точку зрения, согласно которой процедурные требования сами по себе уже гарантируют эпистемическую ценность, предложила Фабьен Питер, обозначив ее как чистый эпистемический процедуризм (взгляды Эстлунда она квалифицирует как рациональный эпистемический процедуризм). По мнению данной исследовательницы, независимые от процедуры критерии правильности не являются необходимыми для эпистемического обоснования демократии, ведь последнее достигается уже благодаря инклюзивности и разнообразию самого процесса демократического обсуждения, в ходе которого отбрасываются различные предрассудки [14; 15]. Здесь Питер вооружается уже эпистемологической позицией Х. Лонгино, согласно которой знание определяется исключительно через социальный процесс его производства, а сам этот процесс должен характеризоваться четырьмя признаками, каждый из которых отвечает на свой вопрос: (а) наличием пространства для критического дискурса («где?»), (б) восприятием критики («почему?»), (в) публично признанными стандартами оценки тезисов («как?») и (г) умеренным равенством интеллектуальной власти («кто?») [16]. Таким образом, надлежащая процедура не сводится к политическому равенству (равной возможности политического участия), а включает также эпистемологические требования.

Наконец, Снежана Приич Самаржия не согласилась с «чистым эпистемическим процедуризмом» Питер на том основании, что (а) в нем эпистемические ценности фактически сводятся к политическим и производны от них, к тому же (б) в нем дается слишком оптимистическая оценка эпистемических качеств демократических совещательных процедур (и не предлагает никаких критериев для оценки таких качеств)

[17, p. 131–133]. Одновременно Приич Самаржия не согласилась и с подходом Эстлунда (признавая при этом, что учет независимых от процедуры стандартов правильности является преимуществом данного подхода). По мнению рассматриваемого автора, во взглядах Эстлунда не ясно, как именно должны сочетаться политические и эпистемические ценности, т.е. ценность самой процедуры и независимый от процедуры стандарт правильности. Эти умозаключения заставляют Приич Самаржию считать «умеренный эпистемический процедурализм» Д. Эстлунда неустойчивым, и в конечном счете якобы сводящим эпистемические ценности к политическим [17, p. 140–145]. Что же касается собственной позиции Приич Самаржии, то она также пытается соединить политические и эпистемические ценности (поскольку по отдельности они не могут обосновать демократию как наилучшую форму правления), но в противовес и Питер, и Эстлунду пытается не свести эти ценности друг к другу. Такое «гибридное» обоснование автор пытается достичь посредством «разделения труда» между гражданами и экспертами, и называет этот подход «демократией на основе надежности» (reliability democracy). Здесь она опирается на позицию Т. Кристиано, согласно которой граждане должны иметь возможность определять цели общества, выбирать одну из конкурирующих экспертных программ по достижению этих целей, а также оценивать результаты реализации программ в свете поставленных целей [18]. К этому Приич Самаржия добавляет, что необходимо сделать граждан более активными, в частности позволить им выбирать конкретных экспертов, оценивать реализацию вышеуказанных принципов, обеспечивающих доверие к экспертам; кроме того, автор делает акцент на том, что власть экспертов должна в большей степени зависеть от понимания гражданами того, что конкретная экспертная программа является правильной (а не просто от того, насколько можно доверять экспертам) [19]. Демократия на основе надежности, согласно Приич Самаржии, подразумевает пять эпистемически значимых критериев, оценивая которые в каждом случае мы должны определять степень участия экспертов в демократии: надежность, действенность, эффективность, скорость, плодовитость. Общий смысл в том, что при оценке той или иной процедуры нужно принимать во внимание как со-

отношение правильных и неправильных решений, являющихся результатом ее применения, так и различные издержки, связанные с этой процедурой [20, p. 65]. Все это, однако, смещает фокус дискуссии от вопроса о соотношении политических и эпистемических ценностей к вопросу о соотношении ролей граждан и экспертов в политическом управлении, и в конечном счете служит обоснованию не столько демократии, сколько роли экспертов в политике.

Взгляды Ф. Питер и С. Приич Самаржии, как и взгляды Д. Эстлунда, не свободны от критики. Можно, например, критиковать эпистемологию Лонгино, на которую опирается Питер; вопросы вызывает и оценка С. Приич Самаржией взглядов Ф. Питер и Д. Эстлунда, а также ее собственная попытка соединить политические (процедурные) и эпистемические (инструментальные) ценности (пожалуй, ни один из эпистемических демократов внятно не обосновал это соотношение). Так или иначе, мы видим, что (а) в западной политической науке в последние годы возникла и активно развивается дискуссия относительно эпистемических способов обоснования демократии и (б) в рамках этой дискуссии сформировались такие подходы, как чистый эпистемический процедурализм (Ф. Питер), рациональный (умеренный) эпистемический процедурализм (Д. Эстлунд) и демократия на основе надежности (С. Приич Самаржия), которые соседствуют со взглядами, полностью отрицающими эпистемическую значимость демократии, или, наоборот, полагающими, что любые процедурные обоснования в конечном счете должны сводиться к эпистемическим.

Следует обратить внимание на то, что Д. Эстлунд еще до приведения эпистемических аргументов отверг эпистократию как альтернативу демократии (так как она не легитимна), а потому сравнивал демократию прежде всего с процедурой случайного принятия решений, но другие эпистемические демократы попытались доказать, что демократия как максимально инклюзивное политическое участие лучше «власти немногих» именно в эпистемическом плане (Х. Ландемор, Р. Гудин и К. Спикерманн). Но эти доказательства автоматически подразумевали, что в эпистемическом плане граждане во многих случаях вообще могут обойтись без экспертов. Соответственно, речь шла не просто о том, что демократия лучше недемократии, но и о том, что в демократии

роль экспертов, по всей видимости, будет сведена к минимуму. С нашей точки зрения, взгляды указанных авторов явно противоречат подходам Ф. Питер (так как исходят из существования объективного критерия правильности) и С. Приич Самаржи (так как не считают обращение к экспертным знаниям неотъемлемой частью демократии), оставаясь в рамках подхода Д. Эстлунда, но при этом они применяют иные способы обоснования демократии, которые являются более перспективными. Рассмотрим поэтому взгляды указанных авторов подробнее.

Так, центральный тезис Х. Ландемор, отстаиваемый ею в работе «Демократический разум» [21], заключается в том, что для большинства политических проблем в среднесрочной и долгосрочной перспективе принятие решений путем обсуждения с последующим голосованием будет эпистемически более приемлемым, чем правление экспертов или одного мудрого диктатора (даже если таковые будут действовать добросовестно). Таким образом, Х. Ландемор отстаивает гораздо более сильный тезис, чем Д. Эстлунд.

Преимущества демократии, согласно главному аргументу Д. Ландемор, вытекают из связи между инклюзивностью и когнитивным разнообразием (чем более широка группа, тем, вероятно, более разнообразны представленные в ней мнения). При этом когнитивное разнообразие группы (а именно разнообразие точек зрения, интерпретаций, эвристик и прогностических моделей), по мнению некоторых ученых [22, р. 16388; 23, р. 163], имеет большее значение, чем компетенция отдельных членов этой группы (при условии, что каждый член группы относительно умен и добросовестен). Это так называемая формула «diversity trumps ability» (DTA, разнообразие превышает способности). Соответственно, расширение группы лиц, участвующих в принятии решения, влечет увеличение разнообразия, а следовательно, и эпистемические преимущества. Причем, по логике Д. Ландемор, поскольку решение политических проблем требует знаний из различных областей, любое приращение разнообразия будет давать положительный эффект (критику см. в [24]).

ПОИСК ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ПРЕИМУЩЕСТВ ДЕМОКРАТИИ: АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДОВ

Все это, однако, очень похоже на схоластические рассуждения, поскольку Д. Ландемор порой за-

бывает про все другие эпистемически значимые факторы, помимо когнитивного разнообразия, а также про факторы, значимые не по эпистемологическим причинам. Так или иначе, Д. Ландемор вводит понятие коллективного интеллекта (не сводящегося к интеллекту отдельных членов коллектива) и полагает, что таковой образуется посредством двух механизмов: обсуждения и агрегирования. Автор пытается доказать, что данные механизмы, как правило, работают надлежащим образом, так как негативные явления, обычно связываемые с ними, на практике маловероятны и могут быть преодолены. Однако и здесь аргументация связывается с абстрактными моделями, а не с какими-то конкретными эмпирическими данными, вследствие чего несвободна от критики [25].

Наконец, Р. Гудин и К. Спикерман в работе «Эпистемическая теория демократии» [2] преследуют две цели: с одной стороны, доказать эпистемические преимущества демократии перед недемократическими формами правления, с другой стороны, предложить конкретные рекомендации, связанные с повышением эпистемической эффективности демократии. Первую цель они достигают через защиту теоремы присяжных Кондорсе от неверных интерпретаций и поспешной критики. Согласно указанной теореме, вероятность принятия правильного решения большинством голосов при выборе одного из двух вариантов возрастает практически до 100% по мере увеличения числа голосующих, при условии, что вероятность принятия правильного решения каждым из голосующих отдельно составляет хотя бы немногим более 50% [26]. Впоследствии были предложены более сильные версии данной теоремы, которые требуют лишь того, чтобы средний уровень индивидуальной компетентности избирателей был выше 50% [27, 28]. Р. Гудин в свое время предпринял попытку доказать, что во многих случаях теорема присяжных Кондорсе работает даже при числе альтернатив для выбора более двух, а вероятность принятия правильного решения хоть и меньше 50%, но выше, чем вероятность принятия каждого из неправильных решений [29, р. 91–108]. Вторая же из названных целей Р. Гудина и К. Спикермана реализуется через разработку ими ряда общих рекомендаций. Так, ученые полагают, что эпистемические преимущества демократии могут быть усилены, во-первых, через просвещение индивидов, во-вторых, через изменение самой

системы принятия решений. Применительно к последнему аспекту они указывают на такие методы, как: 1) повышение разнообразия в группе, принимающей решение; 2) разделение труда в области познания правильных решений; 3) поощрение дискуссий и обдумывания. Польза этих рекомендаций рассматриваемыми авторами демонстрируется на абстрактных моделях, более или менее напоминающих реальные политические практики.

В целом, если Д. Эстлунд обосновывает эпистемические качества демократии отсылкой к позитивным эффектам делиберации, то другие авторы, не отрицая эти позитивные эффекты, основной акцент делают на том, чтобы обосновать эпистемические преимущества агрегативных, а не совещательных механизмов. У Д. Ландемора это происходит через формулу ДТА, у Р. Гудина и К. Спикермана — через теорему присяжных Кондорсе. Однако оба варианта доказательств имеют одну и ту же слабость: они основываются на математических моделях, при этом ни одна математическая модель никогда не совпадает с реальностью в полной мере. Теорема присяжных Кондорсе, в частности, подразумевает независимость, искренность и достаточную компетенцию голосующих; «чудо агрегации», выраженное в формуле ДТА, работает только при определенном типе задач, и то если в решениях избирателей систематические ошибки отсутствуют или нейтрализуют друг друга.

ВЫВОДЫ

Итак, в начале XXI в. активизировались попытки западных ученых эпистемически обосновать демократию как наилучшую форму правления (т.е. доказать, что демократия способствует принятию более правильных политических решений). Это происходит в форме рационального/умеренного эпистемического процедурализма, чистого эпистемического процедурализма, а также в иных формах, например через концепцию «демократия на основе надежности». В рамках первой формы можно выделить три основных способа эпистемического обоснования демократии, а именно через демонстрацию эпистемических преимуществ: 1) делиберативных практик; 2) теоремы присяжных Кондорсе; 3) разнообразия мнений. Поскольку каждый из рассмотренных нами авторов предлагает свою собственную структуру обоснования и собственные аргументы, общая критика эпистемической теории демократии весьма затруднена. Однако в рамках данной статьи, по крайней мере, были сделаны наброски относительно того, какие направления критики указанных авторов являются более перспективными, а также было отмечено, что всем эпистемическим демократам не хватает внятной теории того, как именно их обоснования должны соотноситься с чисто процедурными обоснованиями демократии, отсылающими к ценности политического равенства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Landemore H. Beyond the fact of disagreement? The epistemic turn in deliberative democracy. *Social Epistemology*. 2017;31(3):277–295. DOI: 10.1080/02691728.2017.1317868
2. Goodin R.E., Spiekermann K. An Epistemic Theory of Democracy. Oxford: Oxford university press; 2018. 442 p.
3. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука; 2008. 417 с.
4. Nino C.S. The constitution of deliberative democracy. New Haven & London: Yale University Press; 1996. 251 p.
5. Cohen J. An Epistemic Conception of Democracy. *Ethics*. 1986;97(1):26–38. DOI: 10.1086/292815
6. Estlund D. Democratic Authority: A philosophical framework. Princeton: Princeton university press; 2008. 309 p.
7. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива»; 1992. 448 с.
8. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо; 2008. 861 с.
9. Riker W. Liberalism against Populism. Long Grove: Waveland Press; 1988. 311 p.
10. Hardin R. Liberalism, Constitutionalism, and Democracy. Oxford: Oxford University Press; 1999. 398 p.
11. Przeworski A. Minimalist conception of democracy: a defense. In: Dahl R., Shapiro I. and Cheibub J.A., editors. The democracy sourcebook. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press; 1999. p. 12–17.
12. Arneson R. Debate: Defending the Purely Instrumental Account of Democratic Legitimacy. *Journal of Political Philosophy*. 2003;11(1): 122–132. DOI: 10.1111/1467-9760.00170
13. Wall S. Democracy and equality. *Political Quarterly*. 2007;57:416–438. DOI: 10.1111/j.1467-9213.2007.495.x

14. Peter F. Democratic legitimacy and proceduralist social epistemology. *Politics, Philosophy, and Economics*. 2007;6(3):329–353. DOI: 10.1177/1470594X07081303
15. Peter F. Pure epistemic proceduralism. *Episteme: A Journal of Social Epistemology*. 2008;5(1):33–55. DOI: 10.3366/E 1742360008000221
16. Longino H. The fate of knowledge. Princeton: Princeton University Press; 2002. 233 p.
17. Pijić Samaržija S. Democracy and truth: the conflict between political and epistemic virtues. Milan: Mimesis International; 2018. 262 p.
18. Christiano T. Rational deliberation among experts and citizens. *Deliberative Systems: Deliberative Democracy at the Large Scale*. In: Parkinson J. and Mansbridge J., editors. Cambridge: Cambridge university press; 2012:27–51.
19. Pijić Samaržija S. The division of epistemic labor in democracy. *Anali Hrvatskog Politološkog Društva*. 2016;12(1):67–81. DOI: 10.20901/an.12.05
20. Pijić Samaržija S. The epistemology of democracy: the epistemic virtues of democracy philosophy and society. *Filozofija i društvo*. 2020;31(1):56–70. DOI: 10.2298/FID 2001056P
21. Landemore H. *Democratic Reason: Politics, Collective Intelligence, and the Rule of the Many*. Princeton and Oxford: Princeton University Press; 2013. 279 p.
22. Hong L., Page S. Groups of Diverse Problem Solvers Can Outperform Groups of High-Ability Problem Solvers. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States*. 2004;101(46):16385–16389.
23. Page S.E. *The Difference: How the Power of Diversity Creates Better Groups, Firms, Schools, and Societies*. Princeton, New York: Princeton University Press; 2007. 424 p.
24. Benson J. The epistemic value of deliberative democracy: how far can diversity take us? *Synthese*. 2021;199:8257–8289. DOI: 10.1007/s11229-021-03161-0
25. Rothstein B. Epistemic democracy and the quality of government. *European Politics and Society*. 2019; 1(20):16–31. DOI: 10.1080/23745118.2018.1515873
26. Condorcet. *Selected Writings*. Indianapolis: Bobbs-Merrill; 1976. 304 p.
27. Grofman B., Owen G., Feld S.L. Thirteen theorems in search of the truth. *Theory & Decision*. 1983;15(3):261–278. DOI: 10.1007/BF00125672
28. Berend D., Paroush J. When is Condorcet's Jury Theorem valid? *Social Choice and Welfare*. 1998;15(4):481–488. DOI: 10.1007/s003550050118
29. Goodin R.E. *Reflective Democracy*. New York: Oxford university press; 2003. 279 p.

REFERENCES

1. Landemore H. Beyond the fact of disagreement? The epistemic turn in deliberative democracy. *Social Epistemology*. 2017;31(3):277–295. DOI: 10.1080/02691728.2017.1317868
2. Goodin R.E., Spiekermann K. *An Epistemic Theory of Democracy*. Oxford: Oxford university press; 2018. 442 p.
3. Habermas J. The Inclusion of the Other. St. Petersburg: Nauka; 2008. 417 p. (In Russ.).
4. Nino C.S. *The constitution of deliberative democracy*. New Haven & London: Yale University Press; 1996. 251 p.
5. Cohen J. An Epistemic Conception of Democracy. *Ethics*. 1986;97(1):26–38. DOI: 10.1086/292815
6. Estlund D. *Democratic Authority: A philosophical framework*. Princeton: Princeton university press; 2008. 309 p.
7. Popper K. *The Open Society and Its Enemies: The spell of Plato*. Moscow: Feniks, Mezhdunarodnyj fond "Kul'turnaya iniciativa"; 1992. 448 p. (In Russ.).
8. Shumpeter J. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. Moscow: Eksmo; 2008. 861 p. (In Russ.).
9. Riker W. *Liberalism against Populism*. Long Grove: Waveland Press; 1988. 311 p.
10. Hardin R. *Liberalism, constitutionalism, and democracy*. Oxford: Oxford University Press; 1999. 398 p.
11. Przeworski A. Minimalist conception of democracy: a defense. In: Dahl R., Shapiro I. and Cheibub J.A., editors. *The democracy sourcebook*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press; 1999. p. 12–17.
12. Arneson R. Debate: Defending the Purely Instrumental Account of Democratic Legitimacy. *Journal of Political Philosophy*. 2003;11(1):122–132. DOI: 10.1111/1467-9760.00170
13. Wall S. Democracy and Equality. *Political Quarterly*. 2007;57:416–438. DOI: 10.1111/j.1467-9213.2007.495.x
14. Peter F. Democratic Legitimacy and Proceduralist Social Epistemology. *Politics, Philosophy, and Economics*. 2007;6(3):329–353. DOI: 10.1177/1470594X07081303

15. Peter F. Pure Epistemic Proceduralism. *Episteme: A Journal of Social Epistemology*. 2008;5(1):33–55. DOI: 10.3366/E 1742360008000221
16. Longino H. The fate of knowledge. Princeton: Princeton University Press; 2002. 233 p.
17. Prijić Samaržija S. Democracy and Truth: The Conflict between Political and Epistemic Virtues. Milan: Mimesis International; 2018. 262 p.
18. Christiano T. Rational Deliberation among Experts and Citizens. *Deliberative Systems: Deliberative Democracy at the Large Scale*. Ed. by J. Parkinson and J. Mansbridge. Cambridge: Cambridge university press; 2012:27–51.
19. Prijić Samaržija S. The division of epistemic labor in democracy. *Anali Hrvatskog Politološkog Društva*. 2016;12(1):67–81. DOI: 10.20901/an.12.05
20. Prijić Samaržija S. The epistemology of democracy: the epistemic virtues of democracy philosophy and society. *Filozofija i društvo*. 2020;31(1):56–70. DOI: 10.2298/FID 2001056P
21. Landemore H. Democratic Reason: Politics, Collective Intelligence, and the Rule of the Many. Princeton and Oxford: Princeton University Press; 2013. 279 p.
22. Hong L., Page S. Groups of Diverse Problem Solvers Can Outperform Groups of High-Ability Problem Solvers. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States*. 2004;101(46):16385–16389.
23. Page S.E. The Difference: How the Power of Diversity Creates Better Groups, Firms, Schools, and Societies. Princeton, New York: Princeton University Press; 2007. 424 p.
24. Benson J. The epistemic value of deliberative democracy: how far can diversity take us? *Synthese*. 2021;199:8257–8289. DOI: 10.1007/s11229-021-03161-0
25. Rothstein B. Epistemic democracy and the quality of government. *European Politics and Society*. 2019;1(20):16–31. DOI: 10.1080/23745118.2018.1515873
26. Condorcet. Selected Writings. Indianapolis: Bobbs-Merrill; 1976. 304 p.
27. Grofman B., Owen G., Feld S.L. Thirteen theorems in search of the truth. *Theory & Decision*. 1983;15(3):261–278. DOI: 10.1007/BF00125672
28. Berend D., Paroush J. When is Condorcet's Jury Theorem valid? *Social Choice and Welfare*. 1998;15(4):481–488. DOI: 10.1007/s003550050118
29. Goodin R.E. Reflective Democracy. New York: Oxford university press; 2003. 279 p. DOI: 10.1086/428465

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Николай Александрович Шавеко — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала по исследованию проблем этнополитики и государственного строительства, Институт философии и права, Уральское отделение Российской академии наук, Ижевск, Россия

Nikolai A. Shaveko — Cand. Sci. (Law.), Senior Research Fellow at the Udmurt Branch for the Study of Problems of Ethnopolitics and State Building, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>

shavekonikolai@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.08.2024; принята к публикации 9.12.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.08.2024; accepted for publication on 9.12.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Практика применения прогнозного социального проектирования в решении проблем пространственного развития

В.И. Демьяненко

Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В условиях современной динамичной и неопределенной общественной жизни, классическая дихотомия «формализация-гибкость» в управлении уступает место дихотомии «унификация-разнообразие». Это обусловлено необходимостью вовлечения разнообразных социальных групп и перехода к более гибким субъект-субъектным отношениям. Однако отказ от субъект-объектных методов управления часто носит декларативный характер, а внедряемые механизмы партнерской деятельности не имеют должной доказательной базы. Технология «Прогнозное социальное проектирование» (ПСП), разработанная Т.М. Дридзе, представляет собой один из таких механизмов, направленных на решение проблем пространственного развития. В статье исследуется способность ПСП обеспечить адаптацию в условиях высокой неопределенности и нарастающей динамики с учетом уникальности и специфики различных сообществ и культур. Методологической основой анализа служит концепция типов научной рациональности В.С. Степина, выделяющая классический, неклассический и постнеклассический типы управленческих ситуаций. Методом исследования выступает множественный кейс-стади, позволяющий глубоко анализировать несколько случаев, выявлять сходства и различия. С помощью интервью, наблюдения и анализа документов было изучено пять кейсов, связанных с решением проблем пространственного развития с применением ПСП, собирая данные. Исследование установило, что классические подходы к управлению не соответствуют уровню сложности проблем, относящихся к неклассической парадигме научной рациональности. ПСП, применяемое в ситуациях неклассического типа, сохраняет ряд черт, присущих классическому управлению, что может приводить к негативным последствиям. Поиск баланса между унификацией и разнообразием поднимает ряд вопросов относительно того, насколько переход от управления, основанного на фактах целедостижения к механизмам, организующим совместную деятельность, способен ответить на те вызовы, которые характерны для современных проблем, вызванных ростом неопределенности.

Ключевые слова: проблемно ориентированный подход; прогнозное социальное проектирование; пространственное развитие; унификация и разнообразие; неклассическая парадигма управления; социально-экономическое развитие; субъектность

Для цитирования: Демьяненко В.И. Практика применения прогнозного социального проектирования в решении проблем пространственного развития. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):64-73. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-64-73

ORIGINAL PAPER

The Practice of Using Predictive Social Design to Solve Problems of Spatial Development

V.I. Demyanenko

Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

In the context of contemporary dynamic and uncertain social life, the classic dichotomy of “formalization-flexibility” in management is giving way to the dichotomy of “unification-diversity”. This is due to the need to involve diverse social groups and move to more flexible subject-subject relationships. However, the rejection of subject-object management methods is often declarative in nature, and the introduced mechanisms of partnership activity lack a proper evidence base. The technology of “Predictive

Social Design" (PSD), developed by T.M. Dridze, is one such mechanism aimed at solving the problems of spatial development. The article examines the ability of PSD to ensure adaptation in conditions of high uncertainty and increasing dynamics, taking into account the uniqueness and specificity of different communities and cultures. The methodological basis of the analysis is the concept of types of scientific rationality by V.S. Stepin, which distinguishes classical, non-classical, and post-non-classical types of management situations. The research method is a multiple case study, which allows for an in-depth analysis of several cases, identifying similarities and differences. With the help of interviews, observation, and document analysis, five cases related to solving spatial development problems using PSD were studied, collecting data. The study found that classical approaches to management do not correspond to the level of complexity of problems related to the non-classical paradigm of scientific rationality. PSD, used in situations of a non-classical type, retains a number of features inherent in classical management, which can lead to negative consequences. The search for a balance between unification and diversity raises several questions regarding the extent to which the transition from management based on the facts of goal achievement to mechanisms that organize joint activities is able to respond to the challenges that are characteristic of modern problems caused by growing uncertainty.

Keywords: problem-oriented approach; Predictive Social Design; spatial development; unification and diversity; non-classical paradigm of management; socio-economic development; subjectivity

For citation: Demyanenko V.I. The practice of using predictive social design to solve problems of spatial development. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(5):64-73. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-64-73

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе наблюдается стремительный рост динамики и неопределенности. Эти изменения предъявляют новые требования к управлению на всех уровнях: государственном, муниципальном, организационном и командном. В качестве адекватного ответа на эти вызовы предлагается переосмысление традиционных управленческих парадигм — отказ от субъект-объектных методов в пользу гибких субъект-субъектных отношений. Такой подход делает акцент на том, как важно, чтобы все участники процесса были вовлечены, проявляли инициативу и сотрудничали. Он выделяет мультиакторность как ключевую составляющую успешной адаптации к постоянно меняющимся условиям.

За последнее десятилетие в сфере государственного управления произошли значительные изменения. Если раньше основное внимание уделялось модернизации, основанной на западных моделях и практиках, то сейчас акцент смещается на более комплексные и многогранные подходы, учитывающие уникальные особенности различных сообществ и культур. Сегодня на первый план выходят цели устойчивого развития, ориентированные на социальную ответственность. Это означает принятие широкого спектра мер по защите окружающей среды и созданию условий для повышения качества жизни населения. Важным аспектом является вовлечение различных групп населения в процесс государственного управления. Стимулирование социального участия, поддержка разнообразия и обеспечение равных возможностей для всех граждан становятся ключевыми направлениями развития.

В классическом управлении основной акцент делается на формализации. Однако по мере усложнения деятельности, усиления конкуренции и роста потребностей населения возрастает практический и научный интерес к гибкости. Гибкость означает способность адаптироваться к изменяющимся условиям без значительных затрат и рисков. Она подразумевает определенную степень свободы в принятии решений и возможность быстро реагировать на новые угрозы и возможности. В быстро меняющейся социально-экономической и политической среде гибкость становится ключевым фактором для выживания и развития. В традиционных управленческих подходах гибкость часто сталкивается с давлением иерархической вертикали, что проявляется в соподчиненности и разделении на управляющих и управляемых. Необходимая свобода иногда лишь декларируется, но не реализуется на практике, что не позволяет отвечать на вызовы времени [1, 2]. Поэтому акцент с того, что и как должны делать объекты, переносится на то, кто является участниками взаимодействия, что они хотят и как себя ведут. Внимание смещается с гибкости в деятельности на разнообразие действующих лиц, а также на различия в социально-экономических и социокультурных условиях. В контексте управления это означает вовлечение широкого круга людей и социальных групп с различным багажом знаний, навыков, опыта и точек зрения. Разнообразие способствует инновационности и креативности, позволяя рассматривать проблемы и выявлять возможности с разных сторон. Оно помогает глубже понять потребности и ожидания различных заинтересованных групп,

что, в свою очередь, может улучшить качество принятия решений и эффективность управления.

Гибкость — это способность процессов или систем быстро и эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям. В контексте управления гибкость означает умение корректировать свои действия в ответ на внутренние и внешние вызовы. Однако в классической дихотомии «формализация-гибкость» есть нюанс: существует субъект, который определяет, насколько гибкой должна быть система.

Разнообразие — это широкий спектр различных элементов, условий, субъектов или подходов в рамках одной системы или сферы деятельности. В современных подходах к государственному управлению разнообразие включает в себя как людей, так и социокультурные особенности. В таких условиях управление становится партнерским, где традиционное деление на субъекты и объекты уступает место равноправному взаимодействию.

Предполагается, что в динамичной среде разнообразие способствует гибкости. Но вместе с этими преимуществами разнообразие создает и определенные сложности, особенно в контексте продуктивного взаимодействия. Различия в восприятии, ценностях и методах работы могут привести к непониманию, конфликтам и снижению эффективности. Поэтому важно найти баланс в дихотомии «унификация-разнообразие». Один из способов достичь этого баланса — создать общие механизмы взаимодействия, которые обеспечат стабильную основу для конструктивного общения и сотрудничества.

В Российской Федерации активно внедряются механизмы, способствующие управленческой гибкости и разнообразию. К ним относятся государственно-частное партнерство, добровольчество, инициативное бюджетирование, цифровые платформы и другие. Этот процесс соответствует глобальному дискурсу, но в большинстве случаев не имеет достаточной эмпирической базы. Поэтому важно критически оценить соответствие между текущей ситуацией и применяемыми управленческими механизмами (Демьяненко, 2023).

В нашей стране для решения задач пространственного развития и гармонизации отношений между его различными субъектами активно используется социальная технология, разработанная Т.М. Дридзе и получившая название «Прогнозное социальное проектирование» (ПСП) [3, 4, 5]. Этот подход направлен на поиск оптимальных ре-

шений для сложных социальных проблем через сотрудничество всех заинтересованных сторон. Он включает в себя проблемно ориентированный инструмент, который помогает выявить ключевые причины проблем в пространственном развитии и разработать согласованные программы действий, учитывающие возможности и интересы всех участников процесса. Социальная составляющая технологии предполагает активное участие гражданского общества, бизнеса и правительства в диалоге, направленном на достижение общего понимания и выработку устойчивых стратегий развития. Анализ технологии проблемно ориентированного проектирования представляет интерес как пример исследования механизмов совместной деятельности. Это позволит нам лучше понять, как они работают на практике, а также оценить возможности и риски, связанные с их применением, что поможет найти баланс между унификацией и разнообразием.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Объектом исследования выступают механизмы совместной деятельности, используемые заинтересованными сторонами для решения проблем пространственного развития. Предметом исследования является технология проблемно ориентированного проектирования, разработанная Т.М. Дридзе. Цель — проведение комплексного анализа коммуникационных механизмов коллаборации заинтересованных субъектов в контексте прогнозного социального проектирования, направленного на решение задач пространственного развития на территории Российской Федерации. Ключевым аспектом является изучение потенциала данных механизмов для обеспечения унификации процессов планирования и принятия решений при одновременном сохранении локального разнообразия и уникальности разных субъектов и условий. Важная составляющая исследования — оценка потенциала и ограничений, связанных с применением рассматриваемой технологии.

В качестве методологической основы для анализа взята концепция типов научной рациональности В.С. Степина. Она предоставляет универсальный теоретический инструментарий, используемый учеными в области социологии управления, что позволило сформировать общий профессиональный язык. Автор типологии обращает внимание на роль субъекта в процессе решения проблем, что учитывает динамику че-

ловеческого взаимодействия в управленческих процессах. Его концепция включает такие важные аспекты, как целеполагание, саморегуляция и рефлексивность, а также взаимодействия между разными субъектами и их стремления к достижению совместных и индивидуальных целей. Это играет ключевую роль в анализе и понимании управленческой реальности, где субъекты не просто реагируют на окружающие условия, а созидательно моделируют и трансформируют свои социальные и организационные контексты. Классический, неклассический и постнеклассический типы научной рациональности различаются по ряду критериев, и в проблемном поле социологии управления основными из них являются: сложность ситуаций (детерминированные, вероятностные, неопределенные); устройство социальных субъектов (линейные, саморегулирующиеся, саморазвивающиеся); отношения между участниками коммуникации (субъект-объектные, субъект-субъектные, субъект-полисубъектные); определение должного будущего (целевое, проблемное, визионерское). Для нашего исследования важно отметить, что классический, неклассический и постнеклассический научные взгляды одновременно являются описанием трех типов управленческих ситуаций, каждой из которых соответствуют определенные инструменты, позволяющие эффективно преодолевать трудности по достижению цели [6-10].

Механизмы совместной деятельности в современном государственном управлении разрабатываются как инструменты решения существующих проблем, присущих текущим условиям. Они представляют собой методы координации и взаимодействия различных сторон (правительства, бизнеса и гражданского общества) и направлены на формулирование и реализацию решений, учитывающих комплексный характер современных социально-экономических и политических вызовов.

Анализируя основные документы, регулирующие стратегическое управление в Российской Федерации, можно выявить ключевые тенденции и мировоззренческие установки, на которых базируется принятие решений. Во-первых, отмечается, что для экономических и социальных процессов характерна высокая динамика и неопределенность. Это означает, что государственное управление исходит из признания вероятностного характера будущих событий — любые планы и проекты рассматриваются с учетом возможных изменений

контекста и необходимости адаптации к новым условиям. Такая установка требует гибкого управления, способного оперативно реагировать на быстро меняющуюся внутреннюю и внешнюю среду. Во-вторых, в документах уделяется значительное внимание роли разных слоев населения и социальных групп в процессе стратегического управления. Народ, его потребности и интересы представлены как ключевые факторы, которые необходимо учитывать при разработке и реализации государственной политики. Это подчеркивает многогранность и сложность управленческих задач, требующих инклюзивного подхода и учета различных точек зрения и интересов на всех этапах стратегического планирования. В-третьих, документы акцентируют внимание на социокультурном разнообразии России. Этот факт признается как ценный ресурс для развития страны, а также как важнейший контекст, в котором формируются и реализуются все стратегические решения. Декларируется отказ от единой идеологии, управленческая модель делает ставку на плюрализм и открытость, что позволяет интегрировать разнообразные культурные и исторические традиции в общенациональный диалог. Таким образом, в современной стратегии управления РФ присутствует признание динамичности и неоднозначности текущей ситуации, активное вовлечение различных социальных слоев в процесс управления и глубокое уважение к социокультурному многообразию. Эти ключевые представления формируют основу для разработки политик и инструментов управления. Так, в соответствии с Федеральным законом № 172-ФЗ¹, в процессе принятия решений необходимо оценивать будущее социально-экономическое развитие на различных этапах, используя сценарные подходы. Основным принципом работы является учет потребностей всех социальных групп, о чем говорится в Концепции долгосрочного социально-экономического развития страны, утвержденной Распоряжением Правительства РФ № 1662-р². Этот подход находит отражение и в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года³, где подчеркивается важность участия

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630>

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р. URL: <http://government.ru/docs/all/66158/>

³ Распоряжение от 13.02.2019 № 207-р. URL: <http://government.ru/docs/35733/>

общественности и бизнеса в процессах планирования и реализации развития территорий. Сделан акцент на выстраивании эффективного диалога между государственными органами, общественными организациями и деловым сообществом, как указывается в уже упомянутой Концепции долгосрочного развития. Этой же идеей пронизан и Закон о стратегическом планировании, где особо выделяется необходимость привлечения населения и предпринимательства к стратегическому управлению, что подчеркивает важность коммуникативных навыков в региональном развитии. Значительная неопределенность в процессе решения вопросов пространственного развития требует от федеральных органов не столько установления точных целевых показателей, сколько формулирования ключевых проблем и направлений их решения, как обозначено в Стратегии пространственного развития. Закон о стратегическом планировании также предоставляет региональным органам власти полномочия определять приоритеты и цели для социально-экономического развития, что свидетельствует об осознании необходимости решения проблем на пути к желаемому будущему [11].

Такой взгляд на ситуацию и используемые подходы управления соответствуют неклассическому типу научной рациональности, для которой характерно: процессы носят вероятностный характер, используют сценарные подходы; целеполагание проблемно ориентированное, с учетом изменяющихся обстоятельств и вновь открывшихся знаний происходит пересмотр целей; декларируется необходимость субъект-субъектного взаимодействия; субъекты рассматриваются как самоорганизующиеся социальные индивиды.

Проблемно ориентированный подход, предложенный Т.М. Дридзе, представляет собой значимый шаг в развитии социологической мысли, который нашел актуальное применение в современных принципах устойчивого развития территорий. Появление этого подхода стало ответом на актуальные вызовы времени, заложив основы для новой объяснительной и социально-диагностической парадигмы, позволившей более глубоко понять и проанализировать психоантропологические и социально-экологические аспекты социально значимых процессов, открывая путь к пониманию человека в его единстве с окружающим миром и обществом. Был сделан акцент на необходимость рассматривать человека как

целостную личность, способную чувствовать, мыслить и осуществлять активный диалог со своей окружающей средой. Подход, ориентированный на решение конкретных социальных проблем, основывается на том, что любые попытки социального прогнозирования и проектирования должны учитывать комплексный характер человеческого бытия и взаимодействия с миром, в котором он живет. Современные принципы устойчивого развития государств чрезвычайно созвучны идеям, заложенным в ПСП. Они основываются на понимании того, что решение глобальных проблем — будь то изменение климата, неравенство, сохранение биоразнообразия или социальное благополучие — требует глубокого осмысления взаимосвязей между человеком и природой, а также человеком и обществом. В современной ситуации этот подход подчеркивает необходимость разработки и реализации государственных стратегий, которые активно интегрируют человеческий фактор, учитывая не только экономические, но и социальные, психологические и экологические составляющие развития.

ПСП характеризуется отходом от строгих директивных методов управления (в которых определенный субъект обладает истинным знанием и в соответствии с ним направляет деятельность остальных участников) к изучению сложных, взаимосвязанных явлений в их контексте и с привлечением междисциплинарных подходов. ПСП представляет собой социальную технологию, которая помогает обосновывать выбор управленческих решений на социальном уровне. Это одно из важных звеньев в цепи социально-управленческих процессов, способствующее улучшению качества управления в обществе, в том числе предотвращая возможные конфликты. Встраивание ПСП в этапы разработки и принятия управленческих решений призвано улучшить их социальную направленность и эффективность, сделать их более осмысленными и социально ориентированными, повышая их качество и предотвращая социальные конфликты.

Идеи, положенные Т.М. Дридзе в ПСП, можно рассматривать как важный вклад в развитие неклассического типа рациональности в социологии управления. Кратко рассмотрим ключевые из них.

Проблемная ориентированность. ПСП осознанно отходит от традиционных объектно ориентированных и нормативно регулируемых методов, опирающихся на анализ статических структур

и норм. Он позволяет более гибко и адаптивно реагировать на изменяющиеся социальные потребности и предоставляет возможность для разработки инновационных и творческих решений. Таким образом, ПСП ставит перед социологами и проектировщиками задачу не просто интерпретировать социальную реальность, но и активно вмешиваться в нее, предлагая конкретные пути улучшения ситуации.

Мультисубъектность деятельности. ПСП подчеркивает, что любое социальное действие является индивидуальным и исходит из субъектности действующего социального индивида. Это означает, что поведение каждого человека обусловлено его личными намерениями и осознанием себя как активного участника социальных процессов. Именно субъектное самосознание придает деятельности интенциональный и ситуационный характер, позволяя индивидам действовать осознанно в ответ на социальную реальность.

Механизмы достижения целей. В отличие от классической рациональности, акцентирующей внимание на фактах достижения целей (событиях, ресурсах, установках и т.д.), ПСП предлагает обратить внимание на механизмы, с помощью которых эти цели достигаются. В первую очередь речь идет о коммуникативных аспектах (организации конструктивных действий и согласовании позиций). Таким образом предполагается, что продуктивные механизмы взаимодействия выступают неким гарантом того, что проблема будет решена.

Вовлеченная диагностика. Для Дридзе важна роль социологов не только в сборе, обработке и анализе социальных данных, но и в их донесении до всех заинтересованных сторон, особенно когда речь идет о причастности к принятию решений. Этот аспект подчеркивает необходимость активного обмена знаниями и информацией с целью обеспечить прозрачность процесса принятия решений и поддерживать активное участие всех сторон в социальном диалоге.

При этом важно отметить, что ПСП сохраняет ряд черт, которые характерны для классического управления. Так, социолог должен выступать независимым субъектом, который выполняет отведенную ему роль специалиста, владеющего навыками использования ПСП. Подобные ожидания мы наблюдаем в бюрократии, описанной М. Вебером. То есть допуская собственные интенции у всех заинтересованных сторон, мы

ожидаем, что социолог будет действовать только в соответствии с отведенными технологией ПСП обязанностями. Выполняя диагностику, социолог выступает специалистом, который глубоко изучает ситуацию, учитывая социокультурный контекст и взгляды разных заинтересованных сторон. Результатом такой деятельности является продукт, произведенный социологом, а не всеми заинтересованными сторонами.

Методом исследования выступил кейс-стади. Такой эмпирический подход предполагает изучение конкретного «случая» в определенных временных и пространственных рамках, что обеспечивает условия для детального и глубокого анализа. Согласно типологии Р. Стейк, используемый в данной работе инструментарий является множественным кейс-стади, так как изучается несколько случаев, позволяющих найти сходства и различия, анализировать предмет исследования в несхожих ситуациях, наблюдая разные проявления. Относительно целей исследования в терминах Р. Йина данный метод имеет описательный характер, сосредотачиваясь на поиске и анализе большого количества фактов, отражающих разные стороны [12]. Сбор данных проводился с помощью глубинных интервью заинтересованных сторон (представителей самых разных социальных групп, участвующих в ПСП), наблюдения за процессами и поведением людей относительно решаемых проблем и анализа соответствующих документов.

Было изучено пять кейсов. Их выбор обусловлен общей направленностью на решение проблем пространственного развития, использования ПСП и отличающимися проблемами.

Кейс 1

Проблема: стратегическое развитие города.

Решаемая задача: создание мастер-плана развития города.

Контекст:

- удаленность от других заселенных территорий;
- слабая транспортная доступность;
- разительно отличающиеся социокультурные условия.

Кейс 2

Проблема: своевременная реакция на возможности и угрозы.

Решаемая задача: анализ системы управления ключевыми показателями эффективности муниципалитета.

Контекст:

- объединения муниципальных образований с разными социокультурными особенностями и стратегиями развития.

Кейс 3

Проблема: включение большого торгово-развлекательного центра в социально-экономический и социокультурный контекст не только города, но субъекта федерации и страны в целом.

Решаемая задача: проектирование торгово-развлекательного центра.

Контекст:

- ограниченная транспортная доступность;
- историко-культурная локация;
- бизнес-интересы инвесторов;
- социальная значимость объекта.

Кейс 4

Проблема: создание территории-спутника, функционально интегрированной с городом, при обеспечении самодостаточности в ключевых социально-экономических и культурных аспектах, а также с улучшением качества жизни населения.

Решаемая задача: разработка комплексного проекта жилого района.

Контекст:

- большая новая территория на окраине, граничащая с новыми застройками;
- высокая конкуренция;
- растущие потребности населения.

Кейс 5

Проблема: трансформация микрорайона посредством его интеграции в существующую инфраструктуру и формирования направления для дальнейшего развития города.

Решаемая задача: разработка архитектурно-градостроительной концепции части территории города.

Контекст:

- противоречия между текущими и будущими выгодами;
- отсутствие стратегического плана развития;
- превалирование двух групповых субъектов.

Каждый кейс рассматривает практику взаимодействия разных заинтересованных групп в процессе решения реальной социальной проблемы, связанной с пространственным развитием. Он является фрагментом социальной реальности, который отражает феномен применения ПСП как механизма, организующего совместную управленческую деятельность.

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Благодаря непосредственному наблюдению, глубинным интервью и анализу документов установлено, что все изучаемые ситуации с точки зрения управления можно отнести к неклассическому типу рациональности по критериям целеполагания, сложности ситуации, взаимодействию заинтересованных сторон, поведению субъектов.

Во всех кейсах мы видим участие разных субъектов (социальные индивиды с активной позицией). Их количество и роли в решении проблемы отличаются, и это зависит от политической расстановки сил в городе, сложившейся на данный момент. Так, в муниципалитетах, в которых есть экономически преобладающие предприятия, сильное влияние оказывает большой бизнес. Наличие в законодательной или исполнительной власти представителя с социальным капиталом повышает субъектность этих групп влияния. Объединения представителей гражданского общества также отличаются в кейсах. Но для нас важно отметить, что во всех исследуемых ситуациях были вовлечены, занимали активную позицию разные заинтересованные стороны. В их формировании и поведении отмечены процессы самоорганизации. Иногда они оформлены юридически и люди объединяются вокруг зарегистрированных организаций или же, наоборот, представляют собой результат неформального общения.

В анализируемых ситуациях целеполагание изначально было проблемно ориентированным. Вне зависимости от того, насколько конкретным был образ будущего у заказчика проведения диагностики, цель рассматривалась, как решение проблемы. И речь шла не просто о том, что возникшие задачи не имеют однозначного решения, а учитывается наличие как объективных, так и субъективных характеристик у ситуации. Предполагается, что нет единственно верной точки зрения на то, что и как должно быть реализовано. Это обусловлено специфическим и мультидисциплинарным характером проблематики пространственного развития, которая охватывает широкий спектр факторов — от экономических и социальных до экологических и культурных.

Сама ситуация рассматривается участниками как стохастическая. Это, с одной стороны, следует из представлений заинтересованных сторон о том, как могут развиваться события, а с другой — участники, анализируя и разрабатывая планы по решению проблем, рассматривают разные сценарии и вероятные риски каждого из них.

Как было указано раньше, ПСП сохраняет ряд черт, присущих классическим подходам управления. Анализ кейсов свидетельствует о том, что в ситуациях, имеющих неклассический уровень сложности, они могут вести к негативным последствиям.

Роль социолога как независимого эксперта и специалиста в технологии ПСП противоречит неклассическому взгляду, описывающему всех участников как субъектов со своими интенциями. Есть соблазн рассматривать данную роль как незаинтересованную сторону, но все же речь идет о живых людях, которые равноправно взаимодействуют с другими субъектами решения проблемы. Анализ свидетельствует о том, что социологи, работая в команде и неизбежно обладая своими субъективными и этическими представлениями, могут формулировать разные выводы на одну ситуацию, симпатизировать той или другой стороне.

Социолог не остается сторонним наблюдателем, диагностирующим и организующим процесс изучения ситуации. Самим фактом своего существования он оказывается внутри проблемы и неизбежно влияет на ситуацию. Так, во всех кейсах были люди, которые не занимали субъектную позицию, но после того, как к ним обратились с вопросами, — проблема приобретала актуальность. Задаваемые социологами вопросы не только проблематизируют участников, но оказывают влияние на представления о ситуации и способы ее разрешения.

Результатом проделанной с помощью ПСП работы становится аналитический документ, который связывает влияние нововведений на общество и окружающую среду с учетом благополучия всех заинтересованных сторон, исследует потенциальные социальные риски и разрабатывает многоаспектные управленческие решения с оценкой их будущего воздействия. Этот продукт интеллектуального труда создан социологами, а не всеми субъектами проблемы. Э. Шейн подобные отношения между специалистом и другими участниками назвал врачебными. Они соответствуют классическому типу научной рациональности, в которой один субъект, облеченный властью, статусом, ролевой позицией определяет ситуацию для остальных. В условиях недериктивного управления подобное донесение знания о положении дел сталкивается с большими трудностями, вызывает сопротивление у других сторон. По мнению Э. Шейна, решением является проведение процессной диагностики, в которой результат — это продукт, созданный всеми участниками [13]. Данное исследование показало, что

каждый из субъектов не только интерпретирует результаты по-своему, но и со многими выводами не согласен.

Принятие решения в рамках ПСП осуществляется с учетом оценки последствий, сделанных аналитиками. И даже в том случае, когда ученые выполнили свою работу профессионально и этично, ее результаты оказываются на столе у заказчика и именно он определяет каковы цели и в дальнейшем полученную информацию использует как основание для принятия тех решений, которые интересны ему.

Сама по себе данная технология не выступает основанием, вовлекающим все заинтересованные стороны и самоорганизующим процесс соблюдения требуемых условий. Возникает необходимость в субъекте, который будет это осуществлять. И здесь возможна парадоксальная ситуация, что механизм, созданный для того, чтобы руководство направляло усилия на решение проблем, а не на поддержание собственной власти, начинает работать на собственное сохранение, выстраивание гармоничных отношений с заказчиками.

ПСП предполагает, что должен быть выполнен последовательный ряд этапов, позволяющий собрать всю необходимую информацию. Но на практике всегда есть временные и материальные ограничения, оказывающие влияние на возможности аналитической деятельности. В контексте неклассического подхода данная проблема разрешается тем, что результат диагностики рассматривается как промежуточный и постоянно уточняется.

ВЫВОДЫ

Управление в условиях высокого уровня неопределенности и растущей динамики общественной жизни вынуждает отказываться от классической дихотомии «формализация-гибкость» и переходить к дихотомии «унификация-разнообразие». Последняя ориентирована на продуктивную организацию партнерской деятельности субъектов с разными социокультурным капиталом, ценностными ориентациями и условиями, в которых они находятся. Особую актуальность это приобретает в государственном управлении, что во всем мире выражается в переходе от жестких стандартов модерна к принципам устойчивого развития. С этой целью в практику управления внедряются механизмы вовлечения самых разных социальных групп. Анализ показывает, что органы государственного управления вопросы

стратегического и пространственного развития рассматривают в парадигме неклассического типа научной рациональности. Именно для решения подобных проблем используется технология прогнозного социального проектирования, анализу опыта применения которой посвящена данная работа.

Метод кейс-стади позволил погрузиться в изучение реального механизма, организующего совместную деятельность заинтересованных сторон в поисках баланса между унификацией и разнообразием, охватывающим как социальных индивидов, так и условия, в которых они находятся. Были выявлены общие особенности, присущие проанализированным пяти кейсам, что недостаточно для экстраполяции сделанных выводов на все проблемы пространственного развития, но позволяет сформулировать вопросы для более детального изучения.

Установлено, что во всех кейсах решаемые проблемы относятся к неклассическому типу управленческих ситуаций. Анализ показал, что в этом случае использование подходов, относя-

щихся к классической парадигме управления, не соответствует уровню сложности решаемой проблемы и не способствует продуктивному взаимодействию вовлеченных социальных индивидов.

В поисках баланса между унификацией и разнообразием результаты данного исследования поднимают ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения: может ли механизм взаимодействия выступать фактором, самоорганизующим заинтересованные стороны или всегда требуется сила, обслуживающая механизм? необходимо ли для продуктивного решения проблемы уравнивать шансы субъектов с разным уровнем социокультурного капитала? в том случае, когда, по мнению экспертов, решение проблемы затрагивает определенные слои населения, не проявляющие субъектность, нужно ли их проблематизировать или участие в решении находится в ответственности самих социальных индивидов? как предотвратить ситуацию, при которой механизм начинает бороться за собственное существование, организуя ритуальные псевдокоммуникации?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пинк Д. Драйв: что на самом деле нас мотивирует. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер; 2012. 274 с.
2. Тихонов А.В., ред. Россия: реформирование властноуправленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов. Монография. М.: ФНИСЦ РАН; 2017. 432 с.
3. Дридзе Т.М. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М.: Наука; 1994. 304 с.
4. Дридзе Т.М., Акимкин Е.М., ред. Социально обоснованное градостроительство в режиме прогнозного проектирования: от соц. диагностики к профилактике конфликтных ситуаций и конструктивному диалогу заинтересованных сторон. М.: Институт социологии РАН; 2005. 492 с.
5. Шилова В.А., Быков К.В. Методологические подходы, методы и аспекты исследования интенциональности в социологии управления. *Научный результат. Социология и управление*. 2021;7(4):48–74. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4
6. Демьяненко В.И. Сравнительный анализ понятия субъектности в контексте трех парадигм сложности социального управления. *Личность. Культура. Общество*. 2022;24(2):132–142. DOI: 10.30936/1606_951X_2022_24_2_132_142
7. Лепский В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр; 2019. 340 с.
8. Мерзляков А.А. Субъектность регионов и ее значение для реформирования. *Вестник Института социологии*. 2018;9(2):48–65. DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.508
9. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения. Постнеклассика: философия, наука, культура. Сб. статей. Сост. Киященко Л.П., Степин В.С. СПб.: Мир; 2009:249–295.
10. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. М.: Канон +; 2009. 472 с.
11. Демьяненко В.И. Оценка субъектности участников взаимодействия по сокращению неравенства в российских регионах. *Научный результат. Социология и управление*. 2023;9(3):123–137. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-9
12. Козина И.М., Серёжкина Е.В. Концепция кейс-стади в социальных науках и французская традиция монографических исследований трудовых организаций. *Социологические исследования*. 2015;369(1):64–73.

13. Шейн Э. Процесс консалтинга: построение взаимовыгодных отношений «клиент-консультант». Пер. с англ. Малкова И.М.: Питер; 2008. 286 с.

REFERENCES

1. Pink D. Drive: the surprising truth about what motivates us. Transl. from Eng. Moscow: Alpina Publisher; 2012. 274 p. (In Russ.).
2. Tikhonov A. V., ed. Russia: reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of regions. Moscow: FNISTS RAN; 2017. 432 p. (In Russ.).
3. Dridze T. M. Technology for developing a forecasting social project Predictive social design: theoretical, methodological and methodological problems. Moscow: Nauka; 1994. 304 p. (In Russ.).
4. Dridze T. M., Akimkin E. M., eds. Socially sound urban development in the forecast design mode: from social networks. approaches to conflict prevention and constructive dialogue among stakeholders. Moscow: Institut sociologii RAN; 2005. 492 p. (In Russ.).
5. Shilova V. A., Bykov K. V. Methodological approaches, methods, and aspects of intentionality research in sociology of management. *Research Result. Sociology and management*. 2021;7(4):48–74. (In Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4
6. Demyanenko V. I. Comparative analysis of the concept of subjectness in the context of three paradigms of the complexity of social management. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2022;24(2):132–142. (In Russ.). DOI: 10.30936/1606_951X_2022_24_2_132_142
7. Lepsky V. E. Metodologicheskij i filosofskij analiz razvitiya problematiki upravleniya. Moscow: Kogito-Centr; 2019. 339 p. (In Russ.).
8. Merzlykov A. A. The phenomenon of regional subjectness in solving the issue of reforming Russia's system of government. *Vestnik instituta sotziologii*. 2018;9(2):48–65. (In Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.508
9. Stepin V. S. Classics, non-classics, post-non-classics: criteria for differentiation. *Post-non-classics: philosophy, science, culture: Collection of articles*. St. Petersburg: Mir; 2009:249–295. (In Russ.).
10. Tikhonov A. Sociology of management. Theoretical basis. Kanon+; 2009. 42 p. (In Russ.).
11. Demyanenko V. I. Assessing the subjectivity of participants in interaction to reduce inequality in Russian regions. *Research Result. Sociology and management*. 2023;9(3):123–137. (In Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-
12. Kozina I. M. The concept of case studies in the social sciences and the French tradition of monographic studies of labor organizations. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015;369(1):64–73. (In Russ.).
13. Shane E. Process consultation revisited. Transl. from Eng. Malkova I. Moscow: Piter; 2008. 286 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Василий Иванович Демьяненко — младший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

Vasily I. Demyanenko — Junior Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1838-2081>

imhocorg@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 06.11.2024; принята к публикации 09.12.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 06.11.2024; accepted for publication on 09.12.2024

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-74-80
УДК 378.18:316.752(470)+159.9.072.5(045)

Использование окулометрии и ассоциативного моделирования в формировании содержания раздела «Образ будущего России» дисциплины «Основы российской государственности»

А.Ю. Домбровская

Финансовый университет, Москва, Россия;
ИНИОН РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье показаны результаты окулометрического исследования и метафорического ассоциативного моделирования образа будущего развития РФ в сознании российских студентов. Проведен анализ глазодвигательной реакции студенческой молодежи на батарею стимулов, связанную с базовыми потребностями, ценностями различных уровней. С применением метафорических ассоциативных карт и последующей специально организованной беседы выявлены основные интенции в построении модели будущего развития российского общества. Сопоставление итогов проективной и инструментальной диагностики позволило установить основное проблемное поле в восприятии обучающейся молодежью образа будущего страны: когнитивная простота, центрация на микроуровне жизнеосуществления, низкая степень готовности к социальной ответственности, низкий уровень субъектности в установке на достижение желаемого будущего. Результаты исследования могут служить методической базой для формирования содержания и форматов работы на практических занятиях по теме «Образ будущего России» дисциплины «Основы российской государственности».

Ключевые слова: образ будущего страны; проективная когнитивистика; инструментальная диагностика; окулометрия; метафорическое ассоциативное моделирование

Для цитирования: Домбровская А.Ю. Использование окулометрии и ассоциативного моделирования в формировании содержания раздела «Образ будущего России» дисциплины «Основы российской государственности». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):74-80. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-74-80

ORIGINAL PAPER

The Use of Oculometry and Associative Modeling in the Formation of the Content for “Image of the Future of Russia” of the Discipline “Fundamentals of Russian Statehood”

A.Yu. Dombrovskaya

Financial University, Moscow, Russia;
INION RAN, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article shows the results of oculometric research and metaphorical associative modeling of the image of the future development of the Russian Federation in the minds of Russian students. The analysis of the oculomotor reaction of students to a battery of stimuli associated with basic needs and values of various levels is carried out. Using metaphorical associative maps and the subsequent specially organized conversation, the main intentions in building a model for the future development of Russian society are revealed. A comparison of the results of projective and instrumental diagnostics made it possible to establish the main problem field in the perception of the image of the future of the country by the studying youth: cognitive simplicity, centralization at the microlevel of life fulfillment, a low degree of readiness for social responsibility, a low level of subjectivity in the attitude towards achieving the desired future. The results of the study can

serve as a methodological basis for the formation of the content and formats of work in practical classes on the topic "The image of the future of Russia" of the discipline "Fundamentals of Russian statehood".

Keywords: image of the country's future; projective cognitive science; instrumental diagnostics; oculometry; metaphorical associative modeling

For citation: Dombrovskaya A.Yu. The use of oculometry and associative modeling in the formation of the content for "Image of the future of Russia" of the discipline "Fundamentals of Russian statehood". *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(5):74-80. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-74-80

ВВЕДЕНИЕ

Введение в учебный план образовательных программ российских вузов дисциплины «Основы российской государственности» предопределило необходимость регулярного обсуждения наиболее продуктивных форматов проведения лекционных и практических занятий. И если лекционная часть имеет некоторые институциональные лимиты в выборе формы подачи информации, то практические занятия можно моделировать исходя из реального проблемного поля, связанного с мировоззренческими установками студентов в отношении Родины, ее приоритетов и стратегии ее развития.

В данном исследовании осуществлена попытка выявления тех противоречий, расхождений и несоответствий в социальных, поведенческих установках студенческой молодежи российских вузов, которые служат вызовом к формированию адекватной, конструктивной и социально ответственной стратегии построения образа будущего развития страны.

Диагностика восприятия будущего страны молодыми россиянами производилась с применением современного инструмента когнитивной диагностики: айтрекера, позволяющего фиксировать объективные показатели — психофизиологическую реакцию (глазодвигательный трек) на предъявляемый стимульный контент (отражающий различные смыслы и значения, связанные с альтернативными векторами развития государства и персонального жизненного пути), а также измерительных процедур с использованием аттестованных наборов метафорических ассоциативных карт, обеспечивающих точную психосоциальную диагностику.

Данная серия экспериментов может осуществляться на практических занятиях по «Основам российской государственности» по теме «Образ будущего России». Это позволит достичь не только диагностических задач, но и формирующего / корректирующего воздействия в целях обеспечения благоприятных условий для укрепления социальной консолидации российского общества, преодоления межпоколенческих ценностных разрывов

и развития ответственной позиции студентов в отношении своего будущего и будущего страны.

Традицию изучения смысловой наполненности образов будущего страны и факторов их формирования заложили Е. Б. Шестопал [1] и ряд отечественных коллег: Н. Н. Рогач, А. А. Вилков [2], И. В. Желтикова [3], В. С. Комаровский [4], С. Г. Максимова, Н. Ю. Атясова, О. В. Суртаева, Е. В. Шахова, А. С. Спирина [5], Т. А. Нестик [6], Д. А. Омельченко, С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, Д. К. Щеглова [7].

Особое значение в исследовании смысловых элементов образа будущего страны в представлениях отдельных социальных групп, в частности молодежи, имеют труды Ю. А. Зубок и Н. А. Селиверстовой [8], Н. М. Великой и О. П. Новожиной [9], И. С. Палитай [10].

Среди зарубежных авторов, исследовавших восприятие образа нации и страны, следует назвать Н. Элкока, Э. Ньюкомба [11], Б. Бузана [12], Р. Коена [13], Р. Джервиса. [14].

Применение инструменталистики в изучении образа будущего в представлениях молодежи — явление довольно редкое в практике отечественных политологов, социологов и психологов. Вместе с тем следует назвать некоторых ученых, работы которых можно рассматривать как методическую основу для инструменталистского анализа образа будущего страны в представлениях молодежи. В частности, айтрекинговые и кардиометрические исследования в социогуманитарной сфере осуществляли: А. С. Огнев [15], Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Э. В. Лихачева [16] и др.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Авторская модель аккумулирования данных предполагает комбинирование трех методов сбора информации: проективная техника глубинных интервью с молодежью с использованием метафорических ассоциативных карт (инструментальная когнитивистика с применением полиграфа использовалась для валидации данных, получаемых с помощью ассоциативных карт), интент-анализ и киберметрия документов, отражающих образы будущего в социальных медиа Рунета.

Проективная техника глубинных интервью с молодежью с использованием метафорических ассоциативных карт предполагала выполнение испытуемыми задания, связанного с выбором из предложенной колоды тех карт, которые ассоциируются у испытуемых с будущим (будущее страны, семьи, профессиональной позиции, отношения с обществом) и последующей вербализацией причин своего выбора. Использовался топик-гайд глубинного интервью, свободные ответы на вопросы которого служили основной для интент-анализа. В матрицу интент-анализа были включены следующие интенции: осознанность жизненных целей, готовность их достигать, качество и полнота вербализации принципов российской государственности в системе достижения жизненных целей, установка на привлечение различных ресурсов для достижения цели, модальность образа будущего, уровень миграционного потенциала, направленность национально-государственной идентичности, оценка положения дел в РФ в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах. Выборочная совокупность составила 270 человек, участниками выступили студенты Финансового университета при Правительстве РФ и Российского нового университета (репрезентация по полу и уровню образования). Расчет выборочной совокупности формировался с учетом совмещения качественного и количественного подходов в анализе данных, акцента на получение неструктурированной, глубокой, качественной информации с помощью неформализованных интервью, что делает достаточным изучение указанного числа исследовательских кейсов.

Результаты инструментальной диагностики получены с помощью айтрекеров GP-3, на экранах которых описываемые визуальные стимулы демонстрировались всем испытуемым в течение 7 секунд.

После просмотра всех визуальных стимулов с каждым участником такого тестирования осуществлялась послетестовая беседа, ключевые темы топик-гайда которой можно увидеть выше.

В окулометрическом замере приняло участие 270 испытуемых (выборочная совокупность общая для проективной и инструментальной диагностики). Для сопоставимости полученных результатов из этого числа было выбрано ровно по 40 человек, принадлежавших к одной из пяти групп согласно тесту Деллингер.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На рис. 1 и 2 представлены основные результаты айтрекинговой части исследования.

Ключевыми характеристиками образа будущего служат следующие позиции: когнитивная простота, центрация на микроуровне жизнеосуществления, низкая степень готовности к социальной ответственности, низкий уровень субъектности в установке на достижение желаемого будущего.

Сопоставление результатов окулометрии и послетестовой беседы с применением элементов ассоциативного моделирования свидетельствует о проблемных полях образа будущего развития страны в представлениях студенческой молодежи (см. рис. 1 и 2).

Рассогласование проекций ценностных ориентаций на образ будущего между государственным и индивидуальными уровнями этого имиджа. Одним из проявлений этого противоречия выступает нежелание молодых людей и девушек планировать деторождение, тогда как на государственном уровне построения образа будущего есть осознание важности решения демографической проблемы российского общества. Другим аспектом рассогласования выступает осознание важности укрепления суверенитета России в будущем при одновременной интенсивно выражаемой установке на восстановление отношений со странами Запада, продиктованной потребностями прагматизма (возвращение на российский рынок европейских брендов, восстановление возможности легкого оформления визы в западные страны и т.д.). Противоречия данного типа открывают возможности манипулирования социальными, поведенческими установками россиян внешними недружественными информационными акторами. Механизм такого влияния довольно очевиден: эксплуатируется дискурс несоответствия личных и государственных интересов, внушается убеждение в том, что цели органов власти в России противоречат индивидуальному благу российских граждан. Недооценка в работе образовательных учреждений и медиа этого рода противоречия создает риски негативных последствий иностранного деконсолидационного влияния внутри онлайн-сетевого пространства.

Преобладание стереотипных оценок текущей и будущей ситуаций в российской экономике и социально-политической сфере. Исследование показало наличие максимализма и некритичности

Рис. 1 / Fig. 1. Результаты фиксации глазодвигательной реакции испытуемых на визуальные стимулы, отражающие номинативы уровней восприятия образа будущего / The results of the fixation of the oculomotor reaction of the subjects to visual stimuli, reflecting the nominatives of the levels of perception of the image of the future

Источник /Source: Составлено автором / Compiled by the author.

Рис. 2 / Fig 2. Результаты фиксации глазодвигательной реакции испытуемых на визуальные стимулы, отражающие аксиологические контексты восприятия образа будущего / The results of the fixation of the oculomotor reaction of the subjects to visual stimuli reflecting the axiological contexts of perception of the image of the future

Источник /Source: Составлено автором / Compiled by the author.

в восприятии испытуемых распространенных в неформальной сетевой среде стереотипов о цензуре в медиа, невозможности путешествовать в условиях противостояния страны с коллективным Западом, дефиците товаров в России

и некоторых других предубеждений. При этом данные стереотипы довольно легко разоблачаются в ходе посттестовой беседы с применением технологии уточнения причин формирования подобных установок и позиций. Это свидетельствует

о необходимости специально организованной работы с российской молодежью по «фейк-детоксу» и формированию критического отношения к онлайн-сетевому контенту.

Низкий уровень субъектности в построении образа будущего страны. Это проявляется в неготовности нести личную ответственность за условия и обстоятельства, которые определяют сценарий будущего развития российского общества. Представляется, что преодоление патерналистических установок, неготовности части современной российской молодежи принять ответственность за свою жизнь и развитие общества — серьезный вызов для системы образования, профильных некоммерческих организаций и средств массовой информации — структур, которым важно создать информационную среду для адекватной, конструктивной и социально ответственной стратегии построения молодежью образа будущего развития страны.

ВЫВОДЫ

Исследование выявило проблемные поля, с которыми необходимо работать в рамках практических занятий дисциплины «Основы российской государственности». Когнитивные, аксиологические, аффективные и поведенческие аспек-

ты формирования образа будущего развития России должны учитывать такие противоречия в представлениях студентов о сценарии будущего, как подверженность стереотипизации, фатализму и пессимизму в оценке текущей ситуации в стране; уязвимость перед внешними потоками информационного давления на российский сегмент социальных медиа; риски подрыва доверия молодежи к текущему курсу развития государства, потенциальные угрозы роста тревоги, паники, моральной истерии; преобладание индивидуального и микросоциального уровня ответственности, неготовность к макросоциальной ответственности, доминирование личных и семейных интересов в выстраивании образа будущего; трудности молодого поколения в целеполагании и составлении детализированного плана достижения поставленных жизненных задач. Практический блок учебных занятий дисциплины «Основы российской государственности» по теме «Образ будущего России» важно подчинить формированию предиктивного мышления у молодежи, способности понимать, какие последствия могут быть в случае потери страной суверенитета, понимать значимость текущих задач государства для его дальнейшего развития.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена на средства гранта ИЭСИ, выделенные ИНИОН РАН для реализации проекта «Формирование и корректировка позитивного образа будущего России» (госномер 124101700560-3).

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared with the funds of the IESI grant allocated by the INION RAS for the implementation of the project “Formation and correction of a positive image of the future of Russia” (124101700560-3).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н. Образы настоящего и будущего России в политическом сознании ее граждан. *Общественные науки и современность*. 2022;(6):45–61.
2. Вилков А.А. Образы будущего в политологическом и публичном дискурсах современной России. *Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2020;20(1):64–68.
3. Желтикова И.В. Образ будущего. Орел: Картуш; 2021. 163 с.
4. Комаровский В.С. Видение будущего страны российской молодежью: надежды и опасения. *Власть*. 2021;29(5):187–194.
5. Максимова С.Г., Атясова Н.Ю., Суртаева О.В., Шахова Е.В., Спирина А.С. Образ будущего России как основа для позитивной идентификации граждан. *Society and Security Insights*. 2021;4(4):77–94.
6. Нестик Т.А. Образ будущего России у представителей поколения Z. *Человек и мир*. 2018;2(2):75–87.
7. Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Щеглова Д.К. Образ будущего России у различных поколений: концептуальные основания и результаты эмпирического анализа. *Society and Security Insights*. 2021;4(4): 110–140.
8. Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи. *Наука. Культура. Общество*. 2022;28(4):56–74.

9. Великая Н.М., Новоженнина О.П. Социально-политические ценности в образе будущего российских граждан как основание политической и экономической модернизации страны. *Вопросы политологии*. 2021;11(3):596–605.
10. Палитай И.С. Образ настоящего и будущего России в сознании студенческой молодежи Москвы. *Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии)*. 2022;20(2):12–18.
11. Alcock N.Z., Newcombe A.G. The perception of national power. *The Journal of Conflict Resolution*. 1970;14(3):335–343.
12. Buzan B. People, States and fear: An agenda for international security studies in the Post-Cold War Era. Bolder: Lynne Rienner Publishers, Inc.; 1991. 393 p.
13. Cohen R. Threat perception in international crisis. Madison: The University of Wisconsin. *Social sciences and contemporary world*. 2022;(6):45–61.
14. Jervis R. Perception and misperception in international politics. Princeton: Princeton University; 1976. 544 p.
15. Огнев А.С., Лихачева Э.В., Николаева Л.П. Окулометрические проявления ситуативных установок, когнитивных схем и жизненных сценариев как разноуровневых составляющих характера. *Человеческий капитал*. 2020;141(9):200–210. DOI: 10.25629/HC.2020.09.18
16. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Огнев А.С., Пырма Р.В. Специфика использования айтрекеров в сочетании с фокусированным интервью при аттестации сетевого контента. *Человеческий капитал*. 2021;145(1):73–82. DOI: 10.25629/HC.2021.01.07

REFERENCES

1. Shestopal E.B., Rogach N.N. Images of the present and future of Russia in the political consciousness of its citizens. *Social Sciences and modernity*. 2022;(6):45–61. (In Russ.).
2. Vilkov A.A. Images of the future in political science and public discourses of modern Russia. *Bulletin of Saratov University. Sociology. Political Science*. 2020;20(1):64–68. (In Russ.).
3. Zheltikova I.V. The image of the future. Orel: Kartush; 2021. 163 p.
4. Komarovskiy V.S. Vision of the future of the country by Russian youth: Hopes and fears. *Vlast*: 2021;29(5):187–194. (In Russ.).
5. Maksimova S.G., Atyasova N. Yu., Surtayeva O.V., Shakhova E.V., Spirina A.S. The image of the future of Russia as a basis for positive identification of citizens. *Society and Security Insights*. 2021;4(4):77–94. (In Russ.).
6. Nestik T.A. Image the future of Russia among representatives of generation Z. *Chelovek i mir..* 2018;2(2):75–87. (In Russ.).
7. Omelchenko D.A., Maksimova, S.G., Noyanzina O.E., Shcheglova D.K. The image of the future of Russia among different generations: Conceptual foundations and results of empirical analysis. *Society and Security Insights*. 2021;4(4):110–140. (In Russ.).
8. Zubok Yu.A., Seliverstova N.A. Semantic components of the image of the future of the country in the representations of youth. *Science. Culture. Society*. 2022;28(4):56–74. (In Russ.).
9. Velikaya N.M., Novozhenina O.P. Socio-political values in the image of the future of Russian citizens as the basis for the political and economic modernization of the country. *Political science issues*. 2021;11(3):596–605. (In Russ.).
10. Palitai I.S. The image of the present and future of Russia in the minds of Moscow students. *Abyss (Questions of philosophy, political science and social anthropology)*. 2022;20(2):12–18. (In Russ.).
11. Alcock N.Z., Newcombe A.G. The perception of national power. *The Journal of Conflict Resolution*. 1970;14(3):335–343.
12. Buzan B. People, states and fear: An agenda for international security studies in the Post-Cold War Era. Bolder: Lynne Rienner Publishers, Inc.; 1991. 393 p.
13. Cohen R. Threat perception in international crisis. Madison: The University of Wisconsin. *Social sciences and contemporary world*. 2022;(6):45–61.
14. Jervis R. Perception and misperception in international politics. Princeton: Princeton University; 1976. 544 p.
15. Ognev A.S., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P. Oculometric manifestations of situational attitudes, cognitive schemes and life scenarios as multilevel components of character. *Human capital*. 2020;141(9):200–210. (In Russ.). DOI: 10.25629/HC.2020.09.18

16. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Likhacheva E. V., Nikolaeva L. P., Ognev A. S., Pyrma R. V. The specifics of using airtracers in combination with a focused interview in the certification of network content. *Human capital*. 2021;145(1):73–82. (In Russ.). DOI: 10.25629/HC.2021.01.07

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Анна Юрьевна Домбровская — доктор социологических наук, директор Центра политических исследований, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия; главный научный сотрудник, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Anna Yu. Dombrovskaya — Dr. Sci. (Soc.), Director, Center for Political Research, Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia; Senior Research Fellow, INION RAN, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2015-2349>

an-doc@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.09.2024; принята к публикации 15.11.2024.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 29.09.2024; accepted for publication on 15.11.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-81-89
УДК 070:316.77(045)

Рециркуляция триггер-историй как метод зашумления информационного поля

Д.В. Петросянц
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблеме преднамеренного создания информационного шума и повторного запуска в русскоязычное медийное поле телевизионных передач и публикаций в различных СМИ о событиях прошлого, постоянно находящих живой отклик среди населения за счет содержащегося в них контекста таинственности, нерешенности и загадочности обстоятельств. Автор предлагает называть их «триггер-историями», которые практически всегда найдут отклик у немалого числа зрительской и читательской аудитории, отвлекая ее от серьезной информации и развлекая «убедительными» ненаучными объяснениями описываемых в них событий. В ходе проводимого контент-анализа обнаружился резкий всплеск числа публикаций на эти темы с 2013 по 2023 г. в российском сегменте СМИ, включая социальные медиа.

Ключевые слова: тайные общества; теория заговора; фактчекинг; методы анализа; мистификация

Для цитирования: Петросянц Д.В. Рециркуляция триггер-историй как метод зашумления информационного поля. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):81-89. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-81-89

ORIGINAL PAPER

Recirculation of Trigger Stories as a Method of Increasing the Noise in the Information Field

D.V. Petrosyants
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article is devoted to the problem of the deliberate creation of information noise and re-launch in the Russian-language media field of television programs and publications in various media about the events of the past that are constantly living among the population, due to the context of the mystery, unresolved and mystery of circumstances. The author suggests calling them “trigger stories”, which will almost always find a response from a considerable number of the audience and readership, distracting it from serious information and entertaining “convincing” unscientific explanations of the events described in them. In the course of content analysis, a sharp surge in the number of publications on these topics from 2013 to 2023 in the Russian segment of the media, including social media, was discovered.

Keywords: secret societies; conspiracy theory; fact checking; analysis methods; hoax

For citation: Petrosyants D.V. Recirculation of trigger stories as a method of increasing the noise in the information field. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(5):81-89. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-81-89

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня на современного человека обрушивается огромное количество информации, в том числе и недостоверной. Это может вызывать сомнения в любой поступающей извне информации. Однако если существуют достоверные факты, их необходимо обнаружить и убедиться в их правдивости.

В течение жизни люди сталкиваются с множеством вопросов, например, что важно, а что несущественно? Какая информация окажется полезной, а какая нет? Приоритеты меняются с течением времени, отражая возраст и жизненные этапы каждого человека: «Ответ на этот вопрос уже сложнее. А та информация, что пригодилась (в учебе, работе, жизни), она была правдива? А что такое правдивая и достоверная информация, и как стратифицируется грань между правдой и ложью? А ведь для разных психологических типов людей и разных народностей ответы разные» [1].

Искажение действительности в условиях неструктурированного и все возрастающего информационного потока определяется тем, что современное общество активно обращается к конспирологическим теориям и тайным исследованиям, в том числе и событий далекого прошлого, для объяснения социальных и политических процессов. Такие механизмы картирования реальности скрывают истинные мотивы и структуры власти, создавая иллюзию, что все ключевые решения принимаются закулисно. Подобные взгляды формируются не столько под влиянием реальных фактов, сколько в результате социальных настроений и подозрений, создаваемых общественным мнением и медиа.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ

Над установлением истинности оценки явлений и событий люди задумывались на протяжении всей человеческой истории. Карл Ясперс, немецкий философ, психолог и психиатр, считал, что «сомнение в качестве методического сомнения становится источником критической проверки всякого познания. И потому без радикального сомнения никакое истинное философствование невозможно. Однако решающее значение имеет то, как и где посредством самого сомнения достигается достоверное основание» [2]. В любой момент времени у нас есть сформированное жизнью единое толкование окружающего мира, и, как правило, мы практически не утруждаем

себя мыслями о правдоподобных альтернативах. По утверждению Д. Канемана, израильско-американского психолога, одного из основоположников поведенческой экономики, «нам достаточно одной, в нашем понимании верной интерпретации. Мы не идем по жизни, воображая иные способы восприятия действительности» [3]. По совету Канемана необходимо периодически исследовать уже исследованное и проанализированное и не полагаться даже на собственные «правильные» суждения, но уже имеющие срок давности и ставшие несколько залежалой информационной базой.

По мнению ряда аналитиков (подобную мысль можно проследить еще у писателя Марка Твена), модель мышления, которая ранее давала точные оценки и расчеты в течение многих лет, может медленно меняться. Новая информация, поступающая постепенно с течением времени, легко ассимилируется в существующую ментальную модель, поэтому значение постепенных изменений со временем не бросается в глаза исследователю. Человеку свойственно видеть будущее как продолжение прошлого. А на самом деле произошли революционные изменения изучаемой ситуации (процесса): все, как и положено, в соответствии с теорией исторического материализма, — количество перешло в новое качество [3].

Социальный смысл «концепта тайны» развивает в своей книге «Тайны и заговоры» Л. Болтански. Он считает, что тайна представляет собой «нарушение наших социальных интуиций и конвенционального понимания причинно-следственных связей: вещи и человеческие поступки не таковы, какими они кажутся на первый взгляд, событие нуждается в дополнительной атрибуции, реальность не равна сама себе. Тайна нарушает “естественный” ход вещей и требует раскрытия, то есть нормализации социального порядка» [4].

П. В. Ополе в своей работе фиксирует, что современный «человек “утопает” в мелочах, нюансах, ненужных подробностях и субъективных мнениях. Информационный шум, состоящий из обрывков информации и их недостоверной интерпретации, не оставляет шанса на объективную картину мира. Взрывной рост социокультурной сложности изменяет медийное поле. Современное информационное пространство оказывается воплощенным мифом о вавилонской башне — столпотворение информационных потоков, лишенных линейной логики и смысла» [5].

Часть авторов стремятся оценить степень влияния деструктивных и неструктурированных потоков информации на формирование мировоззрения российской молодежи. Они отмечают, что псевдонаучная информация часто используется для манипуляций. Молодежь может стать мишенью различных деструктивных сообществ и культов, которые используют мистику для привлечения сторонников. Таким образом, критически важно развивать у молодежи сугубо научные навыки анализа информации, чтобы они могли отличать достоверные источники от ложных. [6-8]

Д.В. Неренц в своей статье пишет, что «можно говорить об устойчивом росте информационной грамотности населения, критическом отношении к получаемой информации и, как следствие, осознанном медиапотреблении. В то же время с развитием информационно-коммуникационных технологий фейки становятся качественнее, умело маскируются под достоверный медиаконтент, увеличиваются в геометрической прогрессии благодаря инструментам нейросетей» [9].

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для притяжения внимания людей к своему информационному продукту есть испытанный метод использования «историй и слов — триггеров» (далее по тексту будем использовать словосочетание «триггер-истории»), всегда вызывающих интерес, зачастую ненаучное обсуждение и ажиотаж, переключая сознание читателей и слушателей на некое таинство, неведомое и скрытое от всех. Примерами таких триггер-историй являются:

- сокровища информации в Ватикане в томах многочисленных древних манускриптов;
- предсказатели будущего (Нострадамус, Ванга, Мессинг);
- загадочные мифы о Лемурии, Гиперборее, Атлантиде;
- Бермудский треугольник;
- тамплиеры, розенкрейцеры, масоны;
- гибель группы Дятлова;
- Тунгусский метеорит
- теории заговора.

В обществе эти триггер-истории вызывают устойчивое мнение, «если об этом не говорят или недоговаривают военные и правительство, значит, — *скрывают правду и лгут*». Все перечисленные выше темы и словосочетания-триггеры относятся к разряду оккультных, мистических

или конспирологических теорий и явлений, объединенных рядом общих маркеров:

Элемент загадки

В триггер-истории может присутствовать некий непознанный аспект, который вызывает интерес и интригу. Это могут быть недоказанные факты, исчезновения, необъяснимые явления и тайные общества. Стоит напомнить, что в начале 2000-х гг. большим успехом пользовались бестселлеры Д. Брауна «Ангелы и демоны»¹, «Код да Винчи»² и «Инферно»³.

Альтернативные объяснения хода событий

Подобные объяснения возникают, когда нет полной и исчерпывающей информации. В таких условиях возможно альтернативное толкование событий, что и способствует появлению подобных теорий. Эти теории часто предлагают причудливые, а порой и антинаучные объяснения известных исторических событий или явлений. В них, как правило, присутствуют гипотезы, которые идут вразрез с официальной наукой или же с подтвержденными и задокументированными версиями истории.

Теории заговора

Во многих из триггер-историй присутствует элемент заговора таких тайных обществ, как Тамплиеры, Розенкрейцеры или Масоны, или упоминание засекреченных знаний, которые якобы скрывают от человечества. К теории заговора также относится ряд таких вопросов, интересующих людей, как: «Кто управляет миром? Кто имеет власть? Кому принадлежат самые большие мировые капиталы? В интересах каких групп лиц действуют правительства государств?» В данном контексте упоминаются семьи Ротшильдов, Рокфеллеров, Барухов и др. Например, в 2011 г. группа ученых из Швейцарского федерального технологического института (ETH Zurich) провела исследование и опубликовала статью под названием «The network of global corporate control» (Сеть глобального корпоративного контроля) [10]. В ходе исследования они изучили реестры акционеров более 30 миллионов мировых компаний, уделив особое внимание 43 060 глобальным корпорациям, чтобы выяснить, кто владеет их акциями. В итоге было выявлено 147 глобальных компаний, которые становились узлами глобальной нейросети

¹ <https://danbrown.com/angels-demons>

² URL: <https://danbrown.com/the-davinci-code>

³ URL: <https://danbrown.com/inferno>

владения капиталом, а при следующей итерации и того больше: они обнаружили примерно 50 корпораций и банков, в которых сходились нити управления всеми другими предприятиями, финансовыми учреждениями и торговыми сетями.

Склонность людей к мистификации

Все эти явления и события часто окружены слухами, домыслами и мифами, которые поддерживают атмосферу таинственности и неопределенности. Многим людям хочется приоткрыть завесу неизвестности, узнать больше про прошлое, настоящее и будущее. А помочь в этом якобы смогут гадалки, спиритические сеансы, карты древних кладов и т.п.

Тяга к древним знаниям

Такие истории часто связаны с древними цивилизациями (Лемурия, Атлантида, Гиперборея), а также с поиском забытых или утраченных знаний. Экспедиции Аненэрбе в Тибет или мифы о том, что фашисты нашли на Эльбрусе что-то тайное, типичны для такого рода повествований.

Технические (технологические) и природные аномалии

К таким аномалиям относятся те, которые не получили на сегодняшний день внятного общепринятого научного объяснения. Многие из этих тем включают непонятные научные явления или предполагаемые технологии, такие как эксперименты Н. Теслы, Тунгусский метеорит, исчезновения в Бермудском треугольнике.

Помимо всего прочего, популярность тем триггер-историй объясняется их развлекательным характером. Фильмы, книги, статьи на эту тему хорошо продаются, вызывают обсуждения и привлекают внимание масс. Медиа-компании, блогеры и авторы книг используют это для создания контента, который собирает просмотры и приносит доход. Есть спрос — будет и предложение.

АНАЛИЗ ТРИГГЕР-ИСТОРИЙ В РОССИЙСКОМ СЕГМЕНТЕ СМИ В ПЕРИОД ОТ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Научный метод анализа событий предполагает возможность отделения правды от вымысла путем строгой верификации фактов и экспериментального подтверждения гипотез. Многие из этих историй имеют реальные корни в истории и подтверждаются документально, однако их мистификация происходит за счет добавления элементов теории заговора или оккультных учений. Например, существование тамплиеров исторически

подтверждено, но их якобы сверхъестественные знания или связь с Граалем — это область мифов или, если хотите, информация, не имеющая за собой реальных и общедоступных подтверждений. Современная наука предлагает рациональные объяснения этим явлениям. Учеными Тунгусский метеорит рассматривается как взрыв космического тела, а гибель группы Дятлова может быть связана с лавинами и экстремальными погодными условиями. Однако некоторые сторонники альтернативных версий предпочитают оккультные или мистические объяснения. Несмотря на то, что археология исследует исчезнувшие цивилизации, доподлинных доказательств существования Атлантиды или Лемурии нет. Это скорее часть мифологии и фантазий, нежели научные теории. Наблюдения очевидцами НЛО могут объясняться как атмосферные феномены или человеческие ошибки восприятия. Феномен рептилоидов относится к современному мифотворчеству. В случае Розуэлла официальные расследования пришли к выводу, что речь шла об испытаниях военных аппаратов, а не о пришельцах.

Современная наука использует методологию фактчекинга и верификации фактов через эксперименты, наблюдения и доказательства. В большинстве случаев используются научные подходы ряда научных дисциплин. Исторический анализ помогает отделить реальные события от мифов, изучая документы, артефакты и первоисточники. Археология и палеоантропология исследуют древние цивилизации, используя раскопки и датировку находок. Многие пока находятся в зоне полемики и выдвижения гипотез, белые пятна присутствуют сплошь и рядом. Физика и астрономия изучают и объясняют природные явления через исследовательские методики, присущие этим наукам. Психология исследует феномены коллективных убеждений и восприятия, такие как вера в инопланетян или рептилоидов, через изучение механизмов массового сознания.

Хотя эти триггер-истории привлекательны благодаря своей таинственности и элементу загадки, их научный анализ показывает, что чаще это домыслы и фантазии. Наука позволяет рационально изучить каждую из этих тем, и в большинстве случаев доказательства показывают, что такие теории или мифы не имеют под собой реальных оснований.

На рис. 1 представлена динамика числа публикаций с 2000 по 2023 г. по некоторым триг-

гер-историям, связанным с теорией заговора и тайными обществами. Начиная с 2013 г. интерес к ним неожиданно существенно возрос, при этом ранее замечен не был, несмотря на публикации в начале 2000-х бестселлеров уже

упомянутого Дэна Брауна, многочисленных передач-провокаций на околonaучные темы на канале Рен-ТВ и т.п.

На рис. 2 представлена динамика числа публикаций в русскоязычных СМИ с 2000 по 2023 г.

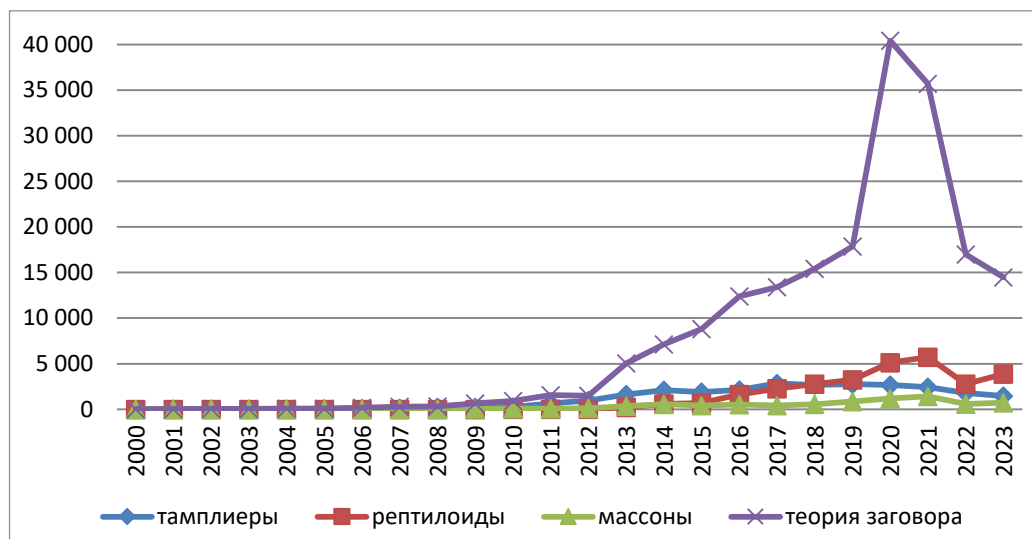

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика числа публикаций в русскоязычных СМИ по триггер-историям с 2000 по 2023 г., связанным с теорией заговора и тайными обществами / The dynamics of the number of publications in the Russian-speaking media for trigger stories from 2000 to 2023, related to the theory of conspiracy and secret societies

Источник / Source: СКАН-Интерфакс / SCAN-Interfax. URL: <https://web.scan-interfax.ru>

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика числа публикаций в русскоязычных СМИ по некоторым триггер-историям с 2000 по 2023 г., связанным с техногенными и природными необъясненными явлениями / The dynamics of the number of publications in the Russian-speaking media for trigger stories from 2000 to 2023, related to technogenic and natural inexplicable phenomena

Источник / Source: СКАН-Интерфакс / SCAN-Interfax. URL: <https://web.scan-interfax.ru>

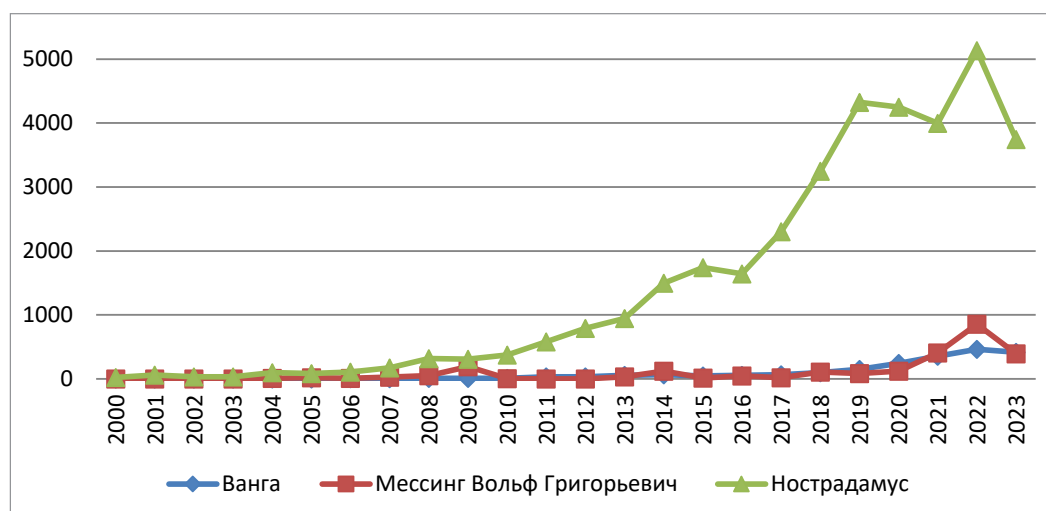

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика числа публикаций в русскоязычных СМИ по некоторым триггер-историям с 2000 по 2023 г., связанным с прорицателями и предсказателями / The dynamics of the number of publications according to some trigger stories from 2000 to 2023, related to the soothsayers and predictors

Источник / Source: СКАН-Интерфакс / SCAN-Interfax. URL: <https://web.scan-interfax.ru>

по триггер-историям, связанным с техногенными и природными необъясненными явлениями. Картина схожая с динамикой триггер-историй на тему «теории заговора»: с 2013 г. наблюдается резкий всплеск интереса к ним, особенно к трагедии с группой И. Дятлова.

На рис. 3 представлена динамика числа публикаций в русскоязычных СМИ по некоторым триггер-историям с 2000 по 2023 г., связанным с прорицателями и предсказателями. К исследуемым персонам интерес в первое десятилетие XXI в. почти отсутствует, а вот предсказания Нострадамуса, особенно с 2016 по 2022 г., становятся все более актуальны в публикациях русскоязычных СМИ.

Далее была подсчитана парная корреляция частотности по годам триггер-историй (см. таблицу), и, как и предполагалось, была обнаружена существенная связь между большинством исследуемых объектов, за исключением упоминаний в русскоязычных СМИ прорицателя Вольфа Григорьевича Мессинга. Несмотря на прошедшую в 2009 г. премьеру сериала про жизнь и судьбу В.Г. Мессинга «Вольф Мессинг: видевший сквозь время» на российском телевидении, ни в год премьеры, ни в последующие годы существенного всплеска публикаций об этой персоне не было отмечено.

Гипотезу о том, что интерес к вышеобозначенным триггер-историям подогревался со

стороны многочисленных социальных медиа, бум создания которых пришелся уже на второе десятилетие XXI в., подтвердить не удалось. С включением в анализ контента социальных медиа и исключая его из расчетов, частотность упоминаний не претерпевала существенных изменений.

По результатам исследования ВЦИОМ, проводимого в 2023 г., «вера россиян в “мировое закулисье” за пять лет с 2018 по 2023 г. заметно ослабла. Если в 2018 г. существование некой тайной организации, влияющей на мировые процессы, допускали две трети граждан (67%), то в 2023-49%. Примерно столько же россиян в 2014 г. верили в теорию мирового господства (45%). Любопытно, что тогда эта точка зрения чаще была распространена среди высокообразованных граждан (51% против 41-43% со средним специальным образованием и ниже), а сейчас — среди имеющих неполное среднее образование (61%). Чуть больше трети россиян считают, что тайной глобальной власти не существует (36%, — 12 п.п. к данным 2018 г.). Эту категорию граждан отличают молодой возраст (18-24 года — 54%, 25-34 года — 50%), наличие высшего образования (40%) и активное пользование интернетом (49%)»⁴.

⁴ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mirovye-pravitelstvo-za-i-protiv>

Парная корреляция частотности по годам триггер-историй / Paired correlation of frequency by year of trigger events

Триггер-история	Ванга	Атлантида (континент)	Бермудский треугольник	Тамплиеры	Перевал Дятлова	Тунгусский метеорит	Мессинг Вольф	Рептилоиды	Масоны	Нострадамус	Теория заговора
Ванга	1,00										
Атлантида (континент)	0,77	1,00									
Бермудский треугольник	0,67	0,97	1,00								
Тамплиеры	0,55	0,92	0,94	1,00							
Перевал Дятлова	0,70	0,89	0,90	0,78	1,00						
Тунгусский метеорит	0,68	0,94	0,94	0,94	0,80	1,00					
Мессинг Вольф	0,89	0,54	0,42	0,34	0,43	0,47	1,00				
Рептилоиды	0,83	0,93	0,89	0,77	0,93	0,82	0,57	1,00			
Масоны	0,77	0,93	0,91	0,84	0,93	0,86	0,51	0,95	1,00		
Нострадамус	0,88	0,95	0,93	0,83	0,86	0,89	0,71	0,91	0,89	1,00	
Теория заговора	0,74	0,90	0,88	0,80	0,93	0,82	0,49	0,96	0,96	0,87	1,00

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ВЫВОДЫ

Манипуляция общественным мнением и ложь не есть синонимы. Грамотно подобранная честная и правдивая информация и умело не подсвеченная нежелательная для упоминания вполне может выстроить в глазах общественности не совсем целостную картину событий и фактов, но зато вполне устраивающую транслирующую сторону, политиков и политические силы, которые они представляют.

В условиях перенасыщенности информацией люди теряются среди огромного объема неструктурированных данных. Постоянные упоминания конспирологических тем создают устойчивый ин-

формационный «шум», который может отвлекать внимание от более важных тем. В этом смысле, заполнив новостные ленты и телеэкраны сообщениями, которые вызывают эмоциональный отклик, можно ослабить внимание общества к реальным проблемам, таким как политические решения, социальные конфликты или экономические кризисы.

Таким образом, постоянное обсуждение этих тем может быть не случайным, а частью стратегии управления вниманием. Чья это стратегия и кто заказчик, определить очень сложно. В то же время людям нравится ощущение причастности к тайнам, что усиливает интерес к подобным сюжетам.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету в 2025 г. Финансовый университет, Москва, Россия.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University in 2025. Financial University, Moscow, Russia.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петросянц Д. В. Искусственный интеллект в «башне из слоновой кости». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(6):38–45. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-6-38-45
2. Ясперс К. Введение в философию. Пер. с нем. Михайлов А. А., ред. Минск: Издательство ЕГУ «Пропилеи»; 2000. 192 с.
3. Канеман Д., Сибони О., Санстейн К. Р. Шум. Несовершенство человеческих суждений. Пер. с англ. Котова А., Селифонова С., Тулаев В. М.: АСТ; 2021. 544 с.
4. Болтански Л. Тайны и заговоры. По следам расследований. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2019. 502 с.
5. Ополеп П. В. Тенденции изменения медийного пространства: от текста к гипертексту. *Идеи и идеалы*. 2018;2(3):96–112.
6. Петросянц Д. В., Юшков И. В. Анализ каналов и способов получения информации российской студенческой молодежью. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2017;8(82):73–83.
7. Шатилов А. Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе. *Власть*. 2019;27(4):26–32.
8. Митрахович С. П. Европеизация и модернизация дискурса гражданского общества и политических партий. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):18–23. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-18-23
9. Неренц Д. В. Фейки как угроза медиабезопасности в России XXI в. *Россия и современный мир*. 2023;3(120):101–112. DOI: 10.31249/rsm/2023.03.07
10. Vitali S., Glattfelder J. B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control. *PLoS ONE*. 2011;6(10):e25995. DOI: 10.1371/journal.pone.0025995

REFERENCES

1. Petrosyants D. V. Artificial intelligence in the «ivory tower». *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(6):38–45. (In Russ.) DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-6-38-45
2. Jaspers K. Einführung in die philosophie [Introduction to philosophy]. Transl. from Ger. In: Mikhailov A. A., editors. Minsk: Izdatel'stvo EGU "Propilei"; 2000. 192 p. (In Russ.)
3. Kahneman D., Sibony O., Sunstein K. R. Noise: A flaw in human judgment. Transl. from Eng. by Kotova A., Selifonova S., Tulaev V. Moscow: AST; 2021. 544 p. (In Russ.)
4. Boltanski L. Tajny i zagovory. Po sledam rassledovaniy. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge; 2019. 502 p. (In Russ.)
5. Opolev P. V. Trends in changing media space: From text to hypertext. *Ideas and ideals*. 2018;2(3):96–112. (In Russ.)
6. Petrosyants D. V., Yushkov I. V. Analysis of channels and ways of obtaining information by Russian student youths. *Regional Problems of Transforming the Economy*. 2017;8(82):73–83. (In Russ.)
7. Shatilov A. B. General ruptures as a factor in the growth of conflict in modern Russian society. *Vlast*. 2019;27(4):26–32. (In Russ.)
8. Mitrakhovich S. P. Europeanization and modernization of the discourse of civil society and political parties. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):18–23. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-18-23. (In Russ.)

9. Nerents D. V. Fakes as a threat to media safety in 21st century Russia. *Rossiya i sovremennyy mir*. 2023;3(120):101–112. (In Russ.) DOI: 10.31249/rsm/2023.03.07
10. Vitali S., Glattfelder J. B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control. *PLoS ONE*. 2011;6(10): e25995. DOI: 10.1371/journal.pone.0025995

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Даниэл Викторович Петросянц — кандидат экономических наук, доцент, кафедра политологии, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Daniel V. Petrosyants — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8167-9005>
dan-basa@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.09.2024; принята к публикации 05.10.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 25.09.2024; accepted for publication on 05.10.2024.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-90-97

УДК 330.522+316.334.2(045)

Социальные аспекты формирования активов домохозяйств как инструмента воспроизводства доверия

О.В. Рогач, Е.В. Фролова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье с использованием методов статистического и социологического анализа проведен анализ сберегательного поведения домохозяйств, современных практик формирования финансовых активов семей как социального инструмента воспроизводства доверия в экономических отношениях. Сделан вывод, что сберегательное поведение населения может рассматриваться как фундамент для трансфера сбережений населения в экономику. Однако установлено, что в 2023 г. россияне не реализовали свой сберегательный потенциал в полном объеме, закрепив распределение личных активов между банками и удержанием наличных средств «на руках». Атрибуция роста финансовых активов населения может прервать петлю недоверия, свойственную экономическим системам, которые находятся в состоянии кризиса. Делается заключение, что стратегическое значение для воспроизводства доверия имеет уровень финансовой грамотности населения; закрепление успешного паттерна распоряжения финансами домохозяйств будет способствовать воспроизводству доверия на макро- и микроуровне. Также установлено, что незначительная часть россиян демонстрирует сегодня верные инвестиционные установки, в том числе на долгосрочное инвестирование. Делается заключение, что склонность индивида к инвестированию своих средств определяется в первую очередь уровнем доверия к финансовым институтам, а не уровнем дохода. При этом отсутствие альтернативных финансовых инструментов также не оказывает решающего влияния на развитие инвестиционных практик.

Ключевые слова: доверие; социальные отношения; сберегательное поведение; финансовая грамотность; инвестиционная активность; домохозяйство; население; социальный институт

Для цитирования: Рогач О.В., Фролова Е.В. Социальные аспекты формирования активов домохозяйств как инструмента воспроизводства доверия. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):90-97. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-90-97

ORIGINAL PAPER

Social Aspects of the Formation of Household Assets as a Tool for the Reproduction of Trust

O.V. Rogach, E.V. Frolova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article uses statistical and sociological analysis methods to study how households save and how families build up their financial assets. It explores how this behaviour can help restore trust in economic relationships. The study reveals the savings habits of the population as a key factor in transferring savings to the economy. However, in 2023, Russians didn't fully use their savings potential securing the distribution of personal assets between banks and holding cash "on hand". By increasing the financial assets of the population, we can help break the cycle of mistrust that is common in economic systems during the crisis. The study also highlights the importance of financial literacy for building trust. If households can successfully manage their finances, this will contribute to trust at both the macro and micro levels. The research also shows that only a small proportion of Russians today have the right investment attitudes, including long-term investments. The willingness of individuals to invest their funds is primarily determined by their level of trust in financial institutions, rather than their income level. The absence of alternative financial instruments also doesn't have a significant impact on the development of investment practices.

Keywords: trust; social relations; savings behavior; financial literacy; investment activity; household; population; social institution

For citation: Rogach O.V., Frolova E.V. Social aspects of the formation of household assets as a tool for the reproduction of trust. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024; 14(5):90-97. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-90-97

ВВЕДЕНИЕ

В современных экономических условиях, по мнению О.А. Александровой, Л.Е. Ильичевой, О.А. Кондрашова и некоторых других экспертов, дефицит доверия способен вызывать финансовые кризисы, усиливать социальное неравенство и, как следствие, становиться значимым фактором ухудшения благополучия отдельных домохозяйств [1;2]. При этом наблюдается и обратная зависимость: снижение доходов населения приводит к росту протестных настроений и снижению уровня доверия к власти и финансовым институтам, в частности. Не удивительно, что в российском обществе особое внимание исследователей обращено на поиск инструментов популяризации успешных финансовых практик и сберегательного поведения домохозяйств. К примеру, в своей работе Н.В. Аликперова приводит результаты анализа факторов, оказывающих существенное влияние на финансовое поведение россиян [3]; О.Е. Кузина и Д.В. Моисеева обосновывают наличие взаимосвязи между установками домохозяйств на сбережение и доверием к финансовым институтам [4]. Также интерес для современной практики представляет работа М.Ю. Печаловой, в которой обосновывается трансформация инвестиционных и сберегательных стратегий россиян под воздействием внешних угроз [5]. В труде Е.В. Трутенко и Е.С. Конищева актуальность темы инвестиционно-контекстной атрибутики семейного благополучия также подтверждается результатами эмпирического исследования [6].

Актуальность обращения к вопросу формирования финансовых активов домохозяйств позволяет нам сделать вывод о существенном влиянии семейного опыта инвестирования, накопления и построения финансовых связей на воспроизводство доверия в экономических отношениях в целом. Конвертация финансовых активов населения в экономические отношения (например, в проекты инициативного бюджетирования) может рассматриваться как социальная практика развития доверия за счет нацеленности на долгосрочность, формирования убежденности в возврате вложенных средств и получении значимых преференций [7]. При этом финансовые активы домохозяйств создают основу для привлечения внутренних ин-

вестиций в экономику и социальную сферу, обеспечения стабильности общественного развития.

Важную роль в социальных практиках накопления финансовых активов населения играет такая форма, как получение / формирование наследственного капитала, семейного наследия. Отметим, что в российских реалиях данная социальная практика имеет существенные дисфункции, обусловленные разрывом финансовых связей между поколениями. Для российских семей характерно рассмотрение краткосрочных горизонтов владения финансовым активом, что может быть обусловлено закреплением в сознании населения негативного исторического опыта его неправового изъятия. [8]. Сделанное заключение позволяет с высокой долей вероятности предположить наличие взаимосвязи между разрывом финансовых связей поколений, отсутствием гарантий сохранения наследственного капитала и низким уровнем доверия.

МЕТОД

Цель авторского исследования заключалась в рассмотрении и научном осмыслении сберегательного поведения домохозяйств, современных практик формирования финансовых активов как инструмента воспроизводства доверия в современных экономических отношениях. Ставились вопросы по реализации социальных практик сберегательного поведения населения, необходимости развития финансовой грамотности россиян, проводился анализ инвестиционной активности населения. В материалах статьи используются материалы исследования, проведенного в рамках реализации фундаментальной НИР «Социальные механизмы формирования доверия в трансформирующихся экономических отношениях»¹. В качестве базовых методов исследования применялись: статистический и экономический анализ, анализ вторичных данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ресурсная база российских домохозяйств, в части структуры их финансового портфеля, может

¹ ФНИР выполнен за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

быть неоднородной в разные периоды времени. Это связано с наличием специфических шоков экономики, которые имели место в России: гиперинфляция, дефолт, пандемия, экономические санкции и пр. При этом снижение уровня доверия усиливает государственный контроль, что в свою очередь еще больше снижает доверие населения к финансовым институтам. Такой феномен в современной науке носит название «петли недоверия» и существенно лимитирует возможности финансового оздоровления домохозяйств.

Вместе с тем проведенный авторами анализ финансовых ресурсов домохозяйств за последние 5 лет демонстрирует существенный потенциал роста (см. *таблицу*). Опираясь на данные Банка России, можно сделать вывод, что атрибуция роста финансовых активов населения может прервать петлю недоверия, свойственную экономическим системам, которые находятся в состоянии кризиса.

Можно предположить, что вложение финансовых активов населения будет способствовать росту доверия на макроуровне (доверие к государству как участнику экономических отношений; высоколиквидные активы: депозиты, ценные бумаги и пр.), тогда как тенденции усиления сберегательного поведения будут способствовать росту доверия на микроуровне (доверие к друзьям и родственникам; неликвидные активы: недвижимость, пенсионные накопления и пр.). Подобное распределение исходит из использования финансового ресурса как некоего гаранта получения помощи в сложной жизненной ситуации, которая может произойти в будущем.

На сегодняшний день сберегательные установки российских граждан иллюстрируются следующими показателями. Согласно данным Аналитического центра НАФИ, в 2022 г. у россиян оказалось «на руках» рекордное количество наличных средств (14 трлн руб.), которые они получили путем изъятия из банковских структур. Изменения в сберегательных установках населения наметились еще в 2021 г., а в 2022 г. в связи с объявленной мобилизацией объем наличных средств у населения резко возрос на 694 млрд руб.² Однако в дальнейшем, несмотря

на турбулентность экономической повестки, индекс потребительской лояльности к банковским структурам стремительно вырос и достиг в 2023 г. рекордных 82%. По мнению В.В. Литвина причина изменений в сберегательных установках населения связана с устойчивостью функционирования банковского сектора при усилении экономических санкций, быстрой адаптацией кредитных организаций, сумевших обеспечить достаточную защиту средств граждан [9].

Анализ динамики вкладов россиян, которые являются основным инструментом аккумуляции сбережений, позволяет рассматривать сберегательные установки населения как ресурс повышения эффективности воспроизводства доверия в современных условиях, с некоторым допущением. В частности, статистические показатели банковского сектора Российской Федерации³ иллюстрируют ежегодный прирост объемов вкладов физлиц, однако совокупный среднегодовой темп роста данного показателя за последние 5 лет остановился на уровне 7%. Компаративный анализ соотношения денежных вложений и доходов населения в 2022 г. показал тенденцию к спаду. Вместе с тем на прежнем уровне сохранилась численность вкладов россиян, а показатели лояльности к банковским структурам несколько повысились. На основании указанных данных можно заключить, что сберегательный потенциал домохозяйств не реализован в полном объеме, так как укрепилось распределение активов населения между двумя «блоками»: банковскими структурами и удержанием наличных средств «на руках». Только 13% россиян стали «больше копить и меньше тратить», что свойственно проактивной стратегии в сберегательных установках населения. Для трети россиян (33%) более характерна стратегия фатализма, когда или нет средств для сбережения или нет смысла в данных практиках.

Можно предположить, что решение проблемы нереализованности сберегательного

² NPS-2023. Лояльность пользователей розничных банковских услуг. НАФИ. [Электронный ресурс] — URL: <https://nafi.ru/projects/finansy/nps-2023-loyalnostpolzovateley-rozничnykh-bankovskikh-uslug/> (дата обращения: 04.03.2024).

³ Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации. Центральный банк РФ. [Электронный ресурс] URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (дата обращения: 04.03.2024).

Таблица / Table

Финансовые активы сектора «Домашние хозяйства» по отдельным финансовым инструментам по состоянию на отчетную дату, млрд руб. / Financial assets of the “Households” sector for individual financial instruments as of the reporting date, billion rubles

Отчетный период	01.2018	01.2019	01.2020	01.2021	01.2022	01.2023	10.2023
1	2	3	4	5	6	7	8
АКТИВЫ Из них:	72 253,4	82 447,2	90 147,0	106 649,4	120 057,7	124 329,4	146 801,3
Наличная национальная валюта	7914,8	8779,2	9193,7	12 077,4	12 753,3	14 708,1	16 461,3
Наличная иностранная валюта	3594,0	4917,3	4463,9	6293,3	6359,4	6868,2	9265,0

Источник / Source: составлено авторами по данным Банка России. Показатель сбережений сектора «Домашние хозяйства». URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/households/ / compiled by the authors based on data from the Bank of Russia. Savings indicator for the Households sector. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/households/

потенциала российских домохозяйств заключается в развитии финансовой грамотности населения. Уже само рассмотрение финансовой грамотности в роли инструмента повышения эффективности воспроизводства доверия в экономических отношениях позволяет говорить о наличии ряда позитивных и негативных тенденций. С одной стороны, данные Аналитического центра НАФИ показали, что Индекс финансовой грамотности россиян в 2022 году составил 12,79 п. (из возможных 21 п.). Только «24% россиян оценивают свои финансовые знания и навыки как хорошие или отличные»⁴, что может служить иллюстрацией негативной тенденции в сберегательном поведении населения. С другой стороны, данные Центрального банка РФ показали и положительную динамику. В 2022 г. в сравнении с аналогичным периодом 2017 г. выросла доля населения, которая:

- проводила сравнительный анализ условий предоставления банковских услуг (рост на 11 п.п. до 27%);

- брала ответственность за самостоятельное принятие решений в области личных финансов (рост на 13 п.п. до 51%);

- приобрела здоровые финансовые привычки: ведут семейный бюджет, контролируют расходы и делают сбережения (рост на 11 п.п. до 58%)⁵.

Можно предположить, что полученные данные в своей совокупности служат свидетельством роста осведомленности населения в части распоряжения финансовыми активами. Однако общий ее уровень для ряда социальных групп остается невысоким. Поэтому назревшей мерой для стимулирования экономически рационального поведения населения стала Стратегия повышения финансовой грамотности в РФ, разработанная на 2017-2023 гг. Достаточный уровень знаний и навыков в области распоряжения личными финансами позволяет населению верно оценивать экономическую ситуацию и принимать рациональные решения в ходе экономических взаимодействий. Вследствие повышения финан-

⁴ Финансовая грамотность россиян — 2023. Аналитический центр НАФИ. [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/projects/finansy/finansovaya-gramotnost-rossiyan-2023/> (дата обращения 04.03.2023).

⁵ Исследование уровня финансовой грамотности: четвертый этап. Центральный банк РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/fin_ed_4/ (дата обращения: 04.03.2024).

совой грамотности населения снижается уровень неопределенности в отношении полезности и эффективности экономических практик, а также формируются успешные образцы финансовых решений.

Вкупе со сказанным выше обратим внимание на следующие аспекты. Прежде всего, гражданин с определенным уровнем финансовой грамотности, который, как правило, формируется на основе анализа семейного опыта решения финансовых задач, в дальнейшем способен самостоятельно выбирать экономические стратегии. Это касается и выбора финансового института. Такой подход позволяет индивиду осуществить «отбор худших» с точки зрения качества финансовых инструментов, под которыми мы подразумеваем приемы и стратегии поддержания личного благополучия, и определить «лучшие» поведенческие установки, которые призваны поддержать и упрочить его финансовое положение. Если индивид не обладает достаточной финансовой грамотностью, он не сможет провести такое ранжирование. В результате он может столкнуться с неудачными попытками выстроить стратегию своего поведения на финансовом рынке и совершить ряд ошибок. Это, в свою очередь, приведет к снижению доверия и эффективности воспроизводства доверия в экономических отношениях.

Вместе с тем семейный опыт обращения к инструментам кредитного рынка формирует первичное доверие между физическим лицом и кредитной организацией. В случае, если у индивида отсутствуют или в целом недостаточно развиты компетенции в части управления финансами, бюджетного планирования или толкования документов по кредитному соглашению, можно предположить наличие экономического патернализма, принятого в его семье. При плохом прогнозе отсутствие или недостаточное развитие перечисленных выше компетенций будет приводить к росту кредитных обязательств у отдельных физических лиц и снижению устойчивости функционирования кредитной организации. Определенные риски создает и разрыв между субъективным (индивидуальным) и объективным (институциональным) уровнями финансовой грамотности, формирующий у общественности чувство простоты получения кредита и не акцентирующий внимания на индивидуальной финансовой ответственности [10].

Стоит отметить, что инвестиционно-контекстные атрибуты семейного благополучия могут получить широкое использование и в такой социальной практике, как инвестиционная активность населения. Данное обстоятельство обусловлено наличием закономерности: склонность индивида к инвестированию своих средств определяется не уровнем дохода и не отсутствием альтернативных финансовых инструментов; решающее значение приобретает уровень доверия. Это означает, что инвестиционные практики будут стимулировать развитие доверия в системе экономических отношений, что, в свою очередь, будет способствовать росту инвестиций. Поэтому структура инвестиционных портфелей домохозяйств — важное условие, которое подлежит учету при воспроизводстве доверия в современных социально-экономических реалиях.

Согласно официальным данным Центрального Банка РФ, за последние 10 лет отмечается увеличение практически в два раза объемов наличных денежных средств, находящихся в обращении. На начало 2023 г. этот показатель достиг 16,4 трлн руб., что в сравнении с аналогичным периодом 2022 года продемонстрировал прирост на 16,3%⁶. Однако такой же положительной тенденции роста инвестиций в целом не отмечается. Можно сделать вывод, что потенциал данного ресурса в общей структуре ресурсной базы воспроизводства доверия недостаточно раскрыт. Результаты исследования индекса сберегательно-инвестиционной активности населения России, которое провел ПСБ совместно с НИФИ Минфина России и аналитическим центром НАФИ, показали, что:

- число россиян с высоким уровнем инвестиционной активности пока не превышает 20%;
- 25% россиян имеет низкий уровень инвестиционной активности: не разбирается в инвестициях и не проявляет к ним интерес;
- самым популярным инструментом инвестирования у россиян считается открытие вклада в банке (34%); менее востребованы покупки валюты (19%), недвижимости (18%), золота и драгоценных металлов (12%)⁷.

⁶ Структура наличной денежной массы в обращении. Центральный банк РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/cash_circulation/20230101/ (дата обращения: 04.03.2023).

⁷ Потребительский подход к сбережениям использует 40% россиян. 15 июня, 2023. [Электронный ресурс] — URL: <https://nafi.ru/analytics/potrebitelskiy-podkhod-k-sberezheniyam-ispolzuet-40-rossiyan/?ysclid=m5z9m2z016402307872>

Такой инвестиционный инструмент, как брокерский счет, оказался востребован у 19% россиян, при этом активно им пользуются (пополняют и проводят другие операции) только 10% из них. Можно сделать вывод, что незначительная часть россиян демонстрирует сегодня устойчивые инвестиционные установки, в том числе на долгосрочную перспективу. Выше всего уровень инвестиционной активности отмечается у мужчин, представителей работающей молодежи до 34 лет с высшим образованием, проживающих в крупных городах и мегаполисах, имеющих проактивную установку и возможность откладывать / инвестировать. Однако в целом, как показали результаты исследования инвестиционной активности населения, данный показатель сегодня составляет 54 п. из 100 возможных, что свидетельствует о слабом использовании инвестиционных практик.

ВЫВОДЫ

Сберегательное поведение населения может рассматриваться как фундамент для трансфера сбережений населения в экономику, а в случае закрепления успешного опыта инвестиций оно способно обеспечивать повышение эффективности воспроизводства доверия в экономических отношениях. Исходя из этого нам представляется значимым использование следующих практик повышения эффективности сберегательного поведения населения.

1. Развитие сервисов дистанционного банковского обслуживания (например, интернет-банкинг).
2. Повышение прозрачности работы банковского сектора и обеспечение безопасного доступа клиентов к финансовой информации через цифровые онлайн-сервисы.

3. Расширение перечня антикризисных инструментов предотвращения финансовых шоков для населения, деформации сберегательных установок домохозяйств.

В ходе исследования нами делается вывод, что финансовая грамотность представляет собой стратегический ресурс воспроизводства доверия в экономике. Позитивные практики управления финансовыми активами, иллюстрирующие эффективность инвестиционных стратегий, формируют доверие как на макроуровне (к финансовым институтам), так и на микроуровне (к другим гражданам). В этом контексте нам представляется рациональным:

1. Оказание консультационных и образовательных услуг населению с целью расширения горизонтов использования инвестиционных продуктов, повышения осознанности в распоряжении личными средствами и повышения эффективности выбора инструментов для инвестирования.

2. Обеспечение взаимодействия государственных и коммерческих структур при разработке специализированных программ повышения общего уровня инвестиционной активности.

Можно сделать вывод, что склонность индивида к инвестированию своих средств определяется в первую очередь уровнем доверия к финансовым институтам, а не уровнем дохода. При этом отсутствие альтернативных финансовых инструментов не оказывает решающего влияния на развитие инвестиционных практик. В этой связи нам видится закономерным использование властными структурами комплексного подхода в части повышения эффективности сберегательного поведения и формирования финансовых активов домохозяйств как инструмента воспроизводства доверия в экономических отношениях.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета. Финансовый университет, Москва, Россия.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University. Financial University, Moscow, Russia.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова О.А. Обеспечение атмосферы доверия как условие экономического развития. *Экономическое возрождение России*. 2019;3(61):71–81.

2. Ильичева Л.Е., Кондрашов А.О., Лапин А.В. Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;(2):162–185. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1917
3. Аликперова Н.В. Факторы влияния на финансовое поведение населения России: эффект 3Д. *Народонаселение*. 2023;26(2):165–175. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.14
4. Кузина О.Е., Моисеева Д.В. Есть ли взаимосвязь между сберегательным поведением населения, доверием к финансовым институтам и установками на сбережение в современной России? *Экономическая социология*. 2024;25(3):51–100. DOI: 10.17323/1726-3247-2024-3-51-100
5. Печалова М.Ю. Трансформация инвестиционно-сберегательного поведения населения в условиях цифровизации и вызовов пандемии. *Экономика. Налоги. Право*. 2022;15(2):80–95. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-2-80-95
6. Трутенко Е.В., Конищев Е.С. Исследования доверия населения к финансовым институтам: актуальные проблемы и особенности оценки. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):140–145. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-140-145
7. Рогач О.В., Фролова Е.В. Использование механизмов инициативного бюджетирования: готовность населения и доверие к власти. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2023;17(2):48–59. DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-48-59
8. Белоновская А.М., Баландина Н.Г., Збировская Е.П. Институциональное доверие как фактор финансового благополучия домохозяйств: международные и национальные аспекты. *Вестник Московского университета МВД России*. 2015;12:244–248.
9. Литвин В.В. Доверие на финансовом рынке и стабильность российского банковского сектора: механизм взаимовлияния. *Финансовые рынки и банки*. 2023;6:102–111.
10. Алифанова Е.Н., Евлахова Ю.С. Влияние финансовой грамотности населения на развитие финансовых институтов и ключевых сегментов финансового рынка. *Terra Economicus*. 2012;10(3):115–120.

REFERENCES

1. Alexandrova O.A. Providing the atmosphere of trust as a condition of economic development. *Economic revival of Russia*. 2019;3(61):71–81. (In Russ.).
2. Ilyicheva L.E., Kondrashov A.O., Lapin A.V. Trust as a bridge over the uncertainty gap between the government and society. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2021;(2):162–185. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1917
3. Alikperova N.V. Factors of influence on the financial behavior of the population of Russia: The 3D effect. *Population*. 2023;26(2):165–175. (In Russ.). DOI: 10.19181/population.2023.26.2.14
4. Kuzina O.E., Moiseeva D.V. Is there a relationship between household saving behavior, trust in financial institutions and saving attitudes in contemporary Russia? *Journal of economic sociology*. 2024;25(3):51–100. (In Russ.). DOI: 10.17323/1726-3247-2024-3-51-100
5. Pechalova M. Yu. Transformation of the investment and savings behavior of the population in the context of digitalization and the challenges of the pandemic. *Economics, taxes and law*. 2022;15(2):80–95. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-2-80-95
6. Trutenko E.V., Konishchev E.S. Research on public confidence in financial institutions: Current problems and peculiarities of assessment. *Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):140–145. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-140-145
7. Rogach O.V., Frolova E.V. Development of participatory budgeting mechanisms as a tool for building public confidence in the authorities. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2023;17(2):48–59. (In Russ.). DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-48-59
8. Belonovskaya A.M., Balandina N.G., Zbirovskaya E.P. Institutional trust as a factor of financial well-being of households: International and national aspects. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;12:244–248. (In Russ.).
9. Litvin V.V. Evolution of the financial market: Concepts and mechanisms. *Finance and credit*. 2023;6:102–111. (In Russ.).
10. Alifanova E.N., Evlakhova Yu.S. An impact of financial competence of population on development of financial institutions and key segments of financial market. *Terra Economicus*. 2012;10(3):115–120. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Ольга Владимировна Рогач — доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Olga V. Rogach — Dr. Sci. (Soc.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

ovrogach@fa.ru

Елена Викторовна Фролова — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena V. Frolova — Dr. Sci. (Soc.), Prof., Prof. of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>

evfrolova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 6.09.2024; принята к публикации 21.10.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 6.09.2024; accepted for publication on 21.10.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-98-106
УДК 316.77:004.738.5(045)

Зарубежная практика использования гуманитарных технологий для формирования общественного сознания

Е.Н. Корнеева
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты оценки практик использования гуманитарных технологий для формирования общественного мнения на примере западных стран. Сделан вывод, что западные страны, схожие по характеристикам институциональной среды и степени доступности финансовых ресурсов, нацелены сегодня на удержание технического и экономического лидерства. Это, в свою очередь, требует формирования соответствующего поставленной цели типа общественного сознания посредством активного применения современных технологий, в результате чего общественное сознание населения западных стран меняется. Цифровое телевидение и интернет стали орудием порабощения, люди испытывают информационную перегрузку и психологический шок из-за быстрых перемен. В качестве инструментов воздействия на общественное сознание используются технологии экономической войны, активно пополняемые высокими гуманитарными технологиями, включающими в себя когнитивные искажения сознания и информационные технологии воздействия, затрагивающими элементы мировосприятия, сознания и подсознания. Дальнейшее опережающее развитие западной цивилизации представляется сомнительным в связи с превалированием в массовом сознании населения стран западной цивилизации деформации моральных и семейных ценностей, эгоизма и пресыщенности комфортом.

Ключевые слова: формирование общественного сознания; страны западной цивилизации; гуманитарные технологии; PR-технологии; технологии экономической войны; информационная перегрузка; деформации общественного сознания

Для цитирования: Корнеева Е.Н. Зарубежная практика использования гуманитарных технологий для формирования общественного сознания. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):98-106. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-98-106

ORIGINAL PAPER

The Use of Humanitarian Technologies for the Shaping of Public Consciousness in the Foreign Practice

E.N. Korneeva
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents the results of evaluating of using humanitarian technologies to shape public opinion using Western countries as an example. It is concluded that Western countries today are aimed at maintaining technical and economic leadership, which requires the formation of a type of public consciousness corresponding to this goal through the active use of modern technologies. As a result, the public consciousness of the population of Western countries is changing, digital television and the Internet have become a tool of enslavement, people are experiencing information overload and psychological shock due to rapid changes. Technologies of economic warfare are used as tools for influencing public consciousness, actively replenished with high humanitarian technologies, including cognitive distortions of consciousness and information technologies of influence affecting elements of worldview, consciousness and subconsciousness. Further advanced development of Western civilization seems doubtful due to the prevalence of deformation of moral and family values, egoism and satiety with comfort in the mass consciousness of the population of Western civilization. **Keywords:** formation of public consciousness; countries of western civilization; humanitarian technologies; PR technologies; technologies of economic warfare; information overload; deformations of public consciousness

For citation: Korneeva E.N. The use of humanitarian technologies for the shaping of public consciousness in the foreign practice. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024; 14(5):98-106. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-98-106

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Использование гуманитарных технологий для формирования общественного сознания за рубежом опирается на принятую в западном научном сообществе трактовку гуманитарных технологий как технологий помощи людям в чрезвычайных ситуациях. В рамках данного исследования мы используем более широкое понимание гуманитарных технологий как технологий пропаганды, манипуляции, социальных технологий, социального конструктивизма и инжиниринга, имеющих целью формирование человека посредством массовых коммуникаций. Мы считаем, что практики применения гуманитарных технологий в определяющей степени зависят от типа цивилизации. При этом набор кейсов и инструментов, характерный для цивилизаций западного типа, отличается от подобного же набора средств цивилизаций незападного типа, и универсальная оценка без учета цивилизационных особенностей вряд ли может быть получена.

Оценивая зарубежную практику использования гуманитарных технологий для формирования общественного сознания, мы будем опираться преимущественно на опыт западных стран. Под категорией «западные страны» мы имеем в виду группировку стран с исконно европейской общей культурой, что в первую очередь относится к различным нациям и государствам в регионах Западной Европы, Северной Америки и Австралии. Таким образом, термин «западные страны» разделяет страны на западные и восточные в зависимости от перспективы, а не от их географического положения.

Основные западные страны схожи по характеристикам институциональной среды, степени доступности финансовых ресурсов. При этом в США и Канаде рыночные механизмы сегодня работают более успешно, а современная Европа и особенно ее экономическое ядро (Германия, Великобритания, Франция, Италия и Испания) обладают более обширным ресурсным потенциалом.

Отметим преобладающее сегодня мнение, что Запад нацелен на удержание традиционного технического и экономического лидерства, и это определяет общественное сознание населения западных стран. Формированию такого общест-

венного сознания, соответствующего и способствующего лидерству, отводится роль главного организующего начала, на этот процесс выделяются значительные государственные и частные ресурсы.

На наш взгляд, следует принять точку зрения, согласно которой среди факторов, от которых зависит общественное сознание, определяющую роль играет, прежде всего, уровень развития производственных отношений, а также особенностей жизнедеятельности «гражданского общества в сфере государственной жизни» [1], в процессе совершенствования которых создавались и видоизменялись такие формы общественного сознания, как религия, культура, искусство, мораль, философия, право. Важнейшим теоретическим основанием при этом остается единство общественного бытия и общественного сознания [2].

Методология исследования основана на общих и специальных методах научного познания: методах эмпирического исследования (наблюдение, сравнение, сбор и изучение данных), текущего и перспективного анализа и синтеза теоретического и практического материала.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В составе факторов, определяющих общественное сознание, Л. И. Ольштынский называет «уровень науки, обобщение опыта общественной жизни, уровень образования людей, их личные впечатления и информацию — все информационное поле, существующее у данного народа в данное время, а ныне — информационное поле мирового сообщества (Интернет)» [3].

Однако помимо вышеназванных факторов следует особо отметить наличие и активное применение в западных странах технологий формирования общественного сознания. Объясняя причины и истоки образования подобных технологий, С. С. Царегородцев отмечает, что «развитие науки дает почву для рождения новых философских идей, которые в свою очередь становятся двигателем социальных преобразований в обществе. Философские трактаты читают немногие, значит, отвлеченные суждения должны пройти процесс переработки, преобразования, превращения в доступную массовому сознанию «продукцию», которую нужно «доставить» адре-

сату. Эти процессы «переработки» и «доставки» должны опираться на отработанные и отлаженные приемы и методы. В итоге совокупность идей, знаний, процессов, приемов и методов должна была бы образовать то, что принято называть термином «технология». Как вариант, подобную технологию условно можно было бы назвать технологией формирования общественного сознания» [4]. Данный тезис находит подтверждение у классика экономической теории Дж. М. Кейнса, по мнению которого «идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром» [5].

Подтверждением активного использования и динамичного развития технологий формирования общественного сознания в западных странах является возникновение и интенсивное развитие такой отрасли человеческой деятельности, как «связи с общественностью» или Паблик Рилейшнз (Public Relations — PR). Родиной PR по праву считается США, где в XVIII в. происходило создание гражданского общества, постоянное отслеживание общественного мнения, освободительная война, которая потребовала умения влиять на общественное мнение с целью привлечения общества на сторону восставших, прикрываясь освободительными лозунгами. Как пишет французский классик PR Филипп Буари, «начиная с эпохи Независимости, политическая традиция всегда связывала политическую «пропаганду» с жизнью американского гражданского общества. Впрочем, даже сама независимость была тщательно организована такими пропагандистами, как Самюэл Адамс и Т. Пейн, которые «спланировали» получение народной поддержки, используя для этого лозунги, зрелищные акции, манипулирование символами...» [6]. Начало практики современного пиара положил Айви Ли, написав серию публикаций в целях восстановления репутации Рокфеллера, а научная основа технологий PR была заложена Эдвардом Л. Бернейзом, убежденным, что PR представляет собой эффективный инструмент влияния на умы граждан посредством психологических методик.

Отметим, что европейские технологии формирования общественного сознания на начальном этапе находились под сильным влиянием американских подходов, однако позже начали

постепенно возникать собственные научные школы.

Характеризуя современное состояние отрасли связей с общественностью в западных странах, Е. А. Нечаева отмечает, что «сегодня же только в Америке PR-консалтингом занимаются более 5 000 компаний, и одним из наиболее значимых направлений в их деятельности является так называемый проблемный менеджмент, главной задачей которого является управление кризисами. Более 200 американских университетов выпускают таких специалистов. Количество PR-отделов по всему миру — огромное. В данной отрасли заняты около 250 тысяч рекламистов, 130 тысяч журналистов, 10 тысяч специалистов по коммуникациям» [7]. Сфера PR активно растет и меняется, среди трендов ее развития гармоничное дополнение классических медиа новыми и их сосуществование, развитие бизнесом собственных бренд-медиа, ESG-коммуникации и акцент на экологические и социально значимые инициативы.

События последних лет «демонстрируют стратегическую для развития общества роль коммуникаций, которая может быть как стабилизирующей, так и дестабилизирующей, ведущей общество к развитию или же к деградации. В коммуникационной среде определяются контуры будущего, самоопределяются и организуются сообщества, рождаются инновации, прирастает человеческий капитал»¹. Мы являемся свидетелями того, как стремительно развивающиеся коммуникационные технологии кардинально меняют положение бизнеса и власти. В такой ситуации технологии PR превратились в важные инструменты развития различных сфер экономики и общества в целом, поскольку благодаря им возможно формирование «повестки дня», управление общественным мнением.

PR-деятельность технологична, имеют место универсальные приемы и методы ее осуществления, которые не зависят от ее направления, специализации и сферы применения [8].

Под технологией следует понимать целенаправленные действия по изменению состояния какого-либо процесса посредством использования необходимых знаний и методов, поскольку система технологических знаний обеспечивает

¹ https://raso.ru/prof_standart?ysclid=lpkka5vvfc101900064

воспроизводимость получаемых результатов при условии выполнения определенной последовательности действий и использования необходимых средств деятельности. Основными признаками технологичности являются открытость, масштабируемость, тиражируемость, возможность переноса технологий в другие сферы деятельности.

Несмотря на универсальность понятия «технология», существует специфика его применения в отношении конкретных областей человеческой деятельности. В частности, в сфере PR под технологией понимают определенную последовательность действий по управлению коммуникациями субъекта PR с его целевой аудиторией. Выделяют следующие виды коммуникативных PR-технологий [9]: технологии управления имиджем и репутацией; политические технологии связей с общественностью; технологии кризисных связей с общественностью.

Специалисту по связям с общественностью и журналисту для влияния на общество необходимо умение включаться в доминирующие медиадискурсы, поскольку они являются мобилизующим рычагом для целевых аудиторий, трансформируя мнения и представления людей. Эффективность мобилизационных технологий может зависеть, с одной стороны, от владения специалистами по связям с общественностью, политтехнологами и рекламистами медийными компетенциями, с другой — состоянием общественного сознания в конкретном обществе и у его конкретных целевых аудиторий.

В современных условиях общественное сознание населения западных стран, формирующееся через взаимодействие индивидуумов и имеющее источником их сознания, меняется посредством воздействия цифровой среды. По мнению Л. И. Ольштынского, новый этап технологической революции «дал эффективные средства передачи информации и ее воздействия на сознание и психологию человека — TV, Интернет. Развитие науки психологии предоставило возможность разработать формы информации, способной управлять психикой и мышлением человека. Сочетание такой информации с TV и Интернетом стало инструментом зомбирования человеческого сознания, управления эмоциями и поведением людей. Это стало трагедией человечества. Телевидение и Интернет из «чуда» превратилось в «чудовище», в средство управ-

ления человеком, средство его порабощения»².

Воздействие современной западной киноиндустрии на формирование общественного сознания как в странах Запада, так и во всем мире трудно переоценить. Анализируя влияние американского кино на общественное мнение о США, научный сотрудник Сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований НИИ МЭиМО РАН У.З. Артамонова приходит к выводу, что, хотя вопрос осознанности симбиоза кино и политики остается дискуссионным, «можно говорить о сложившейся системе, при которой кинематограф США работает в рамках самоцензуры, превращая часть его продукции в инструмент влияния внутри и за пределами страны» [10]. Автор отмечает, что «популярная культура в целом, и кино в частности, — это, в рамках концепции «мягкой силы» Дж. Ная, один из трех основных источников привлекательности США (два других источника — международное право и институты, а также американские транснациональные корпорации). [...] Для эффективности публичной дипломатии государства крайне важна возможность охватить широкую иностранную аудиторию, чтобы донести до как можно большего числа людей конкретный посыл. В этой связи кинематограф является весьма эффективным инструментом, так как американские фильмы стабильно доминируют на мировом рынке. Прибыль от зарубежного проката составляет более половины общего дохода киноиндустрии США» [10].

Среди технологий формирования общественного сознания цифровые PR-технологии, безусловно, играют ведущую роль, обусловленную возможностью доступа и широтой охвата носителей индивидуального сознания, а также быстрой адаптацией и применением достижений научно-технического прогресса.

Стремительный рост масштабов применения цифровых коммуникаций для воздействия на общественное сознание актуализировал саму постановку вопроса о его сути и современных формах проявления, а также о его взаимосвязи с различными аспектами общественной жизни-

² Л. И. Ольштынский. Мировое сообщество в новых условиях бытия и сознания начала XXI века. 2021. URL: <https://csruso.ru/nashi-university/istorija/1-i-olshtynskij-mirovoe-soobshhestvo-v-novyh-uslovijah-bytija-i-soznaniya-nachala-xxi-veka/?ysclid=m11zftrh9f294707387>

деятельности. Основное внимание в практике исследований уделяется технологиям управления и манипулирования мнениями, настроениями, мировоззрением.

Сегодня в западных странах пристальное внимание уделяется изучению радикального влияния на общественное сознание цифровых технологий, интернет-коммуникаций, разного рода виртуальных форм взаимодействия. Многие исследователи на Западе анализируют развитие сетевых, цифровых, виртуальных сообществ с присущим им массовым сознанием, тем самым формируя теоретический и инструментальный фундамент применения технологий формирования общественного сознания [11–14].

В западной практике изучения общественного сознания в современных условиях наблюдается более интенсивное использование технологий анализа «больших данных», без которых сейчас уже практически немыслимо сколько-нибудь серьезное исследование всего того, что связано с сетевыми сообществами и цифровыми формами взаимодействия.

Среди технологий, применяемых для манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве, широко применяются методы: «повторения; наклеивания ярлыков; «спирали молчания»; утечки секретной информации; семантического манипулирования; «общего вагона»; управляемого искажения фактов»³.

По мнению исследователя интернет-манипуляций в сетевом пространстве Л.Х. Ибрагимова, «интернет-пространство превратилось в глобальное поле применения манипулятивных технологий со стороны различных политических акторов» [15]. Следует признать, что изучение зарубежных технологий воздействия на общественное сознание будет полезно для выработки подходов и механизмов защиты граждан страны от манипуляционных воздействий со стороны внешнеполитических акторов.

Общественное сознание формируется также через поощрение определенных видов экономической деятельности. Идеи становления зеленой экономики, развития альтернативной энергетики, уменьшения зависимости Запада от энергетиче-

ских ресурсов цивилизаций незападного типа, а также расширения сфер экономического влияния повсеместно внедряются в общественное сознание. Так, российский политолог, проректор Государственного академического университета гуманитарных наук В.В. Сутырин отмечает, что во внешней политике ЕС отчетливо прослеживаются тенденции, связанные с расширением гуманитарных инструментов влияния на сопредельные страны. В своей статье В.В. Сутырин делает вывод, что «ЕС создает инструменты влияния за пределами своих границ путем «выращивания» в странах периферии организаций неправительственного сектора в собственных внешнеполитических интересах. Это способствует закреплению асимметричных отношений между Евросоюзом и приграничными странами» [16]. Среди конкретных инструментов и уровней влияния ЕС на общественные процессы в странах периферии В.В. Сутыриным выделены: экономическая экспансия на восток за счет заключения соглашений об Углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (DCFTA) с Грузией, Молдавией и Украиной; финансирование гражданских институтов (11,3 млрд евро или 1,7% бюджета ЕС в 2014–2017 гг.); формирование разветвленной гуманитарной инфраструктуры влияния, включающей общественные организации, их ресурсы и методы работы; программа академической мобильности Erasmus (бюджет 16,3 млрд евро на 2014–2020 гг. охватывает 4 млн участников), программа научных исследований Horizon 2020 (80 млрд евро на 2014–2020 гг.). Стратегическим курсом при этом был и остается курс на продвижение своей политической системы и расширение сферы влияния.

Существенную роль в формировании общественного сознания населения западного мира играет создание соответствующего собственным интересам представления о странах незападной цивилизации. Изучая стереотипы о России в массовом сознании жителей стран Запада, А.М. Рюмин отмечает, что «на формирование адекватного образа существенное влияние оказала информационная война, проводимая Западом против России» [17]. Автор делает вывод об основных составляющих образа современной России, существующего в массовом сознании жителей стран Запада», среди которых: ксенофобия ее населения; антидемократичность и тоталитаризм государства; нецивилизованность

³ Володенков С.В. Управление современными политическими кампаниями. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки ВПО 030200 «Политология». Москва: Издательство Московского университета; 2012. 312 с.

и незнание норм деловых взаимоотношений; техническая и технологическая неразвитость; слабость в военном отношении, сочетающаяся с агрессивностью и неконкурентоспособностью России как участника международных отношений» [17].

Анализируя массовое сознание и те изменения, которые оно претерпело за последние столетия, доктор философских наук, профессор Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева Л. И. Пахарь делает вывод, что «в странах западной демократии в массовом сознании превалирует деформация моральных и семейных ценностей, эгоизм, эйфория превосходства над остальными нациями, пресыщенность комфортом, гипертрофированное представление о правах человека и т.п. Это указывает на тупиковый путь дальнейшего развития западной цивилизации» [18]. Впервые на упадок западной цивилизации указал О. Шпенглер в своей книге «Закат Европы» в 1918 г., где он критикует образ жизни и систему ценностей европейцев, урбанизацию и гонку за техническим прогрессом, препятствующие развитию культуры.

Оценивая результат трансформации общественного сознания, Л. И. Пахарь пишет, что «научно-технический прогресс и внедрение информационных технологий и цифровизации не способствовали улучшению духовной атмосферы в западном обществе, скорее, наоборот, привели к негативным изменениям в массовом сознании и поведении индивидов. Это, по-видимому, связано с тем, что научно-технический прогресс, двигаясь слишком быстрыми темпами, не успевает выработать и сформировать соответствующий ему уровень общественного сознания. Люди не в состоянии быстро адаптироваться к новым условиям, испытывают психологический дискомфорт и реагируют на него нравственной деградацией» [18].

Подтверждение вышеизложенному мнению мы находим у американского футуролога Э. Тоффлера, который вводит термин «шок будущего» как определенное психологическое состояние отдельных людей и целых обществ, как следствие «слишком большого количества перемен за слишком короткий промежуток времени» [19]. Аргументируя свою идею, Э. Тоффлер описывает феномен «информационная перегрузка», подразумевая под этим стремительный рост объема информации, в том числе и оседающей в созна-

нии и подсознании людей из-за частой смены работы, места жительства, технологий и т.п.

Помимо информационной перегрузки и необходимости перманентно адаптироваться к быстрым переменам общественное сознание подвергается воздействию всевозможных информационных и экономических конфликтов и войн, организованных в ходе конкурентной борьбы цивилизаций.

Изучение когнитивных технологий экономических войн позволило директору Центра научно-методологического сопровождения стратегического планирования РЭУ им. Г. В. Плеханова, доктору экономических наук О. О. Смирновой сделать вывод, что «экономические войны были всегда, на всем протяжении истории человечества. Цели были одни. Менялся только инструментарий: от «континентальных блокад» до технологического шпионажа, манипуляций на товарных и финансовых рынках, деятельности международных организаций и рейтинговых агентств и санкционного давления» [20]. Среди инструментов и технологий современной экономической войны автор выделяет так называемые высокие гуманитарные технологии (high-hum), в числе которых «когнитивные искажения сознания с инструментарием репрессивной десублимации и информационные технологии воздействия» [20]. Действительно, на современном этапе инструментарий экономических войн становится все более разнообразным, затрагивающим элементы мировосприятия, сознания и подсознания. Так, при формировании общественного сознания в практике западных стран активно используются технологии нейрофизиологии.

ВЫВОДЫ

Таким образом, оценивая практику использования гуманитарных технологий на общественное сознание в западных странах, мы приходим к следующим выводам:

- использование гуманитарных технологий для формирования общественного сознания за рубежом опирается на принятую в западном научном сообществе трактовку гуманитарных технологий как технологий помощи людям в чрезвычайных ситуациях;
- зарубежное использование гуманитарных технологий оценивается для категории «западные страны», включающих группировку стран с исконно европейской общей культурой (ре-

гионы Западной Европы, Северной Америки и Австралии), схожих по характеристикам институциональной среды, степени доступности финансовых ресурсов, независимо от их географического положения;

- западные страны сегодня нацелены на удержание традиционного технического и экономического лидерства, для достижения этой цели активно применяются технологии формирования общественного сознания;
- подтверждением активного использования и динамичного развития технологий формирования общественного сознания в западных странах является возникновение и интенсивное развитие такой отрасли человеческой деятельности, как «связи с общественностью» или PR;
- общественное сознание населения западных стран меняется сегодня посредством

воздействия цифровой среды, активно финансируемые цифровое телевидение и интернет стали орудием порабощения, люди испытывают информационную перегрузку и психологический шок из-за быстрых перемен;

- инструментами воздействия на общественное сознание остаются технологии экономической войны, активно пополняемые высокими гуманитарными технологиями, включающими в себя когнитивные искажения сознания и информационные технологии воздействия, которые затрагивают элементы мировосприятия, сознания и подсознания;
- дальнейшее развитие западной цивилизации представляется сомнительным в связи с превалированием в массовом сознании населения стран западной демократии деформации моральных и семейных ценностей, эгоизма и пресыщенности комфортом.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета. Финансовый университет, Москва, Россия.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of the research carried out at the expense of budgetary funds to the Financial University for the state task. Financial University, Moscow, Russia.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зырянова Я.А., Емец И.А. Общественное сознание и общественное мнение в ракурсе диалектико-материалистического понимания истории К. Маркса и Ф. Энгельса. *Культура и цивилизация*. 2020;12(2):61–66.
2. Богданов А.А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. Москва: Книжное издательство писателей в Москве; 1914. 203 с.
3. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга; 2001. 496 с.
4. Царегородцев С.С. К вопросу о технологии формирования общественного сознания. *Социально-гуманитарные знания*. 2018;(1):237–246.
5. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. Пер. с англ. Любимова Н.Н., Москва: Гелиос АРВ; 2011, 350 с.
6. Буари Ф.А. Паблик рилейшнз, или Стратегия доверия. Пер. с франц. Москва: Имидж-Контакт; Инфра-М; 2001. 178 с.
7. Нечаева Е.А. Зарождение и развитие PR в зарубежном социуме. *Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ*. 2009;(4):172–180. <https://www.isuct.ru/e-publ/vgf/sites/ru.e-publ.vgf/files/2009/vgf-2009-04-172.pdf>
8. Каминская Т.Л., Корнеева Е.Н. Современные технологии связей с общественностью в политике и бизнесе. Москва: КноРус; 2024. 163 с.
9. Гринберг Т.Э. Коммуникационная концепция связей с общественностью: модели, технологии, синергетический эффект. Москва: Издательство Московского университета; 2012. 324 с.
10. Артамонова У.З. Американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2020;(2):110–122. DOI: 10.20542/afj-2020-2-110-122
11. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Пер. с англ. Матвеева А. под ред. Харитонов В. Екатеринбург: У — Фактория; 2004. 327 с.

12. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с нем. Шачин С.В., под ред. Складнева Д.В. Санкт-Петербург: Наука; 2001. 380 с.
13. Doyle G. Understanding media economics. London: Sage; 2013. 232 p.
14. Rheingold H. The Virtual community. Cambridge, Massachusetts: MIT Press; 2000. 480с.
15. Ибрагимов Л.Х. Технологии интернет-манипуляции в сетевом пространстве политики. *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2015;8(2):34–40.
16. Сутырин В.В. Гуманитарные инструменты во внешней политике ЕС (на примере восточного партнерства). *Современная Европа*. 2020;(5):99–110. DOI: 10.15211/soveurope5202099110
17. Рюмин А.М. Современные стереотипы о России в массовом сознании жителей стран Запада. Дис. ... канд. социологических наук. 2012. 149с.
18. Пахарь Л.И. Изменения в массовом сознании современного общества. *Философская мысль*. 2020;(10):1–16. DOI: 10.25136/2409–8728.2020.10.33051
19. Тоффлер Э. Шок будущего. Пер. с англ. Москва: ООО «Издательство АСТ»; 2002. 557 с.
20. Смирнова О.О. Когнитивные технологии экономических войн. *Теневая экономика*. 2023;7(4):369–390. DOI: 10.18334/tek.7.4.120343

REFERENCES

1. Zyryanova Ya.A., Emets, I.A. Public consciousness and public opinion in the context of the dialectical-materialistic understanding of history by K. Marx and F. Engels. *Culture and Civilization*. 2020;1212):61–66. (In Russ.).
2. Bogdanov A.A. Science of public consciousness. A short course in ideological science in questions and answers. Moscow: Knizhnoe izdatel'stvo pisatelej v Moskve 1914. 203 p. (In Russ.).
3. Olshansky D.V. Fundamentals of political psychology. Yekaterinburg: Business Book, 2001. 496 p. (In Russ.).
4. Tsaregorodtsev S.S. On the issue of the technology of forming public consciousness. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2018;(1):237–246. (In Russ.).
5. Keynes J.M. The general theory of employment, interest and money. Transl. from Eng. Lyubimov N.N. Moscow: Gelios ARV; 2015. 350 p. (In Russ.).
6. Boiry P.A. Relations publiques: ou la strategie de la confiance [Public relations: or the strategy of trust]. Moscow: Imidzh-Kontakt; Infra-M; 2001. 178 p. (In Russ.).
7. Nechaeva E.A. The origin and development of PR in foreign society. *Bulletin of the Humanities Institute of ISUCT*. 2009;(4):172–180. (In Russ.). <https://www.isuct.ru/e-publ/vgf/sites/ru.e-publ.vgf/files/2009/vgf-2009-04-172.pdf>
8. Kaminskaya T.L., Korneeva E.N. Modern technologies of public relations in politics and business. Moscow: KnoRus; 2024. 163 p. (In Russ.).
9. Grinberg T.E. Communication concept of public relations: models, technologies, synergistic effect. Moscow: Moscow University Press; 2012. 324 p. (In Russ.).
10. Artamonova U.Z. American cinema as an instrument of the US public diplomacy. *Analysis and forecasting. IMEMO Journal*. 2020;(2):110–122. (In Russ.). DOI: 10.20542/afij-2020-2-110-122
11. Castells M. The internet Galaxy. Transl. from Eng. Matveeva A. In: Kharitinov V., editor. Ekaterinburg: U-Faktoriya; 2004. 327 p. (In Russ.).
12. Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln [Moral consciousness and communicative action]. Transl. from Ger. Shatchin S.V. In: Sklyadnev D.V., editor. 2001. 380 с. (In Russ.).
13. Doyle G. Understanding media economics. London: Sage; 2013. 232 p.
14. Rheingold H. The Virtual community. Cambridge, Massachusetts: MIT Press; 2000. 480с.
15. Ibragimov L. Kh. Internet manipulation technologies in the network space of politics. *Problem analysis and public administration projection*. 2015;8(2):34–40. (In Russ.).
16. Sutyurin V.V. Humanitarian instruments in EU foreign policy (the case of Eastern Partnership). *Modern Europe*. 2020;(5):99–110. (In Russ.). DOI: 10.15211/soveurope5202099110
17. Ryumin A.M. Modern stereotypes about Russia in the mass consciousness of residents of Western countries. Diss. Cand. Sci. (Social). 2012. 149 p. (In Russ.).
18. Pakhar L.I. Changes in collective consciousness of modern society. *Philosophical thought*. 2020;(10):1–16. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409–8728.2020.10.33051

19. Toffler A. Future shock. Trans. from English. Moscow: ООО “Izdatelstvo AST”; 2002. 557 p. (In Russ.).
20. Smirnova O.O. Cognitive technologies of economic wars. *Shadow economy*. 2023;7(4):369–390. (In Russ.). DOI: 10.18334/tek.7.4.120343

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Елена Николаевна Корнеева — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных технологий и социального инжиниринга, Финансовый университет, Москва, Россия
Elena N. Korneeva — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Senior Research Fellow, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2735-6299>
enkorneeva@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 6.09.2024; принята к публикации 21.10.2024.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article received on 6.09.2024; accepted for publication on 21.10.2024.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-107-115

УДК 316.334.52:352(470.311)(045)

Качество жизни как фактор легитимации результатов муниципальной реформы (на материалах Московской области)

А.Н. Зубец, Н.А. Пономарев, П.С. Селезнев
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется вопрос о роли качества жизни как фактора обеспечения легитимации результатов муниципальной реформы на примере Московской области. Авторы раскрывают вопрос на основе анализа данных экспертных интервью относительно качества жизни и динамики данного показателя на территории таких муниципальных образований, как Сергиев Посад, Королёв и Дмитровский округ. В качестве теоретического фундамента исследования выступила концепция легитимности П. Бергера и Т. Лукмана. Авторы приходят к выводу, что для указанных муниципалитетов характерен достаточно высокий уровень качества жизни. Динамику этого показателя после преобразования соответствующих территорий в городские округа характеризует наличие ряда значимых позитивных тенденций. Но в то же время отмечается наличие факторов, частично сглаживающих позитивный эффект перемен. Близость к столице задает высокий уровень маятниковой миграции и обеспечивает регулярное появление большой массы туристов и дачников. Как результат, трансформируются стандарты качества жизни местного населения, представители которого рассматривают уровень потребления москвичей как эталон. Помимо того, сохраняются структурные проблемы в области здравоохранения, ЖКХ и транспорта, относящиеся к сфере компетенции органов государственной власти. За счет этого роль ключевой детерминанты легитимации муниципальной реформы и ее результатов приобретает качество работы не столько муниципальных, сколько региональных и федеральных властей.

Ключевые слова: качество жизни; муниципальная реформа; легитимация; Московская область; городские округа

Для цитирования: Зубец А.Н., Пономарев Н.А., Селезнев П.С. Качество жизни как фактор легитимации результатов муниципальной реформы (на материалах Московской области). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):107-115. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-107-115

ORIGINAL PAPER

Quality of Life as a Factor in the Legitimization of the Results of Municipal Reform (Based on the Materials of the Moscow Oblast)

A.N. Zubets, N.A. Ponomarev, P.S. Seleznev
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the role of quality of life as a factor in ensuring the legitimization of the results of municipal reform using the Moscow Region as an example. The authors reveal the issue based on the analysis of expert interview data regarding the quality of life and the dynamics of this indicator in the territories of such municipalities as Sergiev Posad, Korolev and Dmitrovsky District. The concept of legitimacy by P. Berger and T. Lukman served as the theoretical basis for the study. The authors conclude that the specified municipalities are characterized by a fairly high level of quality of life. The dynamics of this indicator after the transformation of the corresponding territories into urban districts is characterized by the presence of a number of significant positive trends. But at the same time, there are factors that partially smooth out the positive effect of changes. The proximity to the capital sets a high level of pendulum migration and ensures the regular appearance of a large mass of tourists and summer residents. As a result, the standards of quality of life of the local population are transformed, whose representatives consider the level of consumption of

Muscovites as a standard. In addition, structural problems in the field of health care, housing and communal services, and transport, related to the competence of public authorities, remain. Due to this, the quality of work of not so much municipal as regional and federal authorities acquires the role of a key determinant of the legitimization of municipal reform and its results.

Keywords: quality of life; municipal reform; legitimization; Moscow oblast; urban districts

For citation: Zubets A.N., Ponomarev N.A., Seleznev P.S. Quality of life as a factor in the legitimization of the results of municipal reform (based on the materials of the Moscow oblast). *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024; 14(5):107-115. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-107-115

ВВЕДЕНИЕ

Муниципальная реформа 2014–2020 гг. представляла собой наиболее масштабную попытку реформирования системы местного самоуправления на региональном уровне в истории современной России. Если в начале процесса преобразований в состав региона входили 36 городских округов, то к моменту его завершения их число выросло до 60. Реформирование системы муниципалитетов проходило небезболезненно и зачастую сопровождалось массовыми протестами, включая проведение скоординированных акций общерегионального уровня. Естественным следствием этого стало снижение уровня легитимности результатов проведенных реформ. Устранение данной проблемы предполагало необходимость формирования аргументации, пригодной для того, чтобы объяснить и оправдать реформу на максимально доступном для подавляющего числа жителей уровне. В качестве ее основы вполне обосновано была выделена динамика качества жизни населения [1; 2].

Однако аргументация, используемая властями в рамках легитимации реформы и ее результатов, исследовалась по большей части в рамках изучения образа будущего, продвигаемого представителями публичной власти. Обратная связь в виде восприятия гражданами качества жизни на подвергшихся преобразованиям территориях исследовалась преимущественно фрагментарно [3; 4; 5].

Целью представленного исследования является оценка качества жизни и его динамики в подвергнутых реформированию муниципалитетах Московской области в качестве фактора легитимации процесса преобразования административно-территориального деления и его результатов.

Методология исследования выстраивается за счет комбинирования дескриптивного анализа, кейс-стади и экспертного опроса.

В рамках исследования было опрошено 15 экспертов. Формирование пулла экспер-

тов проходило за счет использования метода «снежного кома».

В число кейсов исследования вышли три разных по типу экономико-географического положения муниципалитета, прошедшие через процесс преобразования — округа Сергиев Посад, Дмитровский и Королёв.

Роль теоретической базы исследования выполняет концепция легитимации П. Бергера и Т. Лукмана, в соответствии с которой в ходе данного процесса политическим явлениям не только придается нормативный характер, но также происходит «объяснение и оправдание» формируемого институционального порядка [6].

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В СЕРГИЕВОМ ПОСАДЕ

Экономическое развитие муниципального образования выстраивается вокруг развития туристической сферы. Ее основой выступает бренд Троице-Сергиевой Лавры. Увеличение доходов от туризма рассматривается местными элитами как один из основных источников средств, которые в перспективе позволят решить инфраструктурные проблемы муниципалитета.

«...мы же врата «Золотого кольца». Постоянно какие-то культурные мероприятия такого плана... это же огромные инвестиции, огромное количество людей привлекаются. ...Во всяком случае, размах этих мероприятий, привлечение туда бизнеса, торговли, музеев, игрушечников — это же все развитие, люди получают какой-то экономический рост. Поэтому такого плана мероприятия последние три года развиты».

«Земля, инвестиции привлекаются, какие-то предприятия строятся. Но, самое такое, наверное, сейчас у них то, что на поверхности они хотят центр города изменить, есть такой проект «Русский Ватикан». Сделать его именно для туристов привлекательным центром, православным центром России».

«Если мы говорим о создании центральной пешеходной дороги, о развитии всех объездных дорог, о переносе вокзала, может быть, о строительстве своего мини-аэропорта какого-то. О серьезных изменениях... в системе ЖКХ... это наши перспективы. И, конечно, они твердо завязаны с нашей Лаврой. От этого отступать нельзя».

Местным властям также удалось привлечь инвесторов, заинтересованных в развитии на территории муниципалитета индустриальных производств. Однако в целом роль промышленных предприятий в локальной экономике продолжает падать.

«...есть в Загорске трубный завод. Негатив был по отношению к нему, когда люди не могли устроиться на завод, потому что у нас нет таких профессий в Сергиевом Посаде трубопрокатных. ...А теперь запускаются факультеты в училищах трубопрокатные. То есть люди, наши жители, смогут с образованием идти работать спокойно на производство ...».

«У нас нет больших градообразующих предприятий, которые нам миллиарды налогов в бюджет вольют. У нас, к сожалению, этого нет. Хотелось бы, но пока нет».

Одновременно эксперты отмечают рост масштабов качества строительства объектов транспортной и социальной инфраструктуры.

«Западный объезд, который построен. ...Очень здорово. Это наш деулинский объезд. Эстакада и все, что с этим связано. И плюс еще объездные пути, которые сейчас к ним примыкают. Это, наверное, событие прошлого года, действительно».

«Сейчас стало в разы лучше. Минтранс проводил исследование, нам предоставили данные, что снижение трафика в среднем на 10% [благодаря объездной дороге]. Это существенное снижение».

«Ждем завершения строительства новой школы. Огромная, на 1100 мест в Северном поселке. ...Два детских сада, которые открылись, тоже плюс. ... Пять новых больших губернаторских площадок современных с резиновым покрытием».

«...по программам губернатора, по ремонтам подъездов там — ну работы-то проводятся огромные. Она буксовала в 2016–2017 годах очень сильно ... Сейчас 2019 год был уже намного продуктивнее по ремонту тех же подъездов».

«...даже наш взять город Пересвет, у нас площадь Защитника Отечества. Полная реконструкция. Площадь Пухова, в этом году будет. Капитальный ремонт Дворца культуры. Капиталь-

ный ремонт бассейна «Чайка». Построился у нас Ледовый дворец. Построился бассейн в Ремаше. Будет строиться Ледовый дворец ближе к Хотьково. Потом. Искусственное футбольное поле в Краснозаводске. Искусственное футбольное поле у нас в Пересвете. Тридцать миллионов стоит».

Неоднозначно оценивается ситуация с расселением ветхого жилья. Отмечается, что эта проблема сохраняет актуальность для муниципального образования в течение многих лет. По сравнению с предшествующим периодом наметился ощутимый прогресс в ее решении, однако темпы расселения остаются весьма низкими.

«Сейчас, получается, мы расселяем и «Лакокраску» на Московском шоссе и рабочий поселок — это старейшие, сами по себе временные дома были, бараки. И расселение происходит.

«...что касемо расселения жилья именно со стороны администрации, которые мы строили. Раньше эта программа буксовала просто пострашному. ...Конечно, людям хочется, чтобы выселили и заселили здесь же где-нибудь. Но такого не бывает. Бывает, люди не соглашаются, ждут какого-то лучшего варианта».

«Хотелось бы, конечно, как везде, чтобы побыстрее, побольше. Чтобы это расстояние от признания дома ветхим до переселения в новое жилье было не 5, не 10 лет, а год-два-три. ...Но программа эта работает».

Проблемное поле муниципального образования включает в себя, помимо затруднений с расселением ветхого жилья, такие элементы как:

- высокая степень износа инфраструктуры ЖКХ, в первую очередь — теплосетей, водопроводных труб и очистных сооружений;
- большое количество неоформленных объектов дорожной инфраструктуры и ЖКХ;
- наличие задолженности предприятий ЖКХ перед ресурсоснабжающими организациями;
- низкая доступность медицинских услуг, нехватка узких специалистов и медикаментов;
- дефицит рабочих мест с удовлетворительным уровнем оплаты труда и порождаемая им маятниковая миграция;
- концентрация работ по благоустройству преимущественно в центральной части Сергиева Посада;
- состояние бывших военных городков и иных поселений, прежде содержавшихся Министерством обороны;

- сбои в работе регионального оператора по обращению с ТКО;
- низкая бюджетная обеспеченность муниципалитета, в том числе препятствующая полноценному устранению недостатков, выявляемых посредством портала «Добродел».

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В ДМИТРОВСКОМ ОКРУГЕ

Экономическое развитие муниципального образования во многом определяет близость к Москве. Дмитров является крупным центром для любителей лыжного отдыха, что обеспечивает стабильный и существенный по масштабам приток туристов в зимний период. Количественные оценки размеров турпотока, данные экспертами, представляются все же завышенными. Вблизи города также расположено множество садовых товариществ, что обеспечивает в летний период значительный поток дачников из столицы. Помимо позитивных моментов это влечет за собой и негативные явления, в первую очередь — рост стоимости товаров и услуг.

«Москвичи приехали, мы снимаем на полгода. На зимний сезон. Вопросов нет. Бизнес этот отлаженный. ...А зимой посмотри на дороги, пробки из одних лыжников. Тоже до миллиона человек выезжают. У нас же курорт экстра-класса. Горки битком забиты. Зайди вон в Сарачаны. Парковок не хватает, на обочинах машины стоят. Здесь же еще многие построили частные дома, но не живут в них, а тупо сдают. Под гостиницы. Делают бизнес».

«У нас городок маленький, но рядом с Москвой. И вокруг очень много садовых товариществ, которые летом подъезжают. Не знаю точно, но летом тут миллион человек точно приезжает. И всем им надо куда-то сходить, отдохнуть».

«Все квартиры снимаются на год вперед. Гостиниц не хватает. Те, кто здесь купил квартиры, шоколадно себя чувствуют».

У городского округа имеется нереализованный туристический потенциал, связанный с наличием музея и памятников архитектуры. Однако его использованию препятствует отсутствие пассажирского порта, обусловленное во многом задержками с утверждением генерального плана Дмитрова.

«Музей у нас интересный. Но там есть проблема. Летом там была пристань, причаливали корабли, люди выходили, садились в автобусы и делали

экскурсию по городу. У нас же что посмотреть, монастырь. ... Есть еще один — Борисоглебский. Есть Успенский собор. Посмотреть есть что, но плохо организованы туристические маршруты. Пристань надо сделать, разваливается, это тоже давно в проектах было — сделать пассажирский порт. Народ ждет предпринимателей, но до сих пор Генплан не утвержден. Все переносится и переносится дата. А это важно, из-за этого инвестиционный и строительный бизнесы придерживаются коней — не знают, что будет, где будет, как...».

Отмечается существенное снижение масштабов жилищного строительства, обусловленное общей экономической конъюнктурой.

«У нас крайне низкое строительство жилья. Раньше много строили, а сейчас на весь округ один-два дома в год. Мало строят, мало квартир покупают. Зажались экономически».

Среди позитивных изменений, фиксируемых на территории муниципального образования, эксперты отмечают:

- существенное сокращение очередей в детских садах;
 - погашение долгов перед поставщиками газа.
- «...очаги [протеста] у нас были по поводу полигона. Он уже выработал свой срок, и все жители очень переживали, что его не закроют. И начнется рекультивация. Его закрыли, и экологический такой пласт негодования жителей исчез».*

«Очереди в детские сады есть, но они санируются. Но такой проблемы, как раньше, когда у родителей это была просто головная боль, уже нет. Сейчас очереди есть, но в терпимом режиме».

«...мы долги за газ закрыли. У нас теперь нет долгов. А до этого всю жизнь жили с долгами. Долг у нас дорастал до 480 миллионов. А в критический момент — полмиллиарда. Представляете, до чего мы дожили? А сейчас — ноль долгов. И это нам дает надежду, что мы порешаем вопрос с водой».

Проблемное поле муниципального образования формируют:

- состояние очистных сооружений и отсутствие необходимого количества работающих станций обезжелезивания;
- высокий уровень износа инфраструктуры ЖКХ;
- низкое качество работы регионального оператора по вывозу мусора и обращению с ТКО, рост соответствующих тарифов и нехватка полигонов;
- пробки на автотранспортных магистралях;

- нехватка школ и сохранение второй смены как результат жилищной застройки без создания объектов социальной инфраструктуры;
- дефицит педагогических кадров в школах;
- нехватка узких специалистов в государственных медицинских учреждениях, проблемы с доступом к медицинским процедурам, в отдельных случаях — нехватка материалов и медикаментов;
- необходимость для инвалидов получать часть лекарственных препаратов в соседних муниципальных образованиях;
- маятниковая миграция квалифицированных технических специалистов, частичная утрата ими ряда профессиональных навыков;
- неудовлетворительное состояние городских зон отдыха;
- нехватка культурных и досуговых учреждений.

Элементы проблемного поля Дмитровского городского округа по большей части относятся к числу негативных моментов, общераспространенных среди муниципальных образований Московской области. Значительная их часть лежит вне сферы компетенции муниципальных властей. Их устранение либо купирование требует от руководства муниципалитета тесной кооперации с региональными и федеральными органами власти.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В КОРОЛЁВЕ

Экономическое развитие территории во многом определяют три фактора — наличие крупных предприятий оборонно-промышленного комплекса, имеющих федеральное значение, реализация на территории округа всех нацпроектов и близость расположения к Москве.

Первые два фактора обуславливают достаточно высокий рост экономической активности, третий способствует развитию деvelopeмента, но в то же время поддерживает высокий уровень маятниковой миграции и способствует оттоку квалифицированных кадров из ряда сфер. Близость к столице способствует тому, что местные жители используют в качестве эталона социально-экономического благосостояния уровень жизни в Москве.

«...в Королеве сложная ситуация: там же все вот эти предприятия градообразующие, они же все федеральные...».

«Плюс большой развитый оборонный комплекс, оборонные предприятия там. Кадры, работающие на “оборонке”».

«Земля [является значимым ресурсом], как и везде в МО. Близко к МКАДу. Т.е. цена земли и расстояние. Транспортная доступность».

«...слава Богу, у нас еще все национальные проекты на территории».

«Достаточно много [жителей работают в Москве], как все примкадные территории».

«...в Москву уехали, поработали, приехали, ну в выходные ездили походить и ладно».

«...люди видят и считают, что это положительно, но кто-то считает, может быть, недостаточно динамично происходит, вот, типа в Москве лучше. С Москвой всегда сравнивают все».

Среди позитивных изменений, фиксируемых на территории муниципального образования, эксперты отмечают:

- расширение территории школ и увеличение числа детских садов;
- успехи в области благоустройства и развития спортивной инфраструктуры;
- ремонт дорог;
- постепенное решение проблемы обманутых дольщиков;
- ремонт медицинских учреждений и оснащение их новой техникой.

«...сейчас каждой школе практически пристраиваются пристройки для дополнительных мест, строятся ... на территории этих школ для развития спорта и формирования здорового образа жизни ... Построена школа — гимназия, садов построено около шести. Приведен был в порядок Центральный городской парк».

«...очереди были в детские сады 10 лет назад, невозможные очереди были. Сейчас очередей нет...».

«Дороги сделаны, все парковые зоны отремонтированы, для населения здравоохранение. Ты приходишь, там все в цифровизации, идут везде ремонты».

«...ремонт Центральной городской больницы очень хорошее событие. Там, я знаю, оборудование закупается дорогостоящее...».

«Проблема по дольщикам еще сохраняется, много домов, которые еще не достроены».

Впрочем, некоторые достижения оцениваются не вполне однозначно. Отмечается территориальная неравномерность мероприятий по благоустройству и ремонту дорог. Равным образом детские сады концентрируются преимущественно

но в старой части города, что порождает проблему их территориальной доступности. В медицинских учреждениях по-прежнему ощущается нехватка узких специалистов.

«Юбилейный присоединили, он все равно какой-то вот остался, как на задворках города. То же самое Текстильщики, Первомайка. Вот когда туда въезжаешь, такое ощущение, что ты не в Королёве, а в каком-то гетто. ...Вот больше бы влияние микрорайонам и было бы ... да, в центре все делается, дороги делаются, все красиво, все светится, все сияет, а микрорайоны в этом плане позабыты».

«...был на приеме товарищ, возмущался, что в прошлом году сделали проспект Королёва, а в этом, году, в 2019, опять переделывают тот же проспект Королёва, что, деньги девать некуда...».

«...проблема с детскими садами как раз у нас имеется, потому что на самом деле детские сады, они в основном в старой части города... а вот там, где большое количество людей, микрорайонов, там детских садов не хватает...».

«По садикам есть проблема, с территориальным их расположением, точнее, где есть места свободные».

«Поликлиники, нехватка специалистов, ну это, наверное, для всех территорий характерна [эта проблема], очереди есть».

Среди экспертов нет единства мнений относительно состояния городского ЖКХ. Часть из них оценивают его как нормальное и не видят наличия значимых проблем. В то же время прочие эксперты отрицательно отзываются как о состоянии инфраструктуры ЖКХ, так и об уровне цен, порядке тарифообразования, наличии частых ошибок в квитанциях и т.д.

«...по ЖКХ полностью были реконструированы все объекты, которые необходимо было реконструировать...»

«В ЖКХ тоже я не вижу таких явных недочетов. Нормально. Я считаю, что да, нормально все в ЖКХ ...Единственное, что, конечно, очень высокие коммунальные платежи. Прямо с каждым месяцем они больше и больше. Живешь все там же и там же и остаешься с теми же услугами, но это тоже рыночная экономика. Тут можно долго возмущаться, но ничего при этом сделать нельзя. По мне, так это нормально».

«По ЖКХ люди жалуются на тарифы, на тарифообразование, на неверные подсчеты, на ошибки, допущенные в квитанциях, по которым они вынуждены платить. А в общем-то сфера, как, наверное, и везде, находится на уровне, который

поддерживает работу коммунального хозяйства, но при этом не дотягивает она до какого-то идеального состояния. Эти все ветхие дома, трубы порой ломаются, приходят в негодность... Юбилейный более-менее привели в порядок... Сфера ЖКХ в городе и вообще в принципе является самой обсуждаемой везде».

Неоднозначно оценивается и работа регионального оператора по обращению с ТКО и вывозу мусора. Отдельные эксперты отмечают серьезные недостатки в его деятельности. В то же время прочие участники исследования, признавая наличие проблем, возлагают ответственность за их возникновение на жителей.

«Порой просто ужасно плохо. У нас есть одна помойка (Финский поселок), там проблема в том, что частный сектор граничит с городом. Весь частный сектор собирает и сваливает мусор в городскую помойку. Почему мы должны это убирать? Оператор не справляется с таким объемом мусора. Мы им говорим, идите ставьте бачки на частной территории, собирайте, у вас договор должен быть заключен. ...Но ничего не происходит. И вот таких вот точек, помоек достаточно. Работа его плохая, к сожалению».

«Но опять же я считаю, что во многих вот этих сбоях виноваты сами граждане. Потому что сама несколько раз видела, вот подъезжает машина вывезти мусор, а там три машины стоит...».

Проблемное поле муниципального образования, помимо упомянутых моментов, формируют:

- нехватка объектов социальной инфраструктуры (в частности, школ) в новых микрорайонах;
- точечная застройка;
- транспортные проблемы — масштабные пробки на въезде в город и отсутствие перехода через железнодорожные пути на станции Подлипки;
- нехватка земли, необходимой для постройки нового жилья и расселения ветхих и аварийных домов;
- дефицит лекарств, выписываемых по рецептам.

«Основная проблема — пробки. По-моему, это уже многолетняя проблема. Въезд в город стал лучше, намного лучше, но все равно, проблема осталась. ...На въезде домов настрйоли, а школ пока не слышно, не видно. Ну где-то она там планируется, возможно, строится, ну пока о сроках сдачи школы ничего непонятно. Школы, естественн, о будут переполняться. Пробки, точечная застройка».

«По здравоохранению проблемы есть, ...с обеспечением лекарствами..., т.е. вроде бы лекарства выписывают, а лекарств в аптеках нет».

«В городе с землей плохо, а муниципалитету это как раз возможность, квартиры ветеранам войны надо было давать, как, только за счет строительства новых зданий. Расселение ветхого фонда надо, как, только построив что-то. Строители просто так не отдадут, им, соответственно, чтоб от- дать там две квартиры, нужно строить целый дом, да, свою прибыль получить».

«Есть у них старая такая тема, никак не решаемая. Ж/д пути, станция Подлипки. Там пешеходный переход — люди прям через пути переходят. Есть у них переход, наземный, по-моему, который обору- дован не по правилам, и он закрыт. Постоянно заваривают переход через пути, а люди сносят эти заборы и также переходят. Это уже из года в год и никак не решается. Вопрос упирается в РЖД...».

Особенно остро проблема точечной застройки ощущается в микрорайоне Фрунзе. Недовольство жителей вызывает как возможное сокращение территории дворов, так и угроза сноса историче- ских зданий, обладающих культурной ценностью.

«Среди больных точек...микрорайон Фрунзе, по которому идут баталии до сих пор. Значит, пер- воначально, если вы в курсе, значит, у нас пыта- лись этот микрорайон внести в генплан, как за- стройка там многоэтажными домами, а это вот здесь небольшие собственно домики. Очень такой микрорайончик-то хороший, ...он планировался в советское время, там в каждой группе домов есть дворик шикарный, где можно там... И сейчас вот это все нарубить, как вот и натывать этих многоэтажек...»

«...вот в микрорайоне Фрунзе, это все-таки локальная достаточно проблема, хотя в нее во- влечены не только жители микрорайона, как бы вовлечены и другие жители, понимают, что это вот такая-то историческая ценность, может быть, в городе у нас не так много каких-то исто- рических мест».

Таким образом, структура проблемного поля муниципального образования имеет во мно-

гом стандартный для территорий Московской области вид. В то же время ряд проблем но- сит относительно легко устранимый характер. В качестве примера в данном случае можно привести территориальную неравномерность процесса благоустройства и размещения объек- тов социальной инфраструктуры. Они связаны преимущественно со сбоем в работе механиз- ма обратной связи муниципальных властей с населением.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги исследования, мы приходим к выводу, что для исследуемых территорий ха- рактерен достаточно высокий уровень качества жизни, динамику которого после реализации муниципальной реформы характеризует на- личие нескольких позитивных трендов. Однако в то же время фиксируются факторы, отчасти нивелирующие эффект позитивных перемен. Близость к Москве порождает как высокий уро- вень маятниковой миграции, так и появление большой массы туристов и дачников. Следстви- ем этого становится трансформация стандар- тов качества жизни местного населения, рас- сматривающего уровень потребления жителей столицы как эталон. Ситуацию усугубляет на- личие структурных проблем (связанных, в пер- вую очередь, с состоянием ЖКХ, транспортной сферы, нехваткой объектов социальной инфра- структуры и дефицитом медицинских кадров, в особенности — узких специалистов). Реше- ние обозначенных проблем относится к сфере обязанностей органов государственной власти, однако ответственность за их наличие может автоматически транслироваться на представи- телей муниципальной администрации в силу низкого уровня политико-правовой грамотно- сти части граждан. В этих условиях ключевой детерминантой легитимации муниципальной реформы и ее результатов становится качество работы не столько муниципальных, сколько региональных и федеральных властей, в том числе — в рамках реализации нацпроектов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по госу- дарственному заданию Финуниверситету. Финансовый университет, Москва, Россия.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of the research carried out at the expense of budgetary funds to the Financial University for the state task. Financial University, Moscow, Russia.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов И. В. Муниципальная (административно-территориальная) реформа в Московской области и принципы демократии. *Конституционное и муниципальное право*. 2020;(7):62–65.
2. Амиантов А. А. Причины проведения муниципальной реформы в Российской Федерации (на примере Московской области). *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2019;(9):1457–1467.
3. Малека Ю. Н., Шитова Е. П. Сокращение органов власти и муниципальная реформа Московской области: политологический анализ. *Социально-гуманитарные знания*. 2018;(6):135–142.
4. Симоянов А. В., Городничев А. В., Воробьев А. Н. Трансформация регионального политического режима в Московской области: муниципальная реформа и ее влияние на электоральный процесс. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2019;(1):33–46.
5. Гадецкий В. Г., Костина М. В. Особенности преобразования муниципальных районов в городские округа. *Вестник ГГУ*. 2020;(2):97–103.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Пер. с англ. Москва: Медиум; 1995. 323 с.

REFERENCES

1. Ivanov I. V. Municipal (administrative-territorial) reform in the Moscow region and the principles of democracy. *Constitutional and municipal law*. 2020;(7):62–65. (In Russ.).
2. Amiantov A. A. Reasons for carrying out municipal reform in the Russian Federation (on the example of the Moscow region). *Issues of national and federal relations*. 2019;(9):1457–1467. (In Russ.).
3. Maleka Yu. N., Shitova E. P. Reduction of government bodies and municipal reform of the Moscow region: Political science analysis. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2018; (6): 135–142. (In Russ.).
4. Simoyanov A. V., Gorodnichev A. V., Vorobyov A. N. Transformation of the regional political regime in the Moscow region: Municipal reform and its impact on the electoral process. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2019;(1):33–46. (In Russ.).
5. Gadetsky V. G., Kostina M. V. Features of the transformation of municipal districts into urban districts. *Vestnik GGU*. 2020; (2): 97–103. (In Russ.).
6. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. Transl. from. Eng. Moscow: Medium; 1995. 323 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Алексей Николаевич Зубец — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт глобальных исследований, факультет международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Aleksei N. Zubets — Dr. Sci. (Econ.), Leading Research Fellow, Institute of Global Studies, Faculty of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-4300-2797>

ANZubets@fa.ru

Николай Андреевич Пономарев — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт глобальных исследований, факультет международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия

Nikolay A. Ponomarev — Cand. Sci. (Histor.), Leading Research Fellow, Institute of Global Studies, Faculty of International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0771-0630>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

sharukin87@yandex.ru

Павел Сергеевич Селезнев — доктор политических наук, доцент, декан факультета международных экономических отношений, профессор кафедры политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
Pavel S. Seleznyov — Dr. Sci. (Pol.), Assoc. Prof., First Deputy Dean, Faculty of Social Sciences and Mass Communication, Prof. of the Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>
pseleznev@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

А.Н. Зубец — обработка эмпирического материала.

Н.А. Пономарев — сбор и систематизация эмпирического материала.

П.С. Селезнев — разработка общей концепции статьи и редактирование материала.

Authors' declared contributions:

A.N. Zubets — processing of empirical material.

N.A. Ponomarev — assortment and systematization of empirical material.

P.S. Seleznyov — general conception of the research and editing of the material.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 04.09.2024; принята к публикации 03.10.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 04.09.2024; accepted for publication on 03.10.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-116-124

УДК 321.728:165(045)

Молодежное предпринимательство в системе молодежной политики Российской Федерации

М.В. Шатохин^а, С.О. Новосельский^б, А.В. Шлеенко^с^а Финансовый университет, Москва, Россия;^б Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия;^с Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

АННОТАЦИЯ

Цель работы заключается в раскрытии актуальных особенностей управления молодежным предпринимательством в пространстве молодежной политики. При существующей геополитической конъюнктуре грамотное использование всей палитры инструментов молодежной политики способствует эффективному противодействию гибридному давлению недружественных стран и стабилизирует базовые принципы национальной безопасности. Авторским коллективом дается оценка ключевых направлений государственного стимулирования интенсификации процессов в фарватере молодежного предпринимательства, которые сгруппированы по трем основным кластерам экономического, образовательного и административного характера. К числу основных таргетов управления молодежным предпринимательством в системе координат молодежной политики можно отнести расширение потенциала деловой активности наиболее перспективной демографической группы населения, создание долгосрочного фундамента финансовой независимости граждан для снижения нагрузки на социальную систему государства, уменьшение уровня социальной напряженности в обществе за счет повышения средних показателей доходов, переориентацию субкультурных ценностей молодежи в бизнес-пространство, обеспечение максимального уровня самореализации и саморазвития для формирования устойчивого прогрессивного трека динамики национальной социально-экономической системы. Содержательная сущность государственной политики фокусируется на создании режимов максимального благоприятствования и стимулирования молодежных инициатив за счет применения материального и социально-административного инструментария.

Ключевые слова: молодежное предпринимательство; молодежная политика; молодежные инициативы; государственное управление; молодежные программы; молодежь; социальная среда

Для цитирования: Шатохин М.В., Новосельский С.О., Шлеенко А.В. Молодежное предпринимательство в системе молодежной политики Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):116-124. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-116-124

ORIGINAL PAPER

Youth Entrepreneurship in the Youth Policy of the Russian Federation

M.V. Shatokhin ^a, S.O. Novoselsky ^b, A.V. Shleenko ^c^a Financial university, Moscow, Russia;^b University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky, Moscow, Russia;^c South-West State University, Kursk, Russia

ABSTRACT

The aim of this work is to uncover the actual characteristics of managing youth entrepreneurship within the context of Russia's youth policy. In the current geopolitical situation, it is crucial to use all the tools of youth policy effectively. This helps to resist the hybrid pressure from unfriendly countries and maintain the fundamental principles of national security. The authors examine the main areas where the state can provide incentives to encourage young people to start their own businesses. These incentives are divided into three main groups: economic, educational, and administrative. The main targets of youth entrepreneurship management in the youth policy coordinate system include expanding the business activity potential of the most promising demographic group of the population, creating a long-term foundation for financial independence of citizens to reduce the burden on the social system of the state,

reducing the level of social tension in society by increasing average income indicators, reorienting subcultural values of young people ensuring the maximum level of self-realization and self-development for the formation of a stable progressive track of dynamism of the national socio-economic system. The essence of state policy lies in creating a favourable environment and fostering youth initiatives through the use of material and socio-administrative tools.

Keywords: youth entrepreneurship; youth policy; youth initiatives; public administration; youth programs; youth; social environment

For citation: Shatokhin M.V., Novoselsky S.O., Shleenko A.V. Youth entrepreneurship in the youth policy system. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(5):116-124. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-116-124

ВВЕДЕНИЕ

При существующей конъюнктуре расширение потенциала молодежного предпринимательства имеет крайне актуальное значение, так как способствует решению ряда важнейших проблем в фокусе стабилизации внутреннего социально-экономического пространства [1, с. 110]. Развитие молодежного предпринимательства необходимо для повышения общего уровня деловой активности в общественной среде. Молодежь относится к наиболее инициативной демографической группе населения, следовательно, рост вовлеченности молодежи в бизнес-процессы будет способствовать усилению предпринимательских коммуникаций в обществе [2, с. 122]. Профессор Д.И. Жиликов отмечает важность интенсификации молодежного предпринимательства в векторе решения социально-экономических проблем сельских территорий [3, с. 55]. Использование отмеченного инструмента позволит повысить качество человеческого капитала на селе, что создаст условия для внедрения передовых технологий, а также обеспечит рост совокупной предпринимательской активности. Данную точку зрения также разделяет С.А. Попова, которая подчеркивает актуальность совершенствования предпринимательских компетенций молодежи для роста ее интеграции в существующее бизнес-пространство [4, с. 73]. Чем ярче выражены деловые компетенции представителей молодого поколения, тем выше стоимость будущего человеческого капитала нации. В условиях системного санкционного давления молодежное предпринимательство способно выступить в качестве одного из драйверов роста инновационной активности. Ряд стартапов молодых предпринимателей носят весьма привлекательный характер для отечественной экономики и могут обеспечить достижение локальных задач в рамках стратегии импортозамещения [5, с. 170]. При стабильной инвестиционной поддержке подобного рода проекты выводят на новый уровень российские разработки и делают их конкурентоспособными

в рамках существующей конъюнктуры. По мнению О.А. Овчинниковой, особенно актуальными инициативы молодых предпринимателей являются в условиях цифровой экономики, так как большая их часть сфокусирована на разработке определенных цифровых платформенных решений, которые востребованы в широком перечне областей социальной сферы и экономического пространства [6, с. 523]. Таким образом, развитие молодежного предпринимательства оказывает многовекторное влияние на значительную часть социально-экономических процессов, что требует повышенного к нему внимания со стороны профильных государственных структур. В этой связи молодежная политика должна стать не просто важной, а системообразующей частью общегосударственной концепции стратегического развития страны, нацеленной на построение устойчивого эволюционного трека.

ВЕКТОРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Государственная молодежная политика носит многофункциональный характер и включает в себя широкий спектр направлений деятельности органов государственной власти в фокусе прогрессивного развития молодежи. Значимость молодежной политики заключается в том, что она сконцентрирована на построении траектории эволюционного развития определенной части общества, а именно молодежи [7, с. 387]. Молодежь представляет собой переходную демографическую группу, имеющую специфические социально-экономические особенности жизненного пути. Молодежная политика занимает важное место в общенациональной социально-экономической политике РФ, что обусловлено ее стратегическим характером. Реализация механизма государственной молодежной политики предусматривает использование широкого инструментария, среди которого можно выделить следующие ключевые направления:

- образование;
- популяризация национальной идентичности;
- общественные и социальные коммуникации;
- комплексное патриотическое воспитание;
- гармонизация социально-культурной среды развития личности в рамках семейных отношений;
- общий культурный фон социальной среды;
- массовость физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий;
- качество благоустройства окружающей среды с учетом экологических рисков;
- расширение потенциала молодежного предпринимательства [8, с. 77].

Общий анализ концептуальных основ молодежной политики РФ и исследование релевантного научного пространства позволяют выделить следующие наиболее важные направления расширения потенциала молодежного предпринимательства:

- выделение средств государственного финансирования на проведения событийных мероприятий в фокусе молодежного предпринимательства на территории отдельных регионов;
- генерация климата «наилучшего благоприятствования» для практической адаптации, коммерциализации и интеграции молодежных инициатив в социально-экономическое пространство страны [9, с. 80];
- построение устойчивого механизма системной консультационной поддержки действующих и потенциальных субъектов молодежного предпринимательства с учетом специфики правового поля и особенностей административного проектирования деловых процессов [10, с. 512];
- реализация многопрофильных образовательных программ повышения компетенций субъектов молодежного предпринимательства, как уже действующих, так и тех лиц, которые имеют аргументированный интерес к данному вопросу¹ [11, с. 903];

¹ В рамках отмеченных программ формируется и транслируется образовательный контент на целевую аудиторию, который позволяет расширить различные компетенции молодежи, способствующие раскрытию коммерческих талантов и адаптации в коммерческой среде. В конечном

• осуществление программных проектов различных государственных и негосударственных организаций, обеспечивающих локальное стимулирование и поддержку молодежного предпринимательства. Данные программы реализуются как на конкурсной основе путем предоставления определенных инструментов поддержки наиболее перспективным проектам деловой молодежи, так и на основе адресного механизма, путем стимулирования развития молодежного предпринимательства в конкретных секторах национальной социально-экономической системы [12, с. 95];

- либерализация отдельных аспектов административно-правового механизма ведения бизнеса субъектами молодежного предпринимательства. В контексте сказанного необходимо в первую очередь выделить наличие возможностей использования специальных налоговых режимов, упрощенных процедур административной регистрации бизнес-проектов, оформления сопроводительной документации;

- системная поддержка в области снижения агрессивного давления конкурентной среды. В условиях текущей макроэкономической ситуации молодежному предпринимательству сложно решать вопросы с вхождением на рынки и конкурирования с уже действующими на нем представителями. Для уменьшения негативного влияния барьеров вхождения в рыночную среду профильными органами государственной власти (региональные комитеты по развитию малого и среднего предпринимательства) применяются разного рода механизмы поддержки молодежного предпринимательства.

Механизм поддержки развития молодежного предпринимательства носит межведомственный характер. Таким образом, поддержка предпринимательской активности молодого поколения происходит в рамках различных направлений функционирования органов государственной власти. Среди основных аспектов организационно-экономической поддержки субъектов молодежного предпринимательства можно выделить следующие:

итоге повышение совокупного образовательного фона молодежи будет способствовать росту ее предпринимательской активности.

- по линии Министерства экономического развития в рамках молодежной политики осуществляется выделение средств на субсидирование развития субъектов молодежного предпринимательства. Основными распорядителями общественных финансовых ресурсов в данном направлении выступают региональные бюджеты, которые получают субсидии из федерального бюджета на поддержку малого и среднего бизнеса. Выделение средств на поддержку и развитие молодежного предпринимательства происходит с учетом отмеченной ресурсной базы и адресной политики региональных властей;

- по линии Министерства сельского хозяйства РФ поддержка развития молодежного предпринимательства происходит в рамках внедрения проекта функционирования малых форм хозяйствования. С учетом данного проекта предоставляется финансовая и организационно-административная поддержка молодым фермерами и начинающим предпринимателям в сельскохозяйственной отрасли.

Министерство образования и науки РФ с учетом своей профильной деятельности также применяет механизмы стимулирования развития молодежного предпринимательства в рамках общей концепции молодежной политики. В отмеченном аспекте функционал данного органа государственной власти сфокусирован на повышении уровня предпринимательской образованности в молодежном пространстве за счет системного и доступного транслирования релевантного образовательного контента на основе актуальных запросов современной бизнес-среды. В отмеченном контексте определенный интерес вызывает реализация программы «Ты — предприниматель», которая функционирует под патронажем Росмолодежи. Целевой ориентир программы направлен на максимальный рост вовлеченности молодого поколения в деловую среду. Решение задач, поставленных в данной программе, происходит на основе применения широкого спектра инструментов государственной поддержки и стимулирования, но в адресной форме и на основе соответствующего критериального отбора, т.е. для получения поддержки организационного и финансового характера в рамках программы «Ты — предприниматель» субъекту молодежного предпринимательства необходимо в обязательном порядке соответствовать системе определенных критериев.

Помимо отмеченных выше, можно также акцентировать внимание на других программах развития и поддержки деловых молодежных инициатив:

- ключевой спектр направлений программы «Молодежный бизнес России» заключается в консультировании и обучении субъектов молодежного предпринимательства, способствовании расширению возможностей доступа к инвестиционным финансовым ресурсам, организации взаимодействия с наставниками;

- программа фонда «Агат»² на безвозмездной основе оказывает консалтинговое сопровождение коммерческой деятельности субъектов молодежного предпринимательства. В рамках программы активно применяются технологии наставничества, которые позволяют передать уже имеющийся положительный опыт в организации и управлении бизнес-процессами начинающим коммерсантам. Кроме того, субъект молодежного предпринимательства, который является участником программы фонда «Агат», может рассчитывать на получение беззалогового льготного займа до 2,5 млн рублей под 8,9% годовых на 3 года, что особенно актуально в условиях дефицита стартовых финансовых ресурсов;

- программы Центра развития молодежного предпринимательства в сфере радиоэлектроники МГТУ им. Н. Э. Баумана сконцентрированы на поддержке деятельности субъектов молодежного предпринимательства в сфере радиоэлектронных и цифровых технологий. Наиболее актуальные авторские проекты получают значительное финансирование за счет грантов и именных стипендий, что расширяет возможности для финансирования начальных инвестиционных потоков [13, с. 115].

Важным инструментом расширения емкости информационной среды молодежного предпринимательства является функционирование Центра молодежных и предпринимательских инициатив «Поколение-2025». Целевой ориентир функционирования Центра заключается в формировании комплексной системы коммуникационного взаимодействия субъектов молодежного предпринимательства как между собой, так и с представителями органов государственной власти, консалтин-

² URL: <https://agatefund.ru>

говых организаций, наставниками. Основные направления функционирования Центра молодежных и предпринимательских инициатив «Поколение-2025» выделяют приоритетность поддержки развития молодежного предпринимательства в рамках национальной молодежной политики и сфокусированы в следующих аспектах:

- формирование комплексной и масштабной информационной поддержки субъектов молодежного предпринимательства со стороны всех организаций, комитетов, департаментов, рабочих групп, отделов, советов, занимающихся развитием молодежи и ведущих свою деятельность в русле молодежной политики;
- построение сервисной консалтинговой платформы для субъектов молодежного предпринимательства на принципах устойчивости коммуникаций и обратной связи;
- организационно-административное содействие открытия бизнеса для представителей молодежного сообщества;
- поддержка и продвижение молодежных предпринимательских инициатив, а также поиск заинтересованных инвесторов;
- формирование системы наставничества и проведение открытых онлайн семинаров;
- краудсорсинг по вопросам выработки основных направлений государственной молодежной политики [14, с. 35].

Крайне актуальной является Всероссийская программа по развитию молодежного предпринимательства³, реализуемая под эгидой Росмолодежи. В рамках этой программы функционируют следующие проекты:

- конкурс «Твое дело», результаты которого выступают основой для распределения грантов;
- клуб молодых предпринимателей, который строит в рамках своих площадок целевые коммуникации взаимодействия успешных и начинающих предпринимателей;
- мастерская наставника, сервисное пространство которой объединяет профильных наставников и молодых активистов;
- инвестиционные сессии, которые позволяют молодому предпринимателю презентовать свой проект для широкого круга потенциальных инвесторов;

- программа «Бизнес-поколение», совмещающая уроки опытных наставников и обучающие мастер-классы.

НЕОБХОДИМОСТЬ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРОЦЕССОВ В СРЕДЕ МОЛОДЕЖНОГО БИЗНЕСА

В настоящее время, несмотря на нестабильность макроэкономической ситуации и жесткие санкции со стороны недружественных стран, в Российской Федерации активно развивается поддержка молодежного предпринимательства. Одной из наиболее значимых инициатив в этой сфере является деятельность отечественного венчурного фонда «Молодежная предпринимательская инициатива»⁴. Этот фонд стремится помогать молодым людям запускать бизнес-проекты. Общий объем финансирования проектов фонда составит 1 млрд рублей, а инвестиционные средства будут направлены на поддержку инициатив молодых людей в возрасте от 14 до 24 лет. На данный момент система государственной поддержки субъектов молодежного предпринимательства сфокусирована в следующих направлениях:

- финансовое — выделение льготных кредитов, субсидий и грантов для формирования стартового капитала субъектов молодежного предпринимательства;
- имущественное — предоставление на безвозмездной или льготной основе в пользование имущественных комплексов, находящихся в государственной собственности;
- информационное — создание и поддержка устойчивого финансирования сервисных коммуникационных программ, функционал которых направлен на генерирование благоприятной среды функционирования молодежного предпринимательства.

Стратегическим результатом данных мероприятий выступает создание цифровой экосистемы бизнес-молодежи [15, с. 55].

Приоритетные направления поддержки молодежного предпринимательства в рамках государственной молодежной политики представлены в обобщенном виде на *рисунке*.

ВЫВОДЫ

Активизация молодежного предпринимательства является ключевым элементом в реализа-

³ URL: <https://rosmolbusiness.ru>

⁴ URL: <https://fondmpi.ru>

Рис./Fig. Приоритетные направления поддержки молодежного предпринимательства в рамках государственной молодежной политики /
Priority areas for supporting youth entrepreneurship within the framework of state youth policy

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ции государственной молодежной политики. Механизм поддержки предпринимательских инициатив представителей молодежной среды носит многовекторный характер. К числу его ключевых направлений можно отнести: предоставление грантов, стипендий, финансирование конкурсов молодых предпринимателей, выделение субсидий, льготное кредитование, формирование и трансляцию профильного образовательного контента для субъектов молодежного предпринимательства, школы наставничества, мастер-классы, консультационную поддержку, либеральную административную политику, сервисные платформы, цифровые коммуникации, специальные налоговые и административные режимы. Ключевыми ценностями молодежного предпринимательства можно назвать инициативность и предприимчивость. Они служат основой для формирования креативного мышления и гене-

рации инновационных идей. Таким образом на современном этапе развития российского общества, становится все более актуальным использовать потенциал молодежного предпринимательства для формирования инновационной парадигмы. Особенностью молодежного предпринимательства в рамках административно-управленческого подхода является его использование как инструмента для модернизации национальной экономики. Важным преимуществом молодежного предпринимательства является способность генерировать инновационные идеи в большем объеме. Применение инновационных подходов и реализация идей, созданных в рамках молодежного предпринимательства, до уровня научно-технических изобретений способствует модернизации национальной экономической системы и формированию более прогрессивного экономического уклада.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борис О.А. Модель молодежного предпринимательства как динамического процесса. *Материалы Ивановских чтений*. 2022;2(37):110–112.
2. Новосельский С.О. Пшеничникова О.В., Макин М.В., Садыкова В.И. Оценка развития малого и среднего предпринимательства в РФ: международный аспект. *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. 2016;21(8-2):120–124.
3. Жилияков Д.И. Перспективные направления развития человеческих ресурсов в сельской местности. Современная аграрная экономика: проблемы и перспективы в условиях развития цифровых технологий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 20 мая 2019 года). Чебоксары: Чувашская государственная сельскохозяйственная академия; 2019:55–59.
4. Попова С.А. Человеческий капитал как фактор экономической безопасности цивилизационного развития России. *Вестник Института мировых цивилизаций*. 2021;12(1):68–76.
5. Шатохин М.В., Новосельский С.О., Антропова Т.Г., Пономарева Л.Ф. Состояние и тенденции политики импортозамещения в агропромышленном комплексе страны. *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2022;3:167–174.
6. Овчинникова О.А., Сазонова А.В. Состояние и перспективы развития информационной экономики в России. В сборнике: *Инновационная экономика, стратегический менеджмент и антикризисное управление в субъектах бизнеса*. Сб. статей I Международной научно-практической конференции (5 июня 2018 г.). Орел: Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина; 2018:522–525.
7. Андреева О.В., Суховеева А.А. Молодежное предпринимательство и эффективные инструменты его развития. *ЦИТИСЭ*. 2020;2(24):385–393.
8. Николаева М.А., Андреева А.А., Добрынина М.В. Поддержка молодежного предпринимательства: система политических действий и социально-экономических эффектов. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2022;1(33):76–83.
9. Масленникова А.Ю., Масленников Д.Ю. Кейсы молодежного социального предпринимательства. *Парадигмы управления, экономики и права*. 2022;1(5):77–85.
10. Петрушина О.В. Формирование благоприятной социальной среды в поликультурном образовательном пространстве. Жураев Т.Х., ред. Эффективность применения инновационных технологий и техники в сельском и водном хозяйстве. Сб. научных трудов международной научно-практической онлайн конференции, посвященной 10-летию образования Бухарского филиала Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства (Курск, 25–26 сентября 2020 года). Курск: «Дурдона»; 2020:511–513.
11. Жилияков Д.И., Новосельский С.О., Лисицина Ю.В., Коротков П.О., Оласунканми Т.О. Анализ функционирования системы образования в сельских территориях региона. *International Agricultural Journal*. 2022;65(2):902–924.
12. Дунаева А.С., Шатохин М.В. Оценка эффективности политики поддержки малого и среднего бизнеса в РФ. Исследования в региональном дискурсе — 2017: материалы научно-практических конференций в рамках «Недели науки» РОСИ (г. Курск, 24–28 апреля 2017 г.). Курск: РОСИ; 2017:93–97.
13. Гайнулина Э.В., Акбашев А.А., Рахматуллин М.А., Чинаев Т.В., Читахян Э.Р. Обострение проблем молодежного предпринимательства и процесс их адаптации в период пандемии. *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. 2021;4(38):111–116.
14. Шерстнёва А.В. Некоторые вопросы и проблемы в развитии молодежного предпринимательства. *Евразийский научный журнал*. 2022;(3):33–40.
15. Карпович В.Ф., Савчук О.А. Предпосылки и условия развития молодежного предпринимательства в Республике Беларусь. Приоритеты мировой науки: эксперимент и научная дискуссия (29–30 марта 2022 года). Моришвилль: Lulu Press; 2022:52–55.

REFERENCES

1. Boris O.A. Model of youth entrepreneurship as a dynamic development process. *Materialy Ivanovskih chtenij*. 2022;2(37):110–112. (In Russ.).
2. Novosel'skij S.O. Pshenichnikova O.V., Makin M.V., Sadykova V.I. Assessment of the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation: An international aspect. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii*. 2016;8-2(21):120–124. (In Russ.).

3. Zhilyakov D.I. The main directions of development of human resources in rural areas. Modern agricultural economy: Problems and prospects in the context of digital technologies development. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Cheboksary, May 20, 2019). Cheboksary: Chuvash State Agricultural Academy; 2019:55–59. (In Russ.).
4. Popova S.A. Human capital as a factor of economic security and civilizational development of Russia. *The Bulletin of the University of World Civilizations*. 2021;12;1(30):68–76. (In Russ.).
5. Shatokhin M.V., Novoselsky S.O., Antropova T.G., Ponomareva L.F. State and trends of the policy of import substitution in the agro-industrial complex of the country. *Herald of the Kursk State Agricultural Academy*. 2022;(3):167–174. (In Russ.).
6. Ovchinnikova O.A., Sazonova A.V. Status and prospects of the development of the information economy in Russia. Innovative Economy, Strategic Management and Crisis Management in business Entities: collection of articles of the I International Scientific and Practical Conference (Orel, June 05, 2018). Orel: Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin; 2018:522–525. (In Russ.).
7. Andreeva O.V., Suhoveeva A.A. Youth entrepreneurship and effective tools for its development. *CITISE*. 2020;2(24):385–393. (In Russ.).
8. Nikolaeva M.A., Andreeva A.A., Dobrynina M.V. Support for youth entrepreneurship: system of political actions and socioeconomic effects. *Economic and Socio-Humanitarian Studies*. 2022;33(1):76–83. (In Russ.).
9. Maslennikova A. Yu, Maslennikov D. Yu. Youth entrepreneurship as a driver of economic growth. *Municipality: Economics and Management*. 2022;1(5):77–85. (In Russ.).
10. Petrushina O.V. Creating a favorable social environment in a multicultural educational space. Zhuraev T.H., ed. Efficiency of application of innovative technologies and equipment in agriculture and water management. Collection of scientific papers of the international scientific and practical online conference dedicated to the 10th anniversary of the Bukhara Branch of the Tashkent Institute of Irrigation and Agricultural Mechanization Engineers (Kursk, September 25–26, 2020). Kursk: “Durdona”; 2020:511–513. (In Russ.).
11. Zhilyakov D.I., Novoselsky S.O., Lisitsina Yu.V., Korotkov P.O., Olasunkanmi T.O., Olasunkanmi T.O. Analysis of the functioning of the education system in rural areas of the region. *International Agricultural Journal*. 2022;65(2):902–924. (In Russ.).
12. Dunaeva A.S., Shatokhin M.V. Evaluation of the effectiveness of the small and medium-sized business support policy in the Russian Federation. Research in Regional Discourse-2017: Materials of scientific and practical conferences within the framework of the “Week of Science” of the ROSI (Kursk, 24–28 April 2017). Kursk: ROSI; 2017:93–97. (In Russ.).
13. Gainullina E.V., Akbashev A.A., Rakhmatullin M.A., Chinaev T.V., Chitakhyan E.R. Excavation of the problems of youth business and the process of their adaptation during the pandemic period. *Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy*. 2021;4(38):111–116. (In Russ.).
14. Sherstnyova A.V. Some issues and problems in the development of youth entrepreneurship. *Evrasijskij nauchnyj zhurnal*. 2022;(3):33–40. (In Russ.).
15. Karpovich V.F., Savchuk O.A. Prerequisites and conditions for the development of youth entrepreneurship in the Republic of Belarus. The priorities of the world science: Experiments and scientific debate. Proceedings of the XXVI International scientific conference (Morrisville, March 29–30, 2022). Morrisville: Lulu Press; 2022:52–55. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Михаил Викторович Шатохин — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Mikhail V. Shatokhin — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. at the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4149-0662>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
 shato-hinm@mail.ru

Святослав Олегович Новосельский — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию истории и развития мировых цивилизаций, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия

Svyatoslav O. Novoselsky — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Leading Research Fellow at the scientific Center for the Study of the History and Development of World Civilizations, University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0009-8332-752X>

nsvyatoslav@yandex.ru

Алексей Васильевич Шлеенко — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Промышленного и гражданского строительства»,

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Aleksey V. Shleenko — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Head

of the Department of Industrial and Civil Engineering, South-West State University, Kursk, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-0455-5324>

shleenko77@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

М.В. Шатохин — разработка концепции статьи, анализ проблемы.

С.О Новосельский — разработка методики анализа, анализ проблемы.

А.В. Шлеенко — подбор источников, оформление выводов.

Authors' declared contributions:

M. V. Shatokhin — development of the article concept, analysis of the problem.

S. O. Novoselsky — development of the analysis methodology, analysis of the problem.

A. V. Shleenko — selection of sources, drawing conclusions.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.12.2023; принята к публикации 11.12.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 01.12.2023; accepted for publication on 11.12.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-125-133

УДК 378.1:338.46(470.620)(045)

Филиалы в экосистеме российских вузов: постановка проблемы и определение перспектив

Н.А. Гаража, И.Н. Воблая

Финансовый университет, Новороссийский филиал, Новороссийск, Россия

АННОТАЦИЯ

Распределенный вуз как модель образовательной экосистемы представляется перспективной и уже доказавшей свою востребованность и жизнеспособность. Филиалы и представительства ведущих вузов в регионах являются безусловными форпостами вовлечения широких и разнообразных (в половозрастном, когнитивно-ценностном отношении) социальных групп в научно-исследовательские, производственно-конструкторские практики. Более того, филиалы способны выступать ядром распространения социокультурных инициатив на местах, насытить регионы необходимыми высокопрофессиональными кадрами. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации как ведущий вуз страны, филиальная сеть которого насчитывает 27 филиалов, реализующих программы высшего и среднего профессионального образования, играет значительную роль в формировании кадрового состава для отраслей реального сектора экономики и управленческого звена регионов. В Краснодарском крае Финуниверситет представлен двумя филиалами — в Краснодаре и Новороссийске. В настоящей статье приводятся количественные и качественные данные, раскрывающие особенности функционирования части образовательной экосистемы Финуниверситета в данном регионе.

Ключевые слова: Университет; филиал; распределенный вуз; высшее образование; Новороссийск; Финуниверситет; экосистема образования

Для цитирования: Гаража Н.А., Воблая И.Н. Филиалы в экосистеме российских вузов: постановка проблемы и определение перспектив. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):125-133. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-125-133

ORIGINAL PAPER

Branches in the Ecosystem of Russian Universities: Problem Statement and Definition of Prospects

N.A. Garazha, I.N. Voblaya

Financial University, Novorossiysk Branch, Novorossiysk, Russia

ABSTRACT

A distributed university as a model of an educational ecosystem seems promising and has already proven its relevance and viability. Branches and representative offices of leading universities in the regions are unconditional outposts for the involvement of wide and diverse (in terms of gender, age, cognitive and value) social groups in research, production and design practices. Moreover, branches are able to act as the core of the dissemination of socio-cultural initiatives at the local level, saturate the regions with the necessary highly professional personnel. The Financial University under the Government of the Russian Federation, as the leading higher education institution in the country, whose branch network includes 27 branches implementing higher and secondary vocational education programs, plays a significant role in the formation of personnel for the industries of the real sector of the economy and the management level of the regions. In the Krasnodar Territory, the Financial University is represented by two branches in Krasnodar and Novorossiysk. This article provides data, quantitative and qualitative data, revealing the features of the functioning of a part of the educational ecosystem of the Financial University in this region.

Keywords: University; branch; distributed university; higher education; Novorossiysk; Financial University; educational ecosystem

For citation: Garazha N.A., Voblaya I.N. Branches in the ecosystem of Russian universities: Problem statement and definition of prospects. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(5):125-133. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-125-133

ВВЕДЕНИЕ

Образование является основой и главным критерием оценки прогресса каждого отдельного сообщества, аккумулируя систему знаний, умений и практических навыков человечества для целенаправленного процесса развития когнитивных способностей поколений, формирования научного отношения к миру, связывания знаний с практической и профессиональной деятельностью. Высокий уровень знаний положительно влияет на производительность, инновации, демократизацию и социальную сплоченность, а также определяет качество жизни.

На протяжении нескольких десятилетий новейшей истории нашего государства система образования, в том числе высшего, переживала ряд серьезных реформ, институциональных и организационных перестроек, обновления методического арсенала педагога. Тем не менее стратегия повышения качества образования оставалась неизменной. Так, одной из ключевых задач высшего образования является создание необходимых условий для формирования образованной, творчески состоятельной, с активной гражданской позицией, личности, готовой соиздать в своей профессиональной деятельности и в окружающей социальной действительности.

Настоящий этап анализа и прогнозирования развития системы высшего образования аккумулировал лучшие образцы и современные запросы к университету, предложив четыре основные модели: исследовательский университет, сетевой, предпринимательский и цифровой университет. Безусловно, определяющим созданием современной системы образования фактором выступает информатизация, которая в том числе расширяет ядро вовлеченности в актуальные познавательные, исследовательские, творческие и т.д. процессы посредством реализации принципа доставки знаний обучающимся. Поэтому и современный вуз максимально ориентирован на предоставление таких перспектив обучающимся, как обучение по месту жительства, возможность выбора образовательной программы / преподавателя, проектирование обучающимся собственной траектории обучения [1, с. 22].

В то же время утрата элитарности высшего образования, растущая технократия мышления закономерно вызвали новую волну дискуссии о гуманитаризации университетского образования. К сожалению, в постмодернистском об-

ществе образование в целом и университетское образование в частности все больше и больше встраивается в процессы коммерциализации и рынка, традиционно никогда ему не присущие. При этом нельзя допустить существенного снижения уровня образования, университет должен поддерживать высокие стандарты в своих стенах [2]. Высшее образование должно одновременно выступать инструментом образования и воспитания широких масс населения государства, сохраняя и реализуя при этом задачу подготовки высококвалифицированных кадров.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Образовательные экосистемы — это своеобразный форсайт [3, с. 67] в образовании, где распределенный вуз может быть представлен как насыщенная, сложная образовательная среда, которая ведет учащегося по пути самоактуализации, удовлетворения персональных когнитивных, этических, эстетических, карьерных и иных запросов, интересов и потребностей. Какие ключевые потребности двух основных акторов образовательного процесса в вузе — преподавателя и студента в настоящее время? Т.С. Вокуева на базе исследования, проведенного в Финансовом университете, отмечает, что студенты выделяют известность и престижность вуза, высокое качество преподавания и профессионализм преподавателей, возможность успешного трудоустройства. Преподаватели акцентируются на возможности профессионального развития, которые может предоставить вуз, культе уважения к ним и их профессии, а также уровне заработной платы [4, с. 131].

В совокупности наличествующих факторов развития системы образования в обозначенном проблемном поле и наметившейся траектории представляется перспективным вариант распределенного вуза — высшего учебного заведения, имеющего разветвленную сеть обособленных подразделений, способного обеспечить равный уровень качества образования в любом обособленном структурном подразделении, вне зависимости от их количества и места расположения [5, с. 72].

Еще в XIII–XIV вв., когда в Европе формировалось «академическое пространство», университеты сразу становились центрами «регионализации», ориентируясь на развитие областных рынков и социально-политических структур,

содействуя укреплению местной власти [6]. Для современных университетов, филиалы и представительства являются ядром распространения социокультурных инициатив на местах, насыщения регионов необходимыми высокопрофессиональными кадрами.

Распад Советского Союза положил начало реформированию высшей школы, которое стало сопровождаться резким делением вузов, возникновением филиальной сети. В этот период порядка 1,5 миллиона абитуриентов не имели возможности поступить в вузы по причине отсутствия академической инфраструктуры в малых городах [7, с. 5]. Оптимальным решением проблемы массового доступа населения к получению качественных образовательных услуг послужило развитие филиальной сети образовательных учреждений. И уже к концу 1999 г. их количество составило 939 ед. [8, с. 94], тогда как в Советском Союзе в целом насчитывалось около 600 вузов [9, с. 99].

Значительную степень выполнения данной задачи взяли на себя филиалы государственных и негосударственных вузов. Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266–1 (на сегодня утратил силу) разрешил открытие негосударственных образовательных учреждений. В Приказе Минобрнауки РФ от 16.03.1999 № 643 «Об утверждении Типового положения о филиалах высших учебных заведений, подведомственных федеральным органам исполнительной власти» было дано определение филиала в качестве обособленного структурного подразделения высшего учебного заведения, расположенного вне места его нахождения и осуществляющего постоянно все его функции или их часть. Законодательно количество филиалов не получило ограничений, поэтому их развитие обуславливалось институциональными, территориальными, ресурсными и иными возможностями.

Следует подчеркнуть, что из-за недостаточной развитости системы и механизмов государственного контроля за образованием в филиалах головных вузов были выявлены многочисленные нарушения. Они касались материально-технического оснащения, требований к квалификации профессорско-преподавательского состава и других аспектов, которые значительно снижали качество высшего образования, не соответствуя установленным стандартам для высшей школы [10]. Вследствие ослабления роли государства

в сфере высшего профессионального образования в данный период отмечалось практически неконтролируемое образование филиалов, которое сопровождалось многими противоречиями и в законодательно-нормативной составляющей, механизмах организации образовательного процесса, в специфике взаимодействия «филиал-выпускник-работодатель».

Филиалы, открываясь, как правило, в отдаленных регионах, не могли выступать равноценными конкурентами крупным вузам ни по качеству, ни по количественному преподавательскому составу, ни по материально-техническому оснащению. Так, например, в данный период филиалы в абсолютном большинстве осуществляли свою деятельность в арендованных помещениях, которые зачастую были не приспособлены или затрудняли проведение специализированных учебных работ (лабораторные), что могло снижать эффективность подачи учебного материала.

К рискам, препятствующим эффективной работе филиалов, можно отнести и недостаточный опыт руководства филиала, возможный рост непроизводительных расходов головного вуза, который обуславливается ответственностью по всем обязательствам, принятыми филиалом, и зачастую — неспособность филиала выйти на безубыточный уровень функционирования. Наличие малого числа штатных профессорско-преподавательских ресурсов, его предметного разнообразия также является серьезной проблемой в развитии филиалов вузов. В данном случае филиал может привлекать своих выпускников к участию в учебном процессе [11], но прежде всего стимулировать профессорско-преподавательский состав — материально, вовлекая во все проекты головного вуза, в целом выстраивая кадровую политику филиала в едином ключе с головным вузом.

В начале XXI в. модернизация вузовского образования привела к массовому закрытию филиалов и представительств образовательных учреждений. С. Кравцов, руководитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки в 2015 г. отмечал: «... с сентября 2013 года количество вузов и филиалов в России сократилось на 37,5%, а в 2015 году из реестра лицензий было исключено 365 вузов и филиалов, действие государственной аккредитации приостановлено у 151 вуза и филиала, а в 78 вузах и филиалах запрещен

прием абитуриентов. Под конец 2015 года в стране осталось около 1,5 тысяч вузов и филиалов»¹.

Как уже отмечалось выше, одна из задач развития филиальной сети в образовательной среде — обеспечение потребностей региональной экономики в квалифицированных кадрах. Однако не во всех регионах возможности ВПО соответствовали потребностям экономики [12] (см. таблицу).

В одних субъектах наблюдалась нехватка образовательных учреждений, другие, наоборот, имели их в избыточном количестве.

К 2018 г. количество филиалов и негосударственных вузов опять сократилось, так как с 2011 г. Минобрнауки России и Рособрандзор вели активную работу по повышению требований к государственной аккредитации. В итоге с 2011 по 2017 г.:

- филиальная сеть государственных вузов сократилась на 54,1% (а с 2005 г. — на 73,7%);
- сеть государственных вузов сократилась на 21,1%;
- число негосударственных вузов сократилось на 40,4%, а их филиалов — на 71,2%.

С этого периода начинается эра «эффекта репутации». Во-первых, выпускник филиала все чаще ассоциируется с головным вузом и воспринимается работодателем в соответствии с теми качествами, с которыми принимают выпускника основного вуза. При этом на бюджетные места в головные вузы, имеющие филиальную сеть, поступают более подготовленные студенты, чем в их филиалы. Во-вторых, в случае если абитуриенту не хватило баллов для поступления на бюджетное место в вуз топ-10, то он принимает решение (в большинстве случаев) поступать на платное отделение, отказываясь от бюджетного места в следующих десяти вузах. Поэтому нам видится логичным то, что постоянная работа по

¹ С сентября 2013 г. количество вузов и филиалов в РФ сократилось на 37,5% — Кравцов. 2015. URL: <https://www.edu.ru/news/education/s-sentyabrya-2013-goda-kolichestvo-vuzov>

Таблица / Table

Покрытие ежегодной дополнительной потребности экономики в выпускниках ВПО за счет дневной формы обучения ГОУ и НОУ (сортировка по убыванию значений в столбце 6) /
The annual additional economic need coverage for graduates of higher professional education through full-time education in state and private educational institutions (sorted in descending order of values in column 6)

Субъект РФ	Потребности экономики с ВПО, чел.	ГОУ ВПО				НОУ ВПО			
		Выпуск дневного отделения, основные вузы, чел.	Покрытие потребности, %	Выпуск дневного отделения, филиалы, чел.	Покрытие потребности, %	Выпуск дневного отделения, основные вузы, чел.	Покрытие потребности, %	Выпуск дневного отделения, филиалы, чел.	Покрытие потребности, %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Камчатская область	1017	1070	105,2	539	53,0	2	0,2	0	0,0
Краснодарский край	14455	11126	77,0	4047	28,0	3512	24,3	589	4,1
Московская область	21802	7044	32,3	3265	15,0	692	3,2	1665	7,6

Источник / Source: составлено авторами на основе [12] / Compiled by the authors basing on [12].

укреплению и продвижению бренда вуза ведется и на уровне его филиалов. Беря во внимание то, что головной вуз и его филиалы работают в рамках единого образовательного пространства, а обучающиеся получают диплом головного вуза, то и требования к организации учебного процесса едины для всех структурных подразделений. И то, насколько согласованно будут работать филиалы, настолько эффективнее будет обеспечен учебный процесс, а это в свою очередь дает гарантию стабильности и надежности вуза.

В настоящее время филиал имеет право вести образовательную деятельность только при наличии лицензии Министерства образования и науки РФ², самостоятельно ведет набор студентов, осуществляет учебный процесс, выдает дипломы и т.д. В общем треке преобразований в системе образования, пересмотре принципов трансляции социокультурных норм и ценностей филиалы стали выполнять важный социальный заказ общества. Основные выявленные критерии социальной значимости филиалов вузов:

1. Увеличение доступности образования для больших контингентов абитуриентов вузов.
2. Снижение затрат на обучение и повышение квалификации (экономия на проезде, проживании, оплате за обучение) [13].
3. Сохранность трудовых ресурсов в регионах и более быстрое насыщение специалистами регионального рынка труда, с учетом особенностей территории.
4. Возможность получения высшего образования людям старшего возраста, а также людям с ограниченными возможностями здоровья [14].
5. В филиалах малых городов задействован механизм неформального социального контроля, так как сам филиал, в большинстве случаев, малое сообщество, где знают каждого студента и преподавателя.
6. Укрепление гражданского общества [15].

Очевидно, что филиалы вузов кроме решения прикладных задач служат триггером развития территорий государства, снижая миграцию молодежи; осуществляя подготовку кадров, участвующих в научно-техническом и инновационном развитии муниципалитетов. Современный филиал высшего учебного заведения ориентируется

на решение ряда задач, сохраняя приоритет развития человеческого потенциала региона (см. рисунок).

Согласно Национальному агрегированному рейтингу филиалов вузов 2023 г., в котором представлены 511 филиалов — 174 головных вуза, Финансовый университет занимает вторую позицию по количеству филиалов (27). Наибольшее количество филиалов расположены в Московской области (33 филиала), в Краснодарском крае (26 филиалов) и Ростовской области (25 филиалов)³. В целом региональная система высшего образования Краснодарского края представлена 51 образовательной организацией и филиалами, из них: 13 государственных вузов и 9 их филиалов; 6 негосударственных вузов; 19 филиалов инорегиональных государственных вузов; 4 филиала инорегиональных негосударственных вузов⁴. Для сравнения: в 2013 г. в крае действовало 66 филиалов вузов, 20 из которых представляли негосударственные учебные заведения⁵.

В Краснодарском крае Финуниверситет представлен двумя филиалами в Краснодаре и Новороссийске. Всего в Новороссийске работает один головной вуз (Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова) и шесть филиалов (Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; Новороссийский филиал Пятигорского государственного университета; Филиал Кубанского государственного университета в г. Новороссийске; Новороссийский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета; Новороссийский политехнический институт (филиал) Кубанского государственного технологического университета; Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова, Новороссийский филиал).

Образовательные программы, предлагаемые вузами в городе, соотносятся с количественным составом населения Новороссийска (в 2024 г. оценивается в 289 386 человек, с положительным темпом роста в 1,29% в год⁶), а также производственной направленностью

³ URL: <https://best-edu.ru/news/reyting-filialov>

⁴ URL: <https://minobr.krasnodar.ru/departament/sistema-obrazovaniya-krasnodarskogo-kрая/vysshee-obrazovanie/svedeniya-o-vuzakh-filialakh>

⁵ URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed>

⁶ URL: <https://worldpopulationreview.com/world-cities/novorossiysk-population>

² Федеральный закон от 22.08.1996 № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». URL: http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/fz/125_fz/

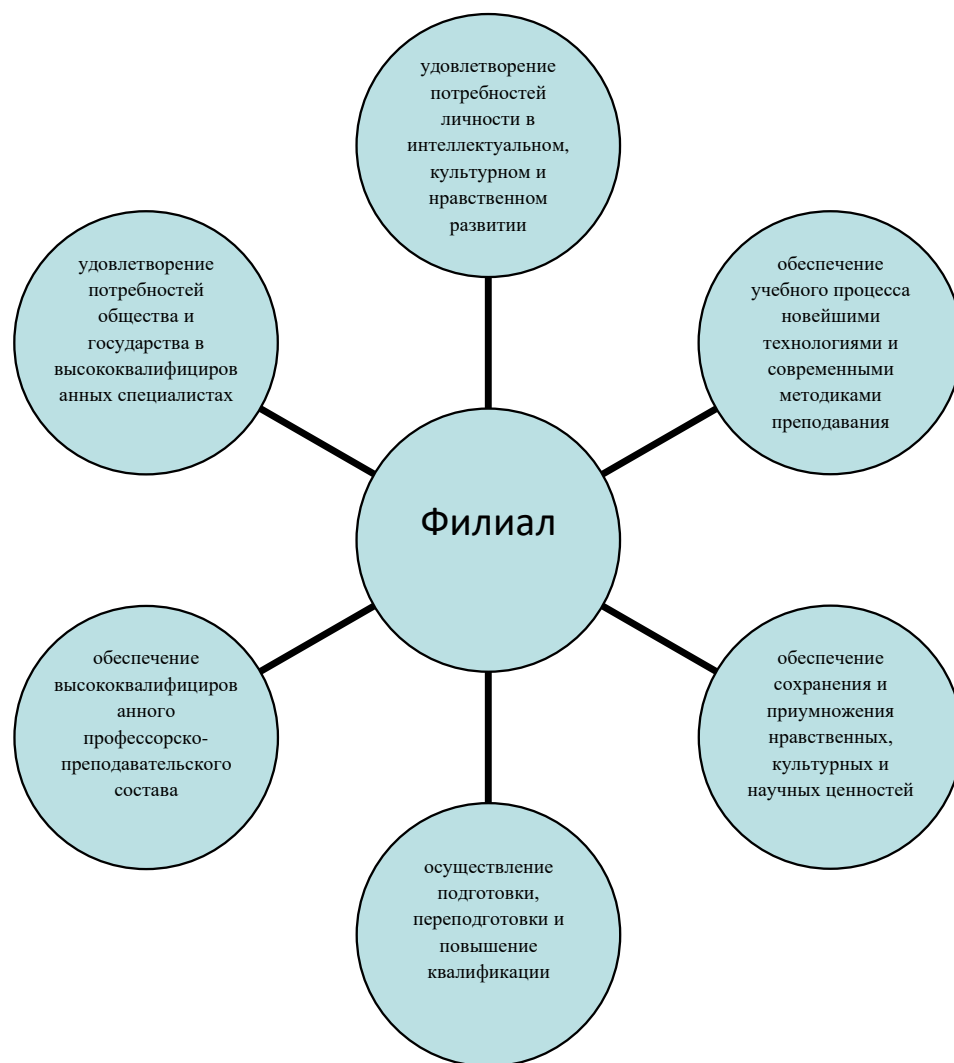

Рис. / Fig. **Задачи филиала вуза / Tasks of the university branch**

Source / Источник: Составлено автором / Complied by the author.

градообразующих предприятий⁷ и общей стратегией развития города с ориентиром на создание новых туристических зон и расширение принимаемого турпотока. Можно сказать, что на настоящий момент вузы предлагают как актуальные образовательные программы, которые необходимы для формирования трудовых ресурсов города, так и перспективные, нацеленные на создание профессиональных кадров в соответствии со стратегической линией развития региона.

Примечательно, что Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, выделяя для себя 3 ключевые миссии — «тектониче-

ские сдвиги в образовании», «опора на регионы», «общество как базис для университета»⁸, особое значение придает развитию своих филиалов как форпостов в регионах. На примере Финуниверситета можно утверждать, что за всю его историю сложилась единая система функционирования головного вуза и филиалов. На сегодняшний день система управленческих взаимоотношений основывается на принципе «демократического централизма», что предполагает не только управление сверху, но и проявление инициатив со стороны филиалов. Например, на сайте Новороссийского филиала Финуниверситета, агрегированного с сайтом головного вуза, можно помимо всех направлений деятельности филиала ознакомиться с совместными мероприятиями

⁷ URL: <https://admnrsk.ru/podrazdeleniya/upravleniya/upravlenieekonomicheskogo-razvitiya/promyshlennost/promyshlennye-predpriyatiya-mo-g-novorossiysk/>

⁸ URL: <http://www.fa.ru/News/2020-09-30-3missii.aspx>

в рамках большого проекта ФинЕдинство, объединяющего интеллектуальные ресурсы головного вуза и филиалов, а также активной позицией филиала во взаимодействии с реальным сектором экономики региона и муниципалитетом⁹.

Особенно хочется выделить практику, когда сотрудники филиалов осознают свое место и роль в работе распределённого вуза, а также возможности для самореализации. Это проявляется, в частности, в их исследовательской деятельности [16].

Таким образом, резюмируем, что университет всегда был средоточием культурных традиций; научная мысль и образование оказывали огромное влияние на развитие экономики и политики, формирование социальных взглядов, новых идей и технологий, способствовали развитию и процветанию регионов, открывали возможность самореализации для граждан. Филиалы университетов в настоящее время выполняют знаковую и значимую роль, выступая ядром распространения социокультурных инициатив на местах, насыщая регионы необходимыми высокопрофессиональными кадрами.

⁹ URL: <http://www.fa.ru/fil/novoross/Pages/Home.aspx>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карпенко О.М. Использование информационных технологий в управлении распределенным вузом. *Экономика образования*. 2018;106(3):20–31.
2. Petrova G. A. Comparative analysis of classical and postmodern views on the idea of a university. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015;206:469–473. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.10.085
3. Мансурова С.Е. Феномен цифровых и образовательных экосистем: гуманитарный контекст. *Ценности и смыслы*. 2021;76(6):62–73.
4. Вокуева Т.С. Образ современного российского университета в зеркале мнений преподавателей и студентов (на примере Финансового университета). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):128–132. DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–4–128–132
5. Шабанов А.А. Распределенный вуз: организационно-правовые и методологические основы деятельности. *Философия образования*. 2008;22(1):71–75.
6. Шапкин И.Н. От средневекового к современному университету: этапы развития и концептуальные решения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;3(12):102–109. DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–3–102–109
7. Карпенко О.М. Управление распределенным вузом: структурно-функциональный и кадровый аспекты. Москва: Издательство СГУ; 2008. 187 с.
8. Гуртов В.А., Парикова Н.В., Сигова С.В. Роль филиалов вузов в обеспечении кадровой потребности российской экономики. *Университетское управление: практика и анализ*. 2011;(3):90–94. <https://www.umj.ru/jour/article/view/609>
9. Силаева А.А. Взаимодействие головного вуза с филиалами: организация эффективного информационного обмена. *Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса*. 2010;(2):98–102.
10. Головина М.М. Некоторые аспекты оценки эффективности вузов. Социально-экономические проблемы развития предпринимательства: региональный аспект. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Смоленск, 18 марта 2015 г.). Смоленск: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Санкт-Петербургский университет управления и экономики; 2015:256–264.
11. Антонова О.Г., Новичкова И.Ю. Социологическое образование в Институте социального образования (филиал) РГСУ в г. Саратове: состояние и перспективы. Под ред. Дальнова Г.В. Современное российское общество: традиции и инновации. Сборник научных трудов. Выпуск 2. Саратов: Изд-во Саратовского университета; 2010:23–27.
12. Парикова Н.В., Голубенко В.А., Гуртов В.А., Сигова С.В., ред. Филиалы: прошлое, настоящее, будущее. Экономика высшей школы: аналитические обзоры по основным направлениям развития высшего образования. Выпуск 8. Москва: Федеральный институт развития образования; 2011. 96 с.
13. Савинова Л.Ф. Использование потенциала малого города в формировании духовно-нравственных ценностей студенческой молодежи. Современная педагогика: актуальные вопросы, достижения и иннова-

ции. Сборник статей победителей II Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и просвещение; 2016:64–67.

14. Карпенко О.М. Управление распределенным вузом: структурно-функциональный и кадровый аспекты. Москва: Издательство СГУ; 2008. 187 с.
15. Козлова О.А., Евтушенко Н.С. Вуз в системе факторов развития малого города. *Журнал экономической теории*. 2016;4:170–177.
16. Есенкова Г.А., Щербаков Д.Б., Седых Н.И. Целевая модель научно-исследовательской и проектно-консалтинговой деятельности в Курском филиале Финансового университета. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2023;67(1):98–106.

REFERENCES

1. Karpenko O.M. Use of information technologies in the management of a distributed university. *Economics of education*. 2018;106(3):20–31. (In Russ.).
2. Petrova G.A Comparative analysis of classical and postmodern views on the idea of a university. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015;206:469–473. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.10.085
3. Mansurova S.E. The phenomenon of digital and educational ecosystems: a humanitarian context. *Tsennosti i smysly*. 2021;76(6):62–73. (In Russ.).
4. Vokueva T.S. Modern russian university image in the mirror of opinions of lecturers and students (on the example of the Financial University). *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):128–132. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–4–128–132
5. Shabanov A.A. The distributed institution of higher education: organizational-legal and methodological foundations of activity. *Philosophy of education*. 2008;22(1):71–75. (In Russ.).
6. Shapkin I.N. From medieval to modern university: stages of development and conceptual solutions. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):102–109. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–3–102–109
7. Karpenko O.M. Upravlenie raspredelennym vuzom: strukturno-funkcional'nyj i kadrovyy aspekty. Moscow: Izdatel'stvo SGU; 2008. 187 p. (In Russ.).
8. Gurtov V.A., Parikova N.V., Sigova S.V. Role of high schools branches in maintenance of personnel need of the Russian economy. *University Management: practice and analysis*. 2011;(3):90–94. (In Russ.). <https://www.umj.ru/jour/article/view/609>
9. Silaeva A.A. University head office and its affiliates: management for effective information exchange. *Vestnik associacii vuzov turizma i servisa*. 2010;(2):98–102. (In Russ.).
10. Golovina M.M. Some aspects of the evaluation of the effectiveness of universities. Socio-economic problems of entrepreneurship development: Regional aspect. Proceedings of the International scientific and practical conference (Smolensk, 2015 March 18). Smolensk: Private educational establishment of higher professional education Saint-Petersburg University of Management and Economics; 2015:256–264. (In Russ.).
11. Antonova O.G., Novichkova I. Yu. Sociologicheskoe obrazovanie v Institute social'nogo obrazovaniya (filial) RGSU v g. Saratove: sostoyanie i perspektivy. Pod red. Dal'nov G.V. *Sovremennoe rossijskoe obshchestvo: tradicii i innovacii*. Sbornik nauchnyh trudov. Vypusk 2. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta; 2010:23–27. (In Russ.).
12. Parikova N.V., Golubenko V.A., Gurtov V.A., Sigova S.V., red. Filialy: proshloe, nastoyashchee, budushchee. *Ekonomika vysshej shkoly: analiticheskie obzory po osnovnym napravleniyam razvitiya vysshego obrazovaniya*. Vypusk 8. Moskva: Federal'nyj institut razvitiya obrazovaniya; 2011. 96 p. (In Russ.).
13. Savinova L.F. The use of the potential of small the city in the formation of spiritual and moral values of the student youth. *Sovremennaya pedagogika: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii*. Sbornik statej pobeditelej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Penza: MCNS “Nauka i prosveshchenie”; 2016: 64–67. (In Russ.).
14. Karpenko O.M. Upravlenie raspredelennym vuzom: strukturno-funkcional'nyj i kadrovyy aspekty. Moscow: Izdatel'stvo SGU; 2008. 187 p. (In Russ.).
15. Kozlova O.A., Evtushenko N.S. Eformation of the third function of a university in a small town: Theory and practice. *Journal of Economic Theory*. 2016;(4):170–177. (In Russ.).
16. Esenkova G.A., Shcherbakov D.B., Sedyh N.I. Target model of research and design and consulting activities in the Kursk branch of the Financial university. *Innovative economy: prospects for development and improvement*. 2023;67(1):98–106. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Наталья Алексеевна Гаража — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Информатика, математика и общегуманитарные науки», Финансовый университет, Новороссийский филиал, Новороссийск, Россия

Nataliia A. Garazha — Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Head of the Department of Informatics, Mathematics and General Humanities, Financial University, Novorossiysk Branch, Novorossiysk, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-4246-7699>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
nagarazha@fa.ru

Ирина Николаевна Воблая — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры «Экономика финансы и менеджмент», Финансовый университет, Новороссийский филиал, Новороссийск, Россия

Irina N. Voblaya — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Assoc. Prof. of the Department of Economics, Finance and Management, Financial University, Novorossiysk Branch, Novorossiysk, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8432-4517>
invoblaya@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 6.09.2024; принята к публикации 21.10.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 6.09.2024; accepted for publication on 21.10.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Региональные особенности, закономерности и опыт хозяйственной жизни города Севастополя во второй половине XIX – начале XX века

А.Г. Баранов, Е.П. Гармашова, Т.А. Лопатина, Д.В. Пунга

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию экономического развития города Севастополя во второй половине XIX – начале XX в. в разрезе наиболее важных отраслей экономики города. В рамках исследуемого периода авторами было выделено четыре этапа развития города. Первый этап – рецессия (с конца 1850-х до конца 1860-х гг.) – был связан с низким уровнем бюджетного финансирования и военных расходов, неэффективностью разработанных мер государственного стимулирования экономики. Второй этап – активное восстановление и экономический рост (с начала 1870-х до конца 1890-х гг.) – был связан с отменой ограничений на базирование флота в Черном море, со строительством Лозово-Севастопольской железной дороги, превращением Севастополя в самостоятельную территориальную единицу. Третий этап – стагнация – явился следствием закрытия коммерческого порта и революционного движения (с конца 1890-х гг. до 1910 г.). Стагнация проявлялась в низких темпах роста городских доходов, снижении товарооборота пограничной торговли и медленных темпах реализации крупных проектов. Четвертый этап – оживление экономики города (с 1910 по 1915 г.) – был связан с началом реализации крупных проектов по благоустройству города, таких как: строительство сплавной канализации, гидротеплической лечебницы и каботажного порта в Стрелецкой бухте и завершение сооружения водопровода. Делается вывод о достаточно активном, но при этом неравномерном развитии экономики города в связи с влиянием множества разнообразных внутренних и внешних факторов.

Ключевые слова: экономическая история; Севастополь; сельское хозяйство; промышленность; торговля

Для цитирования: Баранов А.Г., Гармашова Е.П., Лопатина Т.А., Пунга Д.В. Региональные особенности, закономерности и опыт хозяйственной жизни города Севастополя во второй половине XIX – начале XX века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):134-162. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-134-162

ORIGINAL PAPER

Regional Features, Patterns and Experience of the Economic Life of the City of Sevastopol in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries

A.G. Baranov, E.P. Garmashova, T.A. Lopatina, D.V. Punga

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

ABSTRACT

The article explores the economic growth of the city of Sevastopol during the second half of the 19th and early 20th centuries, focusing on the most significant sectors of the city's economy. The authors identify four distinct stages of development in the city during this period. The first stage, which lasted from the late 1850s to the late 1860s, was marked by a period of recession. This was due to limited budget financing and military spending, as well as the ineffectiveness of government stimulus measures. The second stage, which spanned from the early 1870s to the late 1890s, saw active recovery and economic growth. This period was marked by the lifting of restrictions on the fleet's base in the Black Sea, the construction of the Lozovo-Sevastopol railway, and the transformation of Sevastopol into an independent territorial unit. The third stage, which lasted until 1910, was characterized by stagnation due to the closure of the commercial port and the revolutionary movement. This stagnation was evident in the slow growth of urban incomes, a decrease in foreign trade turnover, and a slow implementation of major projects. The fourth and final stage, which lasted from 1910 to 1915, saw the revival of the city's economy. This period saw the

launch of major urban improvement projects such as the construction of a floating sewer system, a hydropathic hospital, a coastal port in Streletskaia Bay, and the completion of a water pipeline. The study concludes that the city's economy developed quite actively, but at the same time unevenly, due to the influence of various internal and external factors.

Keywords: economic history; Sevastopol; agriculture; industry; trade

For citation: Baranov A.G., Garmashova E.P., Lopatina T.A., Punga D.V. Regional features, patterns and experience of the economic life of the city of Sevastopol in the second half of the 19th — early 20th centuries. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(5):134-162. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-134-162

ВВЕДЕНИЕ

Крымская война оказала огромное влияние на социально-экономическое положение Севастополя: по ее завершении город был практически полностью разрушен, население сократилось почти в 4 раза, экономический потенциал города был уничтожен. Статья XI Парижского договора, запретившая всем черноморским державам иметь военные флоты на Черном море, привела к утрате городом своего стратегического значения. Изменилось административно-территориальное устройство: город вошел в состав Таврической губернии, должность севастопольского военного губернатора была упразднена. Лишь в 1873 г. Севастопольское градоначальство было выделено в самостоятельную территориальную единицу. С этого времени стала увеличиваться численность населения, активизировалось гражданское строительство, начала развиваться инфраструктура, находящаяся прежде в упадке: открылся коммерческий порт, началось строительство Лозово-Севастопольской железной дороги.

Возвращение Севастополю статуса крепости и начало полномасштабного развития города традиционно связывают с переводом в 1890 г. управления Черноморского флота в Севастополь из Николаева. Однако в этот же период было объявлено о переносе коммерческого порта из Севастополя в Феодосию, что повлекло ухудшение экономического положения региона.

Начало XX в. ознаменовалось для Российской Империи множеством революционных событий, отразившихся также на хозяйственной жизни Севастополя. Несмотря на все эти обстоятельства, к концу исследуемого периода Севастополь стал крупным, динамично развивающимся городом с развитой инфраструктурой и населением более 100 тыс. человек.

Таким образом, исследование истории Севастополя требует более глубокого погружения в исследование его экономического потенциала и особенностей хозяйственной деятельности.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ

Отдельным аспектам экономики города Севастополя во второй половине XIX — начале XX в. посвящены работы следующих авторов: Бойцовой Е.Е., Демченко В., Тарле Е.В., Хабаровой О.В. [1–5]. Однако в этих работах отсутствует комплексная характеристика развития экономики города в послевоенный период. Кроме того, в трудах данных авторов не наблюдается разделения экономического развития Севастополя на отдельные этапы.

Авторы данной статьи опираются на ряд статистических данных и материалов российских изданий, таких как «Военно-статистическое обозрение Российской империи», «Журнал Министерства внутренних дел», «Ежегодные всеподданнейшие отчеты севастопольских градоначальников», «Обзоры о состоянии Таврической губернии», «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года» и др. [6–19].

При этом следует отметить, что для выявления особенностей в каждой из сфер городского хозяйства авторами были проанализированы источники, отражающие результаты работы предприятий и организаций различных отраслей городского хозяйства: «Первый в Крыму: История трамвая и троллейбуса в Севастополе», «Русское общество пароходства и торговли: учреждение, функционирование, перспективы развития (1856–1864 гг.)», «Отчет о командировке на Черное море для изучения устричного дела», «По вопросу о Севастопольском порте» [20–22].

Целью статьи является выявление ключевых этапов экономического развития Севастополя во второй половине XIX — начале XX в. на основании исследования основных отраслей экономики города. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1. Охарактеризовать особенности развития экономики Севастополя в условиях рецессии после Крымской войны (1850-е — 1860-е гг.);

2. Исследовать изменения в территориальном устройстве и структуре управления городом (1870-е гг. — 1915 г.);

3. Охарактеризовать основные особенности развития сельского хозяйства (1870-е гг. — 1915 г.);

4. Провести исследование изменений в сфере промышленного производства (1870-е гг. — 1915 г.);

5. Охарактеризовать динамику изменений в торговле и транспортной инфраструктуре города (1870-е гг. — 1915 г.);

6. Исследовать наиболее важные изменения в финансовой и образовательной инфраструктуре и сфере благоустройства города (1870-е гг. — 1915 г.).

РЕЦЕССИЯ ЭКОНОМИКИ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1850-е — 1860-е гг.)

Первая оборона Севастополя в течение Крымской войны длилась 349 дней с сентября 1854 по август 1855 г., когда город был занят англо-французскими войсками. С этого момента активные военные действия на территории Севастополя были фактически прекращены. Оккупация Севастополя англо-французскими войсками продолжалась с августа 1855 по июнь 1856 г. За это время оккупантами были целенаправленно уничтожены следующие элементы военной инфраструктуры города: Николаевский и Александровский рavelины, доки адмиралтейской верфи и множество других объектов, имевших военно-стратегическое назначение.

Крымская война закончилась для России поражением. В январе 1856 г. между Россией и англо-французским блоком было заключено перемирие. В конце февраля в Париже собрался конгресс под эгидой императора Наполеона III. Согласно XI статье Парижского договора Россия утратила право иметь военный флот на Черном море, а Севастополь потерял статус военноморской базы. Однако Александр II в письме министру внутренних дел от 16 октября 1856 г. ходатайствовал «чтобы Севастополь оставался далее военным портом и оставался в ведении морского ведомства» [23, с. 77].

Все это повлекло за собой значительные изменения в административно-территориальном устройстве и управлении Николаевским и Севастопольским военным губернаторством. В 1856 г. ликвидировано Управление главного командира Черноморского флота. Многие военные моряки были переведены на службу в другие регионы или отправлены в отставку. Состав российской

Черноморской флотилии ограничивался шестью небольшими винтовыми корветами, девятью транспортными паровыми судами и четырьмя колесными пароходами. 27 января 1860 г. Морским министерством было принято Положение, регламентирующее деятельность системы управления Морского Ведомства. Все порты были разделены на главные порты и порты второго разряда. Севастопольский порт был отнесен к портам второго разряда [7, с. 13]. 7 октября 1864 г. была упразднена должность севастопольского военного губернатора, город вошел в состав Таврической губернии: сначала в Симферопольский уезд, после — в Ялтинский; все присутственные места Севастополя были переданы в подчинение губернскому начальству [7, с. 14]. Таким образом, в городе установилась гражданская власть [24, с. 462]. Согласно описанию городских поселений Российской империи, в Севастополе в 1858 г. существовала следующая структура управления городским хозяйством: Городская дума, Магистрат, Сиротский суд, Словесный суд, Городское депутатское собрание, Общественный банк, Квартирная комиссия [25, с. 776].

Жесткие условия Парижского мирного договора, подписанного 18 марта 1856 г., предопределили на многие послевоенные годы состояние рецессии городского хозяйства Севастополя. Отпала необходимость закладки большого количества новых военных кораблей для Черноморского флота, поэтому и восстановление Севастопольского Адмиралтейства было отложено на неопределенный период.

Однако уже в 1856 г. был сформирован бюджет города: фактические доходы составили 4103 руб. 7 ½ коп.; фактические расходы — 5046 руб. 30 коп.; дефицит — 953 руб. 22 ½ коп. [18, с. 106]. Разрушение хозяйства города привело к многократному снижению показателей городского бюджета: в 1856 г. по сравнению с 1846 г. фактические доходы снизились более чем на 94% (в 1846 г. фактические доходы составляли 66 976 руб.) [6, с. 221]. К 1858 г. доходы и расходы городского бюджета значительно выросли, но еще не достигли довоенного уровня: фактические доходы составили 25 284 руб. 32 ¾ коп.; фактические расходы — 24 676 руб. 13 ½ коп. [25, с. 776–777].

Разрушенная городская инфраструктура и низкий, по сравнению с довоенным, уровень финансирования капитальных и текущих во-

енных расходов привели к снижению экономической активности и численности населения. Так, если в довоенном 1853 г. население города доходило до 42 тыс. чел. [26, с. 76], то согласно статистическим данным 1857 г. в Севастополе насчитывалось всего 11 887 жителей, из них 7 048 чел. составляли военные [23, с. 77]. То есть по окончании Крымской войны население города снизилось более чем в 4 раза.

В 1860-х и даже в начале 1870-х гг. Севастополь продолжал находиться в разрушенном состоянии. Восстановительные работы носили фрагментарный характер. Очистка севастопольских бухт затянулась более чем на десять лет. Восстановление портовых строений также происходило медленно. За это время инженерная команда построила западный и восточный створные маяки в Инкермане, три причала, восстановила два небольших административных здания, несколько складов и здание училища «для детей черноморского ведомства». Восстановительным работам мешало то, что после войны до 1858 г. порты Черного и Азовского морей, в том числе и Севастополь, находились в карантинном положении «по опасению чумы или желтой горячки». С отменой карантинного положения торговля и судоходство начали оживать. В Севастополе открылся таможенный надзор, хотя вход сюда коммерческих судов был ограничен, а иностранных совсем воспрещен. Те же русские суда, которые заходили в Севастополь, принимались не у самого города, а в Стрелецкой бухте или даже в Балаклаве. В условиях бездорожья это осложняло купцам «охоту везти сюда товары» [27, с. 91]. Несмотря на частичное строительство новых зданий и сооружений, активное восстановление города началось лишь в 1870-е гг. после постройки Лозово-Севастопольской железной дороги. В подтверждение этому можно привести цитату ученого-путешественника Евгения Маркова, который в своей работе описывал Севастополь как город-«мертвец», который хоть и был выжженным и опустевшим, но оставался архитектурно прекрасным [28, с. 71].

По свидетельству одного из известнейших военачальников Российской Империи, А.С. Лукомского, жившего в Севастополе во второй половине 1870-х гг., «вокруг города было много хуторов, процветавших до Крымской войны, но к описываемому времени только два-три

из них вновь превратились в цветущие сады и имели хорошие виноградники. Остальные же носили еще свежие следы разрушения за время Крымской войны и были в самом жалком виде. Все ближайшие окрестности Севастополя были еще покрыты полузасыпавшимися траншеями и редутами, и всюду были следы лагерей неприятельских войск... В общем картина была очень грустная и все указывало на большую нужду населения» [29, с. 19].

Следует отметить тяжелое положение населения. Так, по свидетельству очевидца, «на первых порах средства к пропитанию были доставлены самою войною. Едва успел убраться неприятель, как все наличное население бросилось собирать ядра, пули, осколки бомб и проч. Пули продавались по 120 и 150 коп. за пуд, осколки 5–7 коп., медь 2 руб. пуд и более. Скупали их здешние купцы... и отправляли в Одессу, Таганрог; нередко приходили иностранные суда и нагружаясь этим военным добром, отвозили его во Францию и Англию. Иностранные суда приходили еще нарочно за костями животных; которых в то время под Севастополем были целые скирды. Кости продавались по пяти, шести и семи коп. пуд. Собрание костей занимало тоже немало рук...». Эти промыслы были выгодными и продолжались до 1860-х гг. [30, с. 135].

С целью стимулирования развития экономики города на государственном уровне предпринимались различные меры:

- в 1857 г. было принято решение освободить Севастополь от платежа гильдейских сборов на 10 лет с 1 января 1857 г. [18, с. 8–9], а также на 6 лет от всех денежных земских повинностей и от военного постоя [17, с. 8–9] с прекращением «на означенный срок и установленный для Севастополя, вместо отбывания постоя натурою, денежного сбора с обывателей» [25, с. 678]. Кроме того, «всю сумму гильдейских повинностей, какая на основании Высочайше утвержденных 8 февраля 1855 года, положений Комитета Министров, по городам Севастополю, Евпатории и Керчи, отсрочена была до окончания войны, совершенно сложить со счетов и освободить вовсе на 6 лет» [18, с. 8–9];

- 5 августа 1857 г. иностранным гражданам разрешили селиться в Севастополе (запрет действовал с 13 февраля 1798 г.) [25, с. 771];

- в 1858 г. «в виду скорейшей застройки города Севастополь и по недостаточности в оном квартир» было разрешено отводить казенные дома морского ведомства под частные постройки [25, с. 764];

- в 1859 г. для скорейшего восстановления и застройки города было установлено правило, по которому льготы по гильдейским повинностям распространялись и на иногородних купцов и мещан: «всех членов купеческих семей из иногородних постановлено записывать по Севастополю в гильдии не иначе как по предъявлении ими удостоверений о приобретении там недвижимой собственности, установленной для каждой гильдии ценности» [17, с. 68];

- был упразднен ряд ограничений, действовавших в Севастополе, для евреев. 29 июня 1859 г. определенным категориям евреев, которые могли улучшить экономическое положение города, было разрешено селиться с семьями, организовывать промыслы, торговать, выполнять подряды и откупы, приобретать недвижимость, учиться ремеслу [25, с. 774–775]. 4 июня 1861 г. было разрешено евреям-мещанам заниматься в Севастополе производством ремесел, как на правах иногородних, так и с правом поселения [25, с. 776].

Таким образом, восстановление города происходило медленно, хотя на государственном уровне и предпринимались различные стимулирующие меры.

В итоге в 1870 г. Россия в одностороннем порядке отказалась выполнять унизительные статьи Парижского договора и стала восстанавливать Черноморский флот, что повлекло за собой и более активное восстановление экономики города.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО, ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И НАСЕЛЕНИЕ

Отмена в 1870 г. статей Парижского мирного договора, касающихся ограничения нахождения военного флота России на Черном море, и принятие решения о строительстве железнодорожного пути в Крым способствовали рассмотрению вопроса об изменении статуса Севастополя [7, с. 14]. Согласно «Городовому положению» от 1870 г. в Севастополе избирается Городская дума, которая в 1873 г. впервые ходатайствует о трансформации Севастополя в самостоятельную территориальную единицу [3, с. 225].

Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета «Об образовании Севастополь-

ского Градоначальства» от 16 июня 1873 г. город Севастополь с прилегающей к нему территорией был выделен из пределов Таврической губернии и образован в особое градоначальство. [31, с. 861]. По итогам формирования Севастопольского градоначальства как самостоятельной территориальной единицы его площадь составила 27 732 десятины 2184 квадратных сажений (около 30,3 га) [7, с. 22].

Градоначальство было особой административной единицей Российской империи, состоящей из города с прилегающими землями, выделенными из губернии в непосредственном подчинении Министерству внутренних дел. Севастопольский градоначальник одновременно совмещал должность командира порта и коменданта города. Такое совмещение продолжалось до 5 июня 1900 г., когда Высочайшим указом эти должности уже не могли совмещаться. По делам гражданского управления Севастопольский градоначальник подчинялся Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору. К ведению градоначальника относились: административный контроль за деятельностью Городской думы и управы, полицейский надзор и судебное производство. Назначение на должность Севастопольского градоначальника прекратилось в годы Гражданской войны [7, с. 14].

На развитие города немалое влияние оказал перевод управления Черноморского флота из Николаева в Севастополь в 1890 г. Тогда же Севастополю присваивается статус крепости третьего разряда [24, с. 582].

Концентрация усилий по восстановлению города и проведению мероприятий, способствующих росту численности населения, начались в середине 1870-х гг. А. С. Лукомский описывал население города следующим образом: «Интеллигентная часть населения города состояла из военных (чины частей местного гарнизона), небольшой группы инженеров и архитекторов, поселившихся в Севастополе после проведения Лозово-Севастопольской железной дороги, небольшого чиновничьего кружка, учительского персонала двух учебных заведений (мужского и женского), нескольких врачей, довольно значительной группы старых отставных моряков (было несколько видных защитников Севастополя 1854 года), небольшого кружка старых севастопольских аборигенов (преимущественно занимавших места по городскому управлению) и нескольких дельцов по хлебной торговле и спекуляции

с покупкой и перепродажей земли. Жизнь была очень патриархальная. Все друг друга знали, друг у друга бывали, играли в карты, устраивали любительские спектакли и живые картины» [29, с. 19].

В 1874 г. в составе Градоначальства числилось два города: Севастополь и Балаклава, с численностью жителей равной «17 534 души обоего пола, из коих в Севастополе 15 213, в Балаклаве с округом 1 538 и на остальной части территории вне черты городов 783» [7, с. 22].

Приведем данные о численности населения Севастопольского градоначальства в динамике за период 1875–1915 гг. в *табл. 1*.

Как видно из данных *табл. 1* за период с 1875 по 1915 г., общая численность населения города выросла с 20 911 до 102 290 чел., то есть почти в 5 раз.

Прирост численности гражданского населения в градоначальстве в 1880-х гг. составил 36,53%. Основными факторами роста численности гражданского населения города, помимо естественного прироста, была миграция рабочей силы и оседание отставных военных и запаса армии в черте градоначальства [4, 5]. Улучшению демографической ситуации способствовало оживление экономики города вследствие восстановления Черноморского флота и проведения Лозово-Се-

вастопольской железной дороги. Повышение деловой активности (развитие торговых отношений, ускорение городского строительства, восстановление инфраструктуры) способствовало поддержанию высокого уровня заработной платы в ряде сфер, а также дальнейшей миграции рабочей силы из других регионов Российской Империи. Прирост численности военного населения в 1880-х гг. составил 91,36% и был связан с победой в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

В 1890-х гг. прирост численности гражданского населения составил 55,21%, а военного — 81,29%. То есть за два последних десятилетия XIX в. военный контингент в Севастополе вырос почти в 4 раза. В целом к концу XIX в. Севастополь стал самым развитым городом Крыма с экономической и социально-культурной точки зрения. К этому времени в Севастополе удельный вес русского населения достигает 62% [15, с. 24].

За первые 10 лет XX в. численность гражданского населения выросла еще на 51,43% с 38 454 до 58 232 чел. Однако численность военных почти не изменилась и составляла на протяжении периода около 20 тыс. чел. К 1915 г. общая численность населения составляла уже более 100 тыс. чел., что составляло 15% населения Крымского полуострова.

Таблица 1 / Table 1

Численность населения Севастопольского градоначальства в 1875–1915 гг. / The population of Sevastopol city in 1875–1915

Год	Численность гражданского населения, чел.	Численность военного населения, чел.	В том числе в Севастополе, чел.	В том числе в Балаклаве, чел.	Численность с учетом войск, чел.
1875	16 591	4 320	19 114*	1 797*	20 911
1880	20 284	5 808	24 153*	1 939*	26 092
1885	27 398	9 044	34 145*	2 297*	36 442
1890	27 695	11 114	35 385*	3 424*	38 809
1895	34 569	17 134	47 683*	4 020*	51 703
1900	42 988	20 149	38 454	4 534	63 137
1905	49 037	19 554	44 036	5 001	68 591
1910	66 732	20 454	58 232	8 500	87 186
1915	—	—	91 112*	11 178*	102 290

* — данные по численности населения в Севастополе и Балаклаве представлены с учетом военного населения

Источник / Source: составлено авторами на основе [7] / Compiled by the authors basing on [7].

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Особенности развития сельского хозяйства Севастопольского градоначальства во многом определялись типом почв и рельефом территории, которая охватывает и горные скалистые возвышенности, и степные пространства. Земель, удобных для земледелия в городе, всегда было недостаточно, и урожайность большинства сельскохозяйственных культур в Севастополе зачастую была невысокой. Более того, в отчете Севастопольского градоначальника за 1875 г. говорится, что территория города «сохраняет следы общего разрушения войною... в окрестностях же Севастополя значительные пространства земель, которые до войны были покрыты виноградниками и фруктовыми деревьями, ныне представляют голые степи...» [7, с. 23]. Следует отметить, что низкая численность населения и высокая цена труда в 1870-х и 1880-х гг. приводила к тому, что участки земли, пригодные для садоводства и виноделия, оставались неразработанными. Однако серьезных проблем с обеспечением продовольствием в анализируемом периоде не было, так как после открытия железной дороги в 1875 г. постепенно были налажены поставки из внутренних губерний. В результате население перестало ощущать недостаток в обеспечении продовольствием и обращаться за пособиями на продовольствие и на обсеменение полей. Дефицит товаров первой необходимости возник только в 1915 г. в связи с началом Первой мировой войны. Согласно данным Всеподданнейшего отчета Севастопольского градоначальника контр-адмирала с. И. Бурлея за 1915 г. «...причинами этого явления было: во-первых, особое положение Севастополя, не производящего ровно ничего и питающегося исключительно привозом; во-вторых, загроможденность Южной железной дороги грузами, связанными с боевой работой флота и крепости, и прекращением морского сообщения, и в-третьих, ненормальное стремление жителей запастись всякими продуктами впрок...». В апреле 1915 г., согласно телеграмме министра внутренних дел, был образован комитет «для обеспечения города продуктами и предметами первой необходимости... Комитет на основании собранных данных выработал и составил нормы продуктов первой необходимости, потребных для населения города Севастополя» [7, с. 307–308].

В отчете М. Н. Кумани за 1886 г. приводят-ся данные о площадях земель, отведенных под

сельское хозяйство: «На территории Градоначальства, заключающей в себе 27 997 десятин 525 кв. саженей, имеется удобной для возделывания земли всего только 3 912 дес., из которых в отчетном году находилось под паром и залежью 2 128 дес., под виноградниками, садами и баштанами — 472 дес., под табаком — 296 дес. и под посевами хлебов — 1 016 дес. Остальное количество 24 085 дес. земли распределяется следующим образом: под постоянными выгонами и пастбищами — 6 321 дес., под сенокосами и лугами — 1 388 дес., под лесною порослью — 6 673 дес., под городами, поселениями, лагерями и стрельбищами — 1 932 дес. и не удобной — 7 771 дес.» [7, с. 112].

Посевы злаковых культур в Севастопольском градоначальстве никогда не имели обширных размеров и производились жителями в основном для собственных нужд. Анализ статистики по земледелию за 1874–1917 гг. позволил в целом выявить положительную динамику как по абсолютным показателям посева и сбора урожая, так и по относительным показателям урожайности. Периодические колебания данных показателей были связаны как с природно-климатическими, так и экономико-политическими условиями (табл. 2).

В соответствии с имеющимися архивными данными по Севастопольскому градоначальству в 1874 г. было засеяно злаковых культур (в первоисточнике — «хлебов») всего 814 чет.*; а снято 2 896 чет. В 1890 г. уже было засеяно 1 345, а снято 6 805 чет. злаковых культур. Следует отдельно отметить, что в 1894 г. было снято рекордное за рассматриваемый период значение в 16 938 чет., посеяно при этом 2 227 чет. зерновых культур. После этого наблюдается резкий спад в объемах посевов и, соответственно, сборов. В 1900 г. сборы составили 2 082 чет. при посеве в 378 чет. Значений, близких к 1894 г., удалось достичь лишь через 20 лет в 1914 г., когда было засеяно 2 951 чет. и снято 16 898 чет. хлебов.

Таким образом, по результатам анализа данных наибольшие объемы сбора злаковых культур в 1890–1915 гг. наблюдались в 1894 и 1914 гг. и достигали, как было сказано выше, почти 17 тыс. четвертей. Спад в 1897–1900 гг. произошел «вследствие почвенных условий земли,

* Четверть, четвертина — русская единица измерения объема сыпучих тел (1 четверть = 209,66 л 1835 г. или 209,912 л (дм³) 1902 г.).

Таблица 2 / Table 2

Основные показатели по посевам и урожайности злаковых культур в Севастопольском градоначальстве в 1875–1915 гг. / The main indicators for crops and yields of cereals in the Sevastopol city government in 1875–1915

Показатель \ Год	1875	1880	1885	1890	1895	1900	1910	1915
Посеяно хлебов различных сортов, четвертей	638	346	635	1345	1487	378	2226	1365
Снято хлебов различных сортов, четвертей	2891	1647	2543	6805	9832	2082	11406	8740
Средняя урожайность, четверть/четверть	4,53	4,76	4,00	5,06	6,61	5,51	5,12	6,40

Источник / Source: составлено авторами на основе [9] / Compiled by the authors basing on [9].

мало пригодной для хлебопашества», а отчасти «по недостатку рабочих рук» [7, с. 217].

Средняя урожайность в рассматриваемом периоде составляла 5,32 чет./чет., но в зависимости от погодных условий она могла колебаться. Так, в 1882 г. урожайность достигла 8,56 чет./чет., а в 1902 г. снизилась до 2,08 чет./чет.

Таким образом, в Севастополе вследствие каменистой почвы и частых засух земледелие было слабо развито, и жители засевали хлеб в основном для собственного потребления. Однако недостатка в продовольствии не ощущалось даже в неурожайные годы, «благодаря удобным путям сообщения с внутренними губерниями, откуда в изобилии доставляются жизненные припасы» [7, с. 217].

Из табл. 3 видно, что среди злаковых культур в 1870-х гг. в градоначальстве преобладала озимая пшеница, а позже ячмень, который использовали не только для приготовления муки, круп, кваса, но и на корм скоту.

Как видно из табл. 3, в структуре сборов злаковых культур в 1874 г. преобладали озимая пшеница (39,71%), рожь (25,41%) и ячмень (16,57%). В 1890 г. структура урожая злаковых в Севастопольском градоначальстве изменилась: в ней преобладал ячмень (45,22%), а озимая пшеница была на втором месте — 37,35%. В 1910 г. ячмень (33,73%) и озимая пшеница (29,44%) все еще играли важную роль в земледелии, однако увеличились посевы и сборы овса (17,68%).

Таблица 3 / Table 3

Структура сбора урожая злаковых культур в Севастопольском градоначальстве в 1874, 1890 и 1910 гг. / The structure of the grain harvest in Sevastopol city government in 1874, 1890 and 1910

Злаковые культуры	1874		1890		1910	
	Снято, четвертей	Доля, %	Снято, четвертей	Доля, %	Снято, четвертей	Доля, %
Озимая пшеница	1150	39,71	2542	37,35	3358	29,44
Рожь	736	25,41	684	10,05	1261	11,06
Яровая пшеница	220	7,60	264	3,88	923	8,09
Овес	213	7,35	238	3,50	2017	17,68
Ячмень	480	16,57	3077	45,22	3847	33,73
Прочие яровые хлеба	97	3,35	—	—	—	—
Итого	2896	100,00	6805	100,00	11406	100,00

Источник / Source: составлено авторами на основе [9] / Compiled by the authors basing on [9].

Анализируя земледелие Севастопольского градоначальства, следует добавить, что в регионе также высаживался картофель, но его посевы были нерегулярными и незначительными. Например, в 1886 г. под посевами картофеля было занято 10,5 дес. Также в Севастопольском градоначальстве выращивали бахчевые культуры (48,5 дес. в 1886 г.), просо (17,5 дес.), чечевицу (4 дес.), кукурузу (0,5 дес.) [8, С. 213–214].

Как было сказано выше, значительные площади, которые до Крымской войны были покрыты виноградниками в 1870-х гг. все еще представляли голые степи. И только с 1880-х гг. виноградарство и виноделие начали активно возрождаться, о чем свидетельствуют данные *табл. 4*.

В течение анализируемого периода виноградарство было главным занятием населения и в связи с особенностями почв и климата зачастую давало хороший урожай и почти всегда оправдывало ожидания виноградарей [7, с. 158]. Успешному развитию виноградарства и виноделия способство-

вали и постоянно высокие цены на вино, которые в среднем составляли 1,5 руб. за ведро, но могли доходить и до 5 руб. [7, с. 191]. Однако вследствие «недостатка и дороговизны рабочих рук» и засух при отсутствии почвенных вод или, наоборот, вследствие дождливых лет урожайность винограда колебалась. Так, в 1875 г. по сравнению с 1874 г. виноделие дало «менее удовлетворительные результаты, причину которых следует приписать, с одной стороны, частым дождям, способствовавшим гнилости винограда, с другой — недостатку и крайней дороговизне рабочих рук» [7, с. 33]. В 1888 г. отмечалось, что «Виноделие, по сравнению с 1887 годом, дало почти втрое лучшие результаты. Под виноградными садами занято было 1300 дес., с десятины получилось около 200 ведер вина, цены на которое были выше обыкновенных, от 2-х до 3-х руб. за ведро» [7, с. 128]. В начале XX в. ситуация не изменилась и в отчете градоначальника за 1904 г. сообщается, что «Местные землевладельцы находят более выгодным виноградарство, которое, хотя

Таблица 4 / Table 4

Показатели развития виноградарства и виноделия в Севастопольском градоначальстве в 1886–1890 гг. / Indicators of the development of viticulture and winemaking in the Sevastopol city government in 1886–1890

Год	Занято под виноградниками, десятин	Ведер вина с десятины	Численность рабочих на виноградниках, табачных плантациях и вообще на сельскохозяйственных работах
1886	279	180	—
1887	1213	70	—
1888	1300	200	—
1889	1319	70	923
1890	2050	100	736
1891	2060	100	1230
1892	2077	150	817
1893	2067	150	2978
1894	300	150	1351
1895	315	150	992
1896	—	—	1123
1910	—	—	1949
1912	—	—	2612
1914	—	—	630

Источник / Source: составлено авторами на основе [7] / Compiled by the authors basing on [7].

в последние годы, вследствие постоянных засух, не вполне вознаграждало землевладельцев, тем не менее оно (виноградарство) служит главным занятием населения» [7, с. 238]. Действительно, судя по статистике, численность рабочих, занятых на виноградных плантациях хоть и колебалась, но оставалось существенной на протяжении всего анализируемого периода

Табаководство в первой половине XIX в. являлось одной из главных отраслей хозяйства города. Однако во второй половине XIX в. объемы производства были уже незначительны вследствие высоких цен на рабочий труд и низких цен на табак, о чем свидетельствуют данные *табл. 5* [7, с. 136].

Так, в 1877 г. площадь табачных плантаций составляла всего 21 дес., на которых было собрано 1550 пудов табака. В 1880-х гг. табаководство на фоне общего оживления экономики города развивалось достаточно активно. Так, в 1886 г. на территории Севастопольского градоначальства было 35 табачных плантаций общей площадью 296 десятин, на которых было собрано 5010 пудов табака. В 1888 г. «табаководство, несмотря на уменьшение плантаций, под которыми занято было всего 212 десятин, дало удовлетворительные результаты, выразившиеся суммой чистого дохода около 11 000 руб.» В натуральном

выражении было собрано в 1888 г. 10 600 пудов табака. [7, с. 128]. Но уже в 1890 г. табаководством, «вследствие высоких цен на рабочий труд и низких цен на табак, почти никто не занимается, в отчетном году занято было под табачные плантации всего 60 десятин». [7, с. 143]. На протяжении 1890–1915 гг. по вышеуказанным причинам площади табачных плантаций снижались. В отчете градоначальника за 1891 г. говорится о том, что «в недалеком будущем надо ожидать прекращение этой отрасли хозяйства, составлявшей в прежние года одно из видных занятий жителей» [8, с. 335]. Действительно, в 1892 г. было собрано всего 740 пудов табака, а в 1905 г. одна табачная плантация площадью 4 десятины дала только 200 пудов табака, выращенных из турецких семян [12, с. 63]. В 1910 г. табачные плантации Севастопольского градоначальства составляли всего лишь 0,41% всей посевной площади табака Таврической губернии [13, с. 2], а в 1913 г. — всего 0,1% [14, с. 26].

В 1874–1914 гг. население градоначальства занималось скотоводством достаточно активно: поголовье скота на протяжении анализируемого периода увеличивалось, что наглядно видно из *табл. 6*.

Скотоводство было подвержено влиянию климатических условий: засуха приводила к недостаточным объемам сбора сена для кормления

Таблица 5 / Table 5

**Площадь табачных плантаций в Севастопольском градоначальстве /
Tobacco plantation area in Sevastopol city**

Показатель \ Год	1877	1886	1888	1889	1890	1891	1892
Площадь табачных плантаций, десятин	21	296	212	7	60	36	21

Источник / Source: составлено авторами на основе [8] / Compiled by the authors basing on [8].

Таблица 6 / Table 6

Поголовье скота в Севастопольском градоначальстве / Livestock in Sevastopol city

Показатель \ Год	1874	1879	1880	1883	1884	1910	1912	1914
Поголовье скота, голов	5837	5380	6140	10 558	11 606	21 450	21 150	17 255
в том числе овец, голов	1985	3153	2180	6723	7509	13 297	13 468	10 322
Доля овец в общем поголовье, %	34,01	58,61	35,50	63,68	64,70	61,99	63,68	59,82

Источник / Source: составлено авторами на основе [9] / Compiled by the authors basing on [9].

местного скота, а также к эпизоотическим болезням. Так, в 1874 г. «из эпизоотических болезней появлялись чума рогатого скота, от которой пало 93 единицы разного скота. Причину распространения чумы следует приписать недостатку подножного корма от засухи» [7, с. 22].

Как видно из табл. 6, наибольшую долю в общем поголовье скота занимали овцы. Кроме того, население Севастопольского градоначальства разводило лошадей, рогатый скот, свиней, коз, ослов. Причем внутри градоначальства заметно значительное отличие в структуре поголовья в Севастополе и Балаклаве (с округом Ялтинского уезда). Так, в 1874 г. в Севастополе держали в основном лошадей (1119 голов) и крупный рогатый скот (660 голов); овец не разводили; а в Балаклаве держали в основном овец — 1 985 голов [9, с. 47]. Подобная структура сохранялась на протяжении всего анализируемого периода.

Таким образом, сельское хозяйство в Севастопольском градоначальстве в связи со специфическими климатическими и почвенными условиями имело четкую специализацию: в растениеводстве — на виноградарстве, а в скотоводстве — на овцеводстве.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В 1870-х гг. промышленность градоначальства все еще «находилась в упадке» [8, с. 19]. В 1874 году в Севастополе действовало всего 7 фабрик и заводов, в 1875 г. — 14. Русско-турецкая война (1877–1878) также не способствовала активному развитию промышленности. Севастопольский градоначальник вице-адмирал А. И. Никонов писал в 1878 г.: «политические обстоятельства имели... бесспорно неблагоприятное влияние на торговлю и промышленность южного края» [8, с. 47].

Следующее десятилетие (1880-е гг.) характеризуется более активным развитием промышленного производства: в частности, количество предприятий, также как и объемы их производства выросли практически в 3 раза. Однако после принятия решения в 1890 г. о передаче севастопольского рейда морскому ведомству и переносе коммерческого порта из Севастополя в Феодосию объемы промышленного производства в городе начали снижаться. Еще в большей степени на объемы производства повлияла окончательная реализация этого решения в 1899 г.

В 1900-х гг. развитие промышленности замедлилось вследствие войны на Дальнем Вос-

Таблица 7 / Table 7

Основные показатели развития промышленности Севастопольского градоначальства в 1875–1915 гг. / The main indicators of industrial development of the Sevastopol city government in 1875–1915

Год	Количество фабрик и заводов	Объем производства, руб.	Численность рабочих, чел.
1875	14	764 016	667
1880	13	1 081 024	885
1885	26	3 323 342	1965
1890	33	3 361 296	1516
1895	35	2 359 789	1271
1900	29	3 005 718	—
1905	15*	4 783 723	—
1910	27	4 144 010	4211
1915	43	15 611 755	—

*без учета водочных и питейных заведений, которых было в градоначальстве 114 [7, с. 244].

Источник / Source: составлено авторами на основе [9] / Compiled by the authors basing on [9].

токе и революционного движения. Оживление в промышленности и торговле наблюдалось только в 1911–1914 гг.

В целом с 1874 по 1915 г. в Севастопольском градоначальстве количество промышленных предприятий («заведений») увеличилось в 6 раз, количество занятых в промышленности работников в 6,5 раз, а объемы производства в денежном выражении без поправки на инфляцию — в 20 раз, что видно из табл. 7.

В 1874 г. основным предприятием города было Адмиралтейство Русского Общества Пароходства и Торговли (РОПиТ), на котором работало 797 человек и объемы производства которого составляли 703 936 руб. в указанном периоде. В Адмиралтействе действовал Мортонов эллинг для подъема пароходов, подъемный кран с паровой машиной для подъема тяжестей в 30 тонн и мастерские: механическая, модельная, литейная, столярная, медно-котельная, кузнечная, судостроительная, плотничная, парусная и малярная [9, с. 32]. Также в городе функционировало две табачные фабрики, мыловаренный, известковый и два рыбных завода в Балаклаве. В 1875 году Севастопольский градоначальник П.А. Перелешин констатировал, что «фабричное и заводское производство в Градоначальстве находится в упадке» [8, с. 19]. «Фабрик и заводов в 1875 г. было 14, из них первое место занимает чугунно-литейный и механический завод в Севастополе Русского Общества Пароходства и Торговли и Одесской Железной дороги» [8, с. 19]. Кроме того, в Севастопольском градоначальстве действовало две табачные фабрики, четыре рыбных завода, три водочных завода, четыре кирпичных и черепичных завода [9, с. 56]. В последующие 4 года промышленность практически не развивалась во многом вследствие Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В 1880 г. был открыт кожевенный завод, который переработал в течение года 12 тыс. кож. В 1881 г. была закончена постройка паровой мукомольной мельницы, перемалывающей до 70 тыс. четвертей зерна в год. Упомянутый выше кожевенный завод и паровая мукомольная мельница принадлежали одному из крупных на Юге негоциантов купцу Родоканаки [7, с. 74]. Также в отчете градоначальника за 1881 г. упоминается литейно-механический завод. В 1882 г. производительность 18 фабрик и за-

водов Севастопольского градоначальства продолжала возрастать. Начали функционировать 4 рыбных завода, которые не работали с 1877 г. В 1884 г. «фабричное и заводское производства прогрессивно» развивались, в бухте Голландия был открыт устричный завод предпринимателя Штоля [7, с. 98].

С 1885 г. в Балаклаве начала функционировать фабрика консервов. В 1886 г. в градоначальстве функционировало 24 промышленных предприятия, т.е. на 2 меньше, чем в 1885 г.: в течение года закрылся существовавший устричный завод и водочный склад. Объем производства предприятий города возрос по сравнению с 1885 г. и составил 4 331 956 руб. Увеличение производительности объясняется главным образом усиленными работами по постройке военных судов в Адмиралтействе РОПиТ [8, с. 215].

В 1890 г. в Севастопольском градоначальстве «промышленных заведений было 33; в течение года вновь открыты: фабрика патентованных красок и лаков, 1 кирпичный и черепичный завод, 3 винных склада и 1 пивной; закрыто: кожевенный завод, мыловаренный завод, 3 рыбных завода и 1 водочный склад» [8, с. 314]. С 1890 г. в Севастопольском градоначальстве наметился спад деловой активности. «Упадок этот начался и быстро прогрессирует с момента объявления о предстоящем переводе отсюда коммерческого порта и весьма ощутительно проявился от ухода из города значительной части торговцев, в особенности рабочего люда, отчего последовало быстрое обесценивание недвижимых имуществ и уменьшение их доходности» [7, с. 144].

В 1895 г. в градоначальстве промышленных предприятий было 35. Если не учитывать водочные, винные и пивные склады, то всего 15 предприятий, на которых работало 1217 человек при объемах производства в 2 014 289,01 руб. Особое значение для промышленности градоначальства имели судостроительный и механический завод РОПиТ в Севастополе и паровая мукомольная мельница Высочайше утвержденного товарищества, сумма производительности которых при 1 043 рабочих составляла 1 829 589, 01 руб. [7, с. 184]. В течение 1895 г. «вновь открыты 1 механический завод, 1 заведение искусственных минеральных вод и 3 пивных и винных складов; закрыто 1 фабрика рыбных консервов в Балаклаве. Всеми этими заведениями выработано продуктов на 2 359 789,01 руб., менее предыду-

щего года на 531 045,59 руб.» [8, с. 443]. С 1896 по 1898 г. количество промышленных предприятий и их объемы производства снижались. В 1899 г. наметилось некоторое оживление: количество промышленных предприятий увеличилось до 33 [7, с. 211].

На протяжении 1900–1904 гг. производительность фабрик и заводов «с переводом из Севастополя в Феодосию коммерческого порта, лишившего г. Севастополь коммерческого значения, с каждым годом падает» [7, с. 229]. Однако производительность Лазаревского Адмиралтейства периодически составляла значительные суммы в несколько миллионов рублей, «но это обстоятельство необходимо объяснить увеличением потребностей исключительно Военно-Морского ведомства» [7, с. 238].

С 1905 по 1910 г. «промышленность в Градоначальстве в полном упадке, вследствие тяжелых условий, вызванных минувшей войной с Японией» и «революционного движения» [7, с. 244, 262]. В результате промышленность на протяжении этих лет не развивалась.

С 1910 г. наметилось некоторое оживление в промышленности города. В 1910 г. в городе функционировали: Лазаревское Адмиралтейство, фабрика гильз, четыре колбасные фабрики, два мыловаренных завода, паркетная фабрика, рыбный завод, кишечный завод, механический завод, механико-слесарный завод, завод и общество искусственных минеральных вод, Бельгийское анонимное общество севастопольского трамвая, паровая вальцовая мельница, завод искусственного льда, два устричных завода, паровая макаронная фабрика и кирпично-черепичный завод. В г. Балаклава и предместьях действовали рыбно-консервный, коньячный, известковый завод, и кирпично-черепичный завод [8, с. 499–500]. Общее количество предприятий составило 27. Численность рабочих на этих предприятиях составила 4 211 чел., а объемы производства — 4 144 010 руб. [9, с. 452–454].

В 1911–1913 гг. промышленные обороты увеличивались. Значительную долю при этом составляли объемы производства Лазаревского Адмиралтейства (79,49% в 1912 г.). Также в 1912 г. в градоначальстве был открыт ракетный завод [8, с. 512, 518, 532].

В 1915 г. исполняющий обязанности Севастопольского градоначальника контр-адмирал С.И. Бурлей отмечал «полное затишье как в об-

ласти строительства, так и в областях торговли и промышленности» ввиду обстоятельств военного времени и «непомерно возросших цен как на строительные материалы, так и на рабочие руки» [7, с. 306–307]. Резкий прирост объемов производства в промышленности в 1914 и 1915 гг. до 12 796 352 руб. и 15 611 755 руб. соответственно определялся ростом заказов Лазаревского Адмиралтейства в связи с началом Первой мировой войны.

Таким образом, возрождение промышленности в Севастополе началось только в конце 1870-х гг. Стимулированию деловой активности способствовало учреждение первоклассной Таможни в 1863 г. [32, с. 714] и проведение железной дороги в 1875 г. Однако темпы развития промышленности имели высокую волатильность вследствие Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., перевода коммерческого порта в Феодосию с 1890 по 1899 г., войны на Дальнем востоке и революционного движения в начале XX в. Кроме того, следует отметить сохранявшуюся специализацию промышленности города на отрасли судоремонта и судостроения.

ТОРГОВЛЯ

Рост объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, развитие железнодорожного и пароходного сообщения в 1870-е гг. способствовали расширению сферы торговли.

Строительство Лозово-Севастопольской ветки железнодорожной линии Москва–Харьков–Лозовая началось в 1872 г. Затраты на строительство составляли 54 тыс. руб. за версту в соответствии с подписанной концессией [24, с. 496]. Лозово-Севастопольская дорога вводилась в эксплуатацию как стратегический объект, преимущественно для объединения железнодорожной сети с Севастопольским портом. В связи с тем, что особым спросом на зарубежных рынках пользовались зерновые культуры, открытие Лозово-Севастопольской дороги способствовало увеличению экспорта Российской Империи.

Параллельно было принято решение о предоставлении части Южной бухты под нужды торговли, и 29 марта 1875 г. в Севастополе был открыт коммерческий порт [7]. В отличие от Азовских портов Севастопольский порт мог полноценно работать круглогодично благодаря своим уникальным географическим характеристикам, а именно: наличию большого количества бухт,

защищенных от ветров, не замерзающих при низких температурах. Еще одним преимуществом порта считался глубокий фарватер, что облегчало заход и стоянку в бухты «самых глубоководных кораблей» [32, С.717].

15 сентября 1875 г. состоялось торжественное открытие Лозово-Севастопольской дороги и по запущенной ветке прошел первый товарный поезд [22, с. 13]. Несмотря на оптимистичные ожидания местных властей, запуск железнодорожного сообщения почти никак не повлиял на увеличение грузооборота в первые годы эксплуатации в связи с тем, что открытие железной дороги пришлось на неурожайный год и «затруднения денежного рынка», о чем говорится во Всеподданнейшем отчете Севастопольского градоначальника адмирала А. И. Никонова [7, с. 34]. Также отрицательным фактором стало повышение платы за перевозку грузов и пассажиров из Севастополя, введенное постановлением РОПит в 1875 г. [7, с. 35].

С 1 января 1880 г. с целью улучшения портовых сооружений и устройства мостовых в городах Николаеве, Таганроге, Мариуполе, Бердянске и Севастополе был установлен временный сбор с вывозимых за границу товаров не свыше полкопейки с пуда, который должен взиматься местной таможней по грузовым документам [7, с. 69]. Подобные портовые сборы не способствовали росту заинтересованности купцов в осуществлении коммерческой деятельности в Севастопольском порту.

Основной причиной медленного развития транзитного движения грузов через Севастополь была удаленность железнодорожных путей от причалов. Так, один из путей был проведен по западному берегу Южной бухты, однако расстояние от пристани до вокзала составляло около трех верст. Соответственно требовались дополнительные погрузочно-разгрузочные работы и доставка гужевым транспортом. Городское управление, приняв во внимание вышеупомянутые барьеры для развития торговой деятельности города, разрешило Обществу Лозово-Севастопольской дороги проложить рельсовый путь вплоть до пристани РОПит. Кроме того, Высочайшим повелением в 1875 г. было отведено 780 саж. западного берега для нужд торговли и указано: не строить капитальные сооружения на территории Адмиралтейства до окончательного выяснения торгового значения города Севастополь [7, с. 91].

Однако трудности возникали не только в части дорожной инфраструктуры. Так, при осуществлении сделок по заграничной торговле ощущалась острая нехватка местного коммерческого кредитного учреждения, которое бы облегчало международные денежные переводы, осуществлявшихся на тот момент при помощи иногородних банков, что увеличивало время отправки грузов. С постепенным увеличением объемов торговли необходимо было увеличивать количество складов с необходимыми условиями хранения. Из-за недостаточного кредитования подобные помещения не строились, и купцы предпочитали вести торговые операции через другие порты, в которых были необходимые склады, что давало возможность выжидать благоприятное время и цены для осуществления сделок.

По мнению Севастопольского градоначальника М. Н. Кумани «неудовлетворительное состояние как парусного, так и парового каботажа происходило от многих причин, из которых наиболее важные:

- 1) недостаточность капиталов, помещенных в мореходные предприятия, как следствие общего неустройства этого дела;
- 2) отсутствие в крае верфей железного судостроения;
- 3) крайнее неблагоустройство большинства портов Черного и Азовского морей, отсутствие удобных стоянок, а также полное отсутствие в большинстве портов необходимых для погрузки судов приспособлений;
- 4) отсутствие в портах определенной власти, ведающей дела торгового мореходства;
- 5) недоступность и дороговизна существующего коммерческого страхования судов от аварий;
- 6) обременительность портовых сборов, взимаемых в пользу городов. Обременительность эта тем более чувствительна, что большинство городов делает весьма мало для нужд судоходства;
- 7) отсутствие местных учреждений, заведующих отделами торгового мореходства;
- 8) вторжение в каботаж иностранных судов, осуществляемое фиктивной продажей иностранных судов русско-подданным» [7, с. 113–114].

Несмотря на вышеперечисленные сложности, объем товарооборота в градоначальстве возрастал. Постепенно начинается сооружение новых таможенных и железнодорожных скла-

дов, имеющих выход к пристаням и связь с железнодорожными путями. Кроме того, следует отметить сезонное увеличение товарооборота в связи с закрытием Азовских портов в зимний период. Так, например, после закрытия осенью 1876 г. навигации в Азовских портах в декабре в коммерческий порт Севастополя по железной дороге прибыло 287 тысяч пудов зерна для дальнейшего экспорта [7, с. 42].

С 1880 г. были установлены регулярные рейсы пароходов РОПит из Севастополя в Константинополь. В 1883 г. Севастополь установил торговые связи с портами Северной Америки (Новый Орлеан, Чарльстон, Галвестон), Европы (Неаполь, Пирей, Шербур, Ницца, Мальта), Африки (Александрия, Порт Саид). Ассортимент грузов, прибывающих в Севастополь, был достаточно широк: уголь, хлопок, гранит, красители, фармацевтическая продукция, фарфоровые изделия, изделия из фаянса и стекла, различные стройматериалы, ткани, музыкальные инструменты, галантерея и прочее. [24, с. 499].

Доля Севастополя в суммарном экспорте зерна через крымские порты составила 59,1% в 1885 г. По объемам хлебного вывоза из 121 таможенной Империи Севастопольская таможня занимала 12-е место (7 681 010 пудов). По общему объему торговли среди таможен империи Севастополь занимал 16 место. В 1886 г. Севастополь стал лидером среди городов Крыма по экспорту всех видов зерна. Севастопольский порт был приспособлен для отпуски за границу 50 млн пудов зерна. И только в урожайные годы порт не мог справиться с потоком грузов, и из-за недостатка мест хранения суда перенаправлялись в Одесский порт. Однако открытие Феодосийского торгового порта привело к перераспределению грузопотока в пользу Феодосии. А с принятием решения о переносе коммерческого порта из Севастополя в Феодосию в 1890 г. и после окончательной реализации этого решения в 1899 г. Севастополь окончательно утратил свое значение экспортного пункта.

В табл. 8 представлены данные об объемах морской торговли в Севастопольском градоначальстве за 1875–1910 гг.

До 1875 г. в Севастополе из-за отсутствия транспортной инфраструктуры объемы товарооборота оставались небольшими. В памятной книге Таврической губернии за 1867 г. сказано, что в 1865 г. из-за границы прибыло 27 судов,

груженных товаром на сумму 94 736 руб. 6 коп., отошли за границу 18 судов с товарами на сумму 60 935 руб. 50 коп. Что касается каботажного плавания в 1867 г. из русских портов прибыло 285 товарных судов (927 169 руб. 17 коп.), отошло в русские порты 303 судна с товаром на сумму 296 979 руб. 32 коп. [24, с. 495]. Также об интенсивности развития морской торговли Юга России можно судить по объемам товарооборота двух главных портов Крыма — Феодосии и Севастополя. В 1866 г. товарооборот двух портов составлял 2,8 млн руб., 1880-е гг. — 18,7 млн руб., а в конце века он уже доходил до 24 млн руб. Изначально морская торговля характеризовалась преобладающей долей ввоза над вывозом товаров, затем ситуация изменилась, и вывоз стал превышать ввоз.

В 1877 г. в виду блокады черноморских портов в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. заграничная отправка грузов составляла 1 837 тыс. руб. В 1880 г. отпускных товаров через Севастопольский порт было отправлено за границу уже на сумму 5 922 тыс. руб., что на 322,3% больше по сравнению с 1877 г.

К 1885 г. наблюдается рост каботажной торговли. Так, из Севастополя в русские порты в 1885 г. было отправлено 1 116 тыс. пудов груза на 8 533 тыс. руб., что превышает показатели 1884 г. на 1555 тыс. руб. В 1885 г. было ввезено товаров по каботажной торговле на сумму 10 599 тыс. руб., что также превышает показатели 1884 г. на 1167 тыс. руб. В 1885 г. по сравнению с 1884 г. наблюдалось также увеличение объемов заграничной торговли в натуральном выражении. Так, вывоз за границу товаров увеличился на 3 112 тыс. пудов, но в денежном эквиваленте сумма вывоза снизилась на 1 956 тыс. руб. О данной несоразмерности говорится в ежегодных отчетах севастопольских градоначальников. Произошла она как по причине уменьшения в 1885 г. стоимости товаров, так и в связи с введением особого таможенного налога в 20 коп. с каждой тысячи рублей [8, с. 199].

С 1885 г. в общей стоимости привезенных в город товаров наблюдается тенденция увеличения доли дорогих товаров (медных, стальных, железных и чугунных изделий) и значительное уменьшение доли более дешевых. Ввоз хлопчатосырца (устар. — хлопчатой бумаги сырца) составлял значительную статью в перечне товаров, ввозимых в Севастопольский порт. С 10 ноября

Таблица 8 / Table 8

Динамика основных показателей морской торговли в Севастопольском градоначальстве в 1875–1915 гг. / The dynamics of the main indicators of maritime trade in the Sevastopol city in 1875–1915

Показатель \ Год	1877	1880	1885	1890	1895	1905	1910	1915
1. По заграничному судоходству, судов								
Прибыло	42	147	188	231	259	98	65	В виду военных действий прихода и отхода иностранных судов не было
Отошло	27	155	189	229	266	98	65	
2. По каботажному судоходству, судов								
Прибыло	142	655	751	922	1023	н/д	1486	32
Отошло	142	653	732	922	1015	1280	1486	43
3. Отправлено за границу грузов								
тыс. руб.	1837	5922	6044	11840	12 094	н/д	н/д	—
тыс. пудов	н/д	н/д	7851	13713 п. 378 шт	18433 п. 17110 шт	н/д	874	—
4. Ввезено из-за границы грузов								
тыс. руб.	н/д	4277	7465	1211	1231	н/д	н/д	—
тыс. пудов	н/д	н/д	1534	846	-	н/д	129	—
5. Отправлено грузов в русские порты								
тыс. руб.	н/д	2185	8533	7278	н/д	н/д	н/д	н/д
тыс. пудов	н/д	н/д	1116	2768	2446	н/д	884	53
6. Ввезено грузов из русских портов								
тыс. руб.	н/д	4491	10599	10454	н/д	н/д	н/д	н/д
тыс. пудов	н/д	н/д	3231	3753	5550	н/д	2780	5607

Примечание / note: н/д — нет данных.

Источник / Source: составлено авторами на основе [7, 8, 32, с. 716] / Compiled by the authors basing on [7, 8, 32, p. 716].

1887 г. пошлина на этот товар, перевозимый морем, стала на 15 коп. золотом с пуда меньше, чем пошлина при ввозе через сухопутную границу. В связи с этим объемы морской торговли хлопком-сырцом возрастали [8, с. 240]. Несмотря на

пошлинные сборы, в 1887 г. наблюдается увеличение ввоза кирпича, черепицы и глиняных труб, вследствие значительного спроса на данные товары в Севастополе, а также из-за более низкого качества местных стройматериалов [8, с. 241].

Главной статьёй экспорта на протяжении почти всего анализируемого периода выступали зерновые продукты. Грузооборот зернового хлеба в 1888 г. увеличился по сравнению с 1887 г. на 15 597 тыс. и составил 31 035 тыс. пудов [8, с. 270]. Для торговли на территории порта были сооружены амбары, пакгаузы (закрытое складское помещение для хранения коммерческих товаров) для зерна. К 1888 г. было открыто 25 новых станций на главном пути и 2 на Екатерининской ветви. Построены дополнительные сортировочные, приемочные, разгрузочные пути. Однако, несмотря на это, Севастопольский порт не справлялся с притоком зерна, которое продолжало накапливаться на складах.

В 1888 г. наблюдается увеличение объемов ввозимых грузов, как в натуральном, так и денежном выражении по заграничной торговле. В частности, увеличились объемы ввоза бакалейных товаров (маслин, кофе, оливкового масла, пряностей), бумажных и полушелковых тканей,

обуви, каменного угля, кирпича и черепицы, а также металлических изделий для постройки судов. Сокращение объемов внутренней торговли в 1888 г. объясняется хорошим урожаем местных продуктов, значительным уменьшением привоза русского каменного угля (на 346 тыс. пудов), сокращением привоза лесных товаров (на 115 тыс. пудов) [8, с. 269].

В 1890 г. начались обсуждения о переносе Коммерческого порта из Севастополя в Феодосию. В связи с чем торговцы не решались на серьезные коммерческие операции, предполагая, что торговая деятельность в Южной бухте будет остановлена [7, с. 143]. Так, в 1893 г. в отчете Севастопольского градоначальника контр-адмирала И. М. Лаврова говорится о том, что «нельзя не обратить внимание на печальное финансовое положение, в которое поставлен Севастополь — положение, вызванное переносом из Севастополя в г. Феодосию коммерческого порта» [7, с. 169]. Торгово-промышленное оживление

Таблица 9 / Table 9

Показатели развития финансовой инфраструктуры Севастополя в 1874–1915 гг. / Indicators of financial infrastructure development in Sevastopol city in 1874–1915

Показатель \ Год	1874	1875	1880	1885	1890
Городские доходы, руб.	38 962	45 001	287 420	251 968	375 475
Обороты всех кредитных учреждений, тыс. руб.	354,5	446,2	21 674,7	46 362,2	74 500,7
Количество кредитных учреждений	1	3	3	4	5
Перечень кредитных учреждений	Городской общественный банк	Отделение Государственного банка; Общество взаимного кредита; Городской общественный банк	Отделение Государственного банка; Общество взаимного кредита; Городской общественный банк	Отделение Государственного банка; Общество взаимного кредита; Городской общественный банк; Ссудо-сберегательное товарищество	Отделение Государственного банка; Общество взаимного кредита; Городской общественный банк; Ссудо-сберегательное товарищество; Агентство Харьковского земельного банка

Окончание таблицы 9 / Continued Table 9

Показатель \ Год	1895	1900	1905	1910	1915
Городские доходы, руб.	470 307	584 148	642 085	2 317 519	1 269 386
Обороты всех кредитных учреждений, тыс. руб.	173 417,6	112 753,8	466 810,6	413 733,8	464 564,4
Количество кредитных учреждений	7	н/д	н/д	9	10
Перечень кредитных учреждений	Отделение Государственного банка; Общество взаимного кредита; Городской общественный банк; Ссудо-сберегательное товарищество; Агентство Харьковского земельного банка Отделение Московского международного торгового банка; Ссудосберегательная касса при Почтово-телеграфной конторе	н/д	н/д	Отделение Государственного банка; Центральная сберегательная касса № 122; Почтово-телеграфные кассы; Общество взаимного кредита; Городской общественный банк; Отделение соединенного банка; Первое ссудо-сберегательное товарищество; Второе ссудо-сберегательное товарищество; Сберегательная касса при местном казначействе	Отделение Государственного банка; Центральная сберегательная касса № 122; Почтово-телеграфные кассы; Общество взаимного кредита; Городской общественный банк; Отделение соединенного банка; Первое ссудо-сберегательное товарищество; Второе ссудо-сберегательное товарищество; Ссудо-сберегательное товарищество «Ремесленников»; Сберегательная касса при местном казначействе

Примечание / note: н/д — нет данных.

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

сменилось значительным замедлением деловой активности в городе. «В то время как в среднем за один год десятилетия, предшествовавшего 1894-му году, Севастополь выпускал за границу товаров на сумму превышающую 13 млн руб., в десятилетие после закрытия порта средний за год вывоз упал до 2,5 млн руб. Средний годовой вывоз хлеба в первое из сравниваемых

десятилетий составляет 15 с лишним млн пудов, а во второе десятилетие — только 2,5 млн пудов. Соответствующие цифры ввоза в первое десятилетие выражались в 4,8 млн руб. и спустились до 633 тыс. руб.» [32, с. 716]

Количество прибывших и убывших судов по заграничному судоходству сократилось соответственно с 259 и 266 судов в 1895 г. до 65 судов

в 1910 г. Однако это не затронуло каботажное плавание, оно росло с каждым годом по количеству как прибывших, так и убывших судов соответственно с 1023 и 1015 судов в 1895 г. до 1486 судов в 1910 г.

В 1911 г. Министерство путей сообщения приступило к сооружению, а к 1914 г. завершено оборудование коммерческого порта в Стрелецкой бухте вместо порта в Южной бухте, территория которого теперь почти полностью находилась в подчинении военного ведомства. Несмотря на это, коммерция продолжала испытывать ряд трудностей, поскольку новый порт был значительно меньше предыдущего, хуже защищен от погодных условий и находился дальше от железной дороги [2, с. 37].

ГОРОДСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

В исследуемом периоде, по нашему мнению, следует рассмотреть следующие наиболее значимые элементы городской инфраструктуры: финансовую, образовательную инфраструктуру и сферу городского благоустройства.

Финансовая инфраструктура. После Крымской войны долгое время город не имел специализированных банковских учреждений. Городской общественный банк появился только в 1863 г. и на более чем десять лет стал ключевым элементом финансовой инфраструктуры города. Его основание связано с распоряжением по Министерству финансов от 29 сентября 1862 г. [25, с. 767] и указом Правительствующего Сената от 31 октября 1862 г. «Об учреждении общественного банка в городе Севастополе» [33, с. 304]. Основным капиталом банка был сформирован из запасного капитала города Севастополя в размере 30 тыс. руб. Банку было предоставлено право приема вкладов, выдачи ссуд под залог золотых, серебряных, жемчужных и других не подверженных порче вещей, а также каменных и деревянных зданий. Чистая годовая прибыль банка распределялась равными частями в доход города, на общественные нужды и основной капитал банка.

Первым директором стал выходец из колонии Кроненталь Таврической губернии Иосиф Григорьевич Кист [1, с. 48]. Одним из источников финансирования городского банка было его кредитование в государственном банке (городская дума города давала разрешение на такое кредитование на сумму до 50 тыс. руб.).

Организация Севастопольского градоначальства и соответствующее увеличение объемов финансирования города привело к необходимости открытия в городе отделения Государственного банка. В соответствии с ходатайством Севастопольского Городского общественного Управления 28 августа 1875 г. был издан указ Правительствующего Сената «Об открытии в городе Севастополь отделения Государственного банка» [34, с. 179].

С 1 марта 1875 г. в городе начало работать «Общество взаимного кредита», инициатива создания которого, как и отделения Государственного банка, принадлежала Городскому голове Михаилу Ильичу Кази [2, с. 21].

Рассмотрев показатели из *табл. 9*, можно судить о динамике развития финансовой инфраструктуры в конце XIX — начале XX в.

Финансовая инфраструктура способствовала активизации инвестиционной, производственной, торговой деятельности в Севастопольском градоначальстве в первую очередь путем кредитования субъектов экономической деятельности. Так, с 1875 по 1885 г. городу выданы были ссуды: а) 280 000 руб. на постройку 10 хлебных магазинов; б) 25 000 руб. на приобретение паровой баржи для выгрузки балласта; в) разрешено городу взимать 1/2 копейечный сбор с вывозимых из порта товаров, с обращением его исключительно на улучшение портовых сооружений и на замощение города; г) ввиду понесенных городом в Крымскую войну потерь пожалованы 132 000 руб. на устройство в Севастополе водопровода; д) разрешена ссуда в 250 000 руб. на устройство портовых приспособлений и на замощение города; е) 8 марта 1884 г. городу Севастополю выдана новая ссуда в 220 000 руб. на устройство портовых сооружений [7, с. 105].

Общий оборот кредитных учреждений в течение исследуемого периода постоянно возрастал, наиболее высокие темпы роста наблюдались в годы, когда в Севастополе работал Коммерческий порт. Очевидно, что росту общего оборота кредитных учреждений способствовало увеличение доходов и расходов городского бюджета, через который осуществлялось финансирование значительного количества предприятий и учреждений города.

Образовательная инфраструктура. Окончание рецессии в Севастополе в начале 70-х гг. XIX в. и переход к активному развитию промышленно-

сти и торговли способствовали развитию образовательной инфраструктуры города, которая формирует человеческий потенциал, обеспечивающий экономический рост в регионе.

С момента образования Севастопольского градоначальства и вплоть до 1917 г. образовательная инфраструктура города неизменно улучшалась, что подтверждается ростом количества учебных заведений и объема их финансирования, разнообразием работающих учебных заведений и неизменным увеличением количества обучающихся (табл. 10).

По количеству обучающихся наиболее значимое место в образовательной инфраструк-

туре города в исследуемом периоде занимали «Константиновское» реальное училище, женская гимназия, городское училище, женское училище, ремесленная школа Российского общества пароходства и торговли.

В 1875 г. в Севастополе было открыто шестиклассное реальное училище для углубленной подготовки обучающихся по естественно-научным дисциплинам на основном и коммерческом отделениях (для поступления в технические университеты). С 1876 г. оно стало называться «Константиновским» в честь великого князя Константина Николаевича. Училище содержалось за счет средств городского бюджета, средств госу-

Таблица 10 / Table 10

**Динамика показателей развития образовательной инфраструктуры Севастополя в 1874–1915 гг. /
Dynamics of indicators of educational infrastructure development in Sevastopol city in 1874–1915**

Год Показатель	1874	1875	1880	1885	1890
Количество учебных заведений	7	9	9	8	21
Количество обучающихся	349	527	792	804	1395
Перечень учебных заведений	Уездное училище; Приходское училище; Женское училище; 2 частных училища; Земское училище; Ремесленная школа при Адмиралтействе	Реальное училище; Женская гимназия; Уездное училище; Приходское училище; Женское училище; Мореходный класс; Земское народное училище; Ремесленная школа при Адмиралтействе; Еврейское училище	Реальное училище; Женская гимназия; Городское училище; Приходское училище; Женское училище; Мореходный класс; Земское народное училище; Ремесленная школа при Адмиралтействе; Еврейское училище	Реальное училище; Женская гимназия; Городское училище; Приходское училище; Женское училище; Мореходный класс; Земское народное училище; Ремесленная школа при Адмиралтействе	Реальное училище; Женская гимназия; Мореходный класс; Городское училище; Женское училище; Приходское училище; Школа для детей инвалидов; 3 начальных народных училища; 3 церковно-приходские школы; Греческое общественное училище; Ремесленная школа РОПит; 2 частных учебных заведения; Еврейское училище; 2 еврейских ходера; Рисовальная школа академика Карнеева

Год Показатель	1874	1875	1880	1885	1890
Количество учебных заведений	25	н/д	39 (1904 г.)	70	68
Количество обучающихся	2212	н/д	2133 (1904 г.)	5521	6264
Перечень учебных заведений	Реальное училище; Женская гимназия; Мореходный класс; Городское училище; Женское училище; 2 приходских училища; Школа для детей инвалидов; 2 начальных народных училища; 8 церковно-приходских школ и школ грамотности; Греческое общественное училище; Ремесленная школа РОПит; 1 частное учебное заведение; 2 воскресные школы; Еврейское училище; Рисовальная школа академика Карнеева	н/д	н/д	Реальное училище; 5 мужских и женских гимназий; Городское училище; 2 железно-дорожных училища; Школа судовых механиков; Ремесленное училище для детей инвалидов; 8 мужских и женских приходских училищ; 2 земские школы; 28 церковно-приходских школ и школ грамотности; 21 прочих церковных национальных и частных учебных заведений	Реальное училище; 5 мужских и женских гимназий; Высшее начальное училище; 8 мужских и женских приходских училищ; 2 земские школы; 2 железнодорожных училища; Школа судовых механиков; Ремесленное училище для детей инвалидов; Коммерческое училище купеческого общества; 26 церковно-приходских школ и школ грамотности; 20 прочих церковных национальных и частных учебных заведений

Примечание / note: н/д — нет данных.

Источник / Source: составлено авторами на основе [9; 32, с. 715] / Compiled by the authors basing on [9; 32, p. 715].

дарственного казначейства и платы за обучение. В год его основания объем финансирования составил 10 674 руб. из доходов городского бюджета [35, С.28]. В дальнейшем училище стало получать финансирование из Государственного казначейства. Так, объем финансирования в 1876 г.

составил из Государственного казначейства — 24 685 руб., из городского бюджета — 8 735 руб. [8, с. 43]. Вплоть до 1917 г. «Константиновское» реальное училище оставалось учебным заведением с самым большим в городе государственным финансированием. Подготавливая выпускников

Таблица 11 / Table 11

Финансирование учреждений образования Севастопольского градоначальства в 1880 г. / Financing of educational institutions of Sevastopol city in 1880*

Учреждение	Из казны и сумм сбора за учение, руб.	Из городских доходов и доходов городского банка, руб.	Из сумм Ялтинского земства, руб.	Итого на учреждение, руб.
Константиновское реальное училище	26 167,4	7247,7	—	33 415,1
Женская гимназия	9234,5	10 095,9	—	19 330,4
Городское училище	2350	1705,0	—	4055,0
Двухклассное женское училище	—	668,5	650	1318,5
Мореходный класс	1000	146,5	—	1146,5
Ремесленная школа при Адмиралтействе РОПиТ	3900,3 (из сумм РОПиТ)	—	—	3900,3
Приходское училище	—	1170	771,5	1941,5
Земское народное училище	—	—	1600	1600
Еврейское училище	840 (из сумм коробочного сбора)	—	—	840
Земское народное училище для женского пола (Балаклава)	—	—	2039	2039
Итого:	43 482,2	21 043,6	5060,5	69 586,3

*В 1880 г. количество учебных заведений в градоначальстве составило 13, из которых 4 находились в Балаклаве. Количество учащихся мужского пола — 550 чел., женского — 329 чел. Курс наук окончило 94 человека, из которых 18 лиц женского пола [37].

Источник / Source: составлено авторами на основе [7] / Compiled by the authors basing on [7].

с углубленным знанием естественных и технических дисциплин, «Константиновское» реальное училище создавало базу для развития в Севастополе предприятий с технологически сложным производственным циклом на основе регионального человеческого капитала.

Учебные заведения Севастополя, которые давали начальное образование, входили в Одесский учебный округ народного образования [36; 24, с. 551]. Государство ежегодно финансировало

образовательные учреждения Севастополя как из средств Государственного казначейства, так и за счет городского бюджета и средств Ялтинского земства. Рассмотрим в качестве примера сводную таблицу с информацией о финансировании учреждений образования Севастопольского градоначальства в 1880 г. (табл. 11).

Профессиональное образование в городе в различные периоды времени было представлено Ремесленной школой при Адмиралтействе РОПиТ,

Таблица 12 / Table 12

**Динамика выручки от предоставления услуг телефонной связи в Севастополе в 1891–1915 гг. /
The dynamics of revenue from the provision of telephone services in Sevastopol city in 1891–1915**

Год	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1912	1914	1915
Выручка от предоставления услуг телефонной связи, руб.	1887	7250	7479	10708	10217	11862	26665	30458	28307

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Ремесленной школой им. генерал-лейтенанта Петра Минькова для детей инвалидов, участвовавших в обороне Севастополя (токарное, кузнечное, слесарное ремесла), Севастопольским мореходным классом (подготовка штурманов для каботажного флота), железнодорожными училищами, школой судовых механиков, коммерческим училищем купеческого общества и прочими.

В течение всего исследуемого периода в Севастопольском градоначальстве не хватало мест для получения начального образования.

Благоустройство города и повышение качества жизни. В последней четверти XIX — начале XX в. процесс благоустройства города, в первую очередь, был связан с внедрением в городскую среду достижений научно-технического процесса. Так, электрификация улиц и общественных зданий, телефонизация, электрификация городского транспорта, появление синематографа, модернизация водоснабжения и водоотведения, совершенствование типографского дела, механизация строительства и т.п. полностью изменили внешний облик города и повысили качество жизни горожан.

Электрификация улиц и общественных зданий. В соответствии с отчетами Градоначальника вопросами электрификации улиц и общественных зданий Городское общественное управление начало заниматься начиная с 1896 г., однако результаты появились только через два года. В 1898 г. было закончено строительство электрической станции [8, с. 206]. Это позволило ввести в эксплуатацию уличное освещение центрального района города: 42 фонаря освещало Екатерининскую улицу, Большую Морскую и Нахимовский проспект, 10 фонарей — Приморский бульвар. [24, с. 514]. В 90-е гг. в Севастополе были

установлены небольшие электростанции для освещения завода РОПиТ, порта и Морского собрания.

Также одним из мероприятий в рамках электрификации улиц можно считать введение в эксплуатацию трамвая на основе электротяги. Договор его на постройку был заключен Городской управой 16 августа 1896 г. Министерство внутренних дел утвердило технический проект 10 мая 1897 г. Электрический трамвай в Севастополе насчитывал три линии (круговая, вокзальная и артиллерийская), стоимость проезда на которых составляла 5 коп.

Телефонизация. С 1891 г. начала работать Севастопольская городская телефонная станция. Ее выручка в год основания составила 1887 руб. В табл. 12 представлена динамика выручки от предоставления услуг телефонной связи в 1891–1915 гг.

В 1900 г. в Севастополе длина телефонных линий составляла 44 версты 498 сажень, а длина телефонных проводов — 507 верст 452 сажени. Общая емкость городской телефонной сети — 199 абонентов, в том числе 97 — частных, 97 — правительственных и 5 — служебных [11, с. 18].

В 1903 г. установлена телефонная связь между Севастополем и Ялтой, в 1905 г. между Севастополем и Симферополем [24, с. 516].

Модернизация водоснабжения и водоотведения. За все время существования руководство города Севастополя, в той или иной степени, сталкивалось с проблемами водоснабжения и водоотведения. Особенно остро подобные проблемы проявлялись на стадиях экономического роста, которые характеризовались увеличением численности населения и военного контингента, объемов производства, коммерческого товарооборота и т.д.

Острая необходимость обеспечения населения и флота водой на системной основе заставила руководство города совместно с Морским ведомством в 1870-х гг. начать подготовку к реализации проекта по строительству городского водопровода, осуществление которого продолжалось более 20 лет.

В 1901 г. было окончено в главных частях сооружение городского водопровода, который стоил городу свыше 500 тыс. руб. Водопроводом были охвачены центральная часть города, флот и войска [7, с. 224], а окраины так и оставались без водопровода.

Проблема водоснабжения города была в значительной степени разрешена, однако ее не-системное решение без учета водоотведения привело к ухудшению санитарного состояния города [7, с. 207]. События русско-японской войны 1904–1905 гг. и первой русской революции 1905–1907 гг., а также отсутствие у городского общественного управления свободных средств привело к тому, что вопросам благоустройства города, а в том числе и строительству канализации, фактически полностью перестало уделяться внимание в начале XX в.

С 1901 г. и на протяжении последующих десяти лет одним из главных вопросов, с которыми сталкивалось городское руководство, были революционные настроения на Черноморском флоте и среди городского населения. В 1907 г. отмечается, что долги города растут, а «благоустройство падает, а самые насущные нужды населения — мостовые, освещение, канализация, улучшение санитарных условий и т.п. остаются из года в год неудовлетворенными» [7, с. 256].

Многолетний остродефицитный бюджет города вынуждал Городской общественный совет вести постоянный поиск неналоговых путей пополнения городских доходов. Таковыми были определены следующие: использование курортного потенциала города и создание доходного коммунального хозяйства. В рамках этих направлений было предложено к реализации два проекта: строительство лечебницы и строительство канализации.

Только в 1909 г. был одобрен 1,5-миллионный займ для строительства гидропатической лечебницы и канализации. В этом же году по проекту, утвержденному Министерством внутренних дел, началось строительство сплавной канализации. При этом канализацией планировалось охватить

только половину города, а половина города должна была, как и раньше, пользоваться поглоща-тельными колодцами, а значит способствовала бы загрязнению почвы и подпочвенных вод [7, с. 269].

В 1910 г. водопровод был оборудован в Балаклаве и предместье Кадыковке.

Канализацию продолжали строить вплоть по Первой мировой войны. На ее строительство было потрачено в 1912 г. — 217 421 руб., а в 1913 г. — 72 602 руб. С 1913 г. канализация стала работать в ограниченном объеме, еще не были подключены все домовладения. В дореволюционный период проект по ее проведению так и не был реализован в полном объеме.

Начавшиеся военные действия в 1914 г. вынудили руководство города для улучшения санитарного состояния и качества водопровода построить станцию перекачивания воды (в Севастополе стал располагаться расширенный военный контингент и значительно увеличилось количество раненых в развернутых госпиталях).

ВЫВОДЫ

Таким образом, в статье был изучен процесс экономического развития Севастополя во второй половине XIX — начале XX в. в разрезе наиболее важных отраслей экономики города. По нашему мнению, в рамках исследуемого периода можно выделить четыре этапа развития города:

- рецессия (с конца 1850-х до конца 1860-х гг.), которая была связана с низким уровнем бюджетного финансирования и военных расходов, неэффективностью разработанных мер государственного стимулирования экономики. Рецессия выражалась в низких темпах прироста населения, а значит и рабочей силы, узости отраслевой структуры экономики, низких объемах производства и низких темпах восстановления городской инфраструктуры;
- активное восстановление и экономический рост (с начала 1870-х до конца 1890-х гг.) были связаны с отменой ограничений на базирование флота в Черном море, со строительством Лозово-Севастопольской железной дороги, превращением Севастополя в самостоятельную территориальную единицу;
- стагнация в связи с закрытием коммерческого порта и революционным движением (с конца 1890-х гг. до 1910 гг.) проявлялась в низких темпах роста городских доходов, сни-

жении товарооборота пограничной торговле и медленных темпах реализации крупных проектов;

- оживление экономики города (с 1910 по 1915 г.) было связано с началом реализации крупных проектов по благоустройству города, таких как строительство сплавной канализации, гидропатической лечебницы и каботажного порта в Стрелецкой бухте и завершение сооружения водопровода. Кроме того, в связи с принятием пятилетней Программы строи-

тельства кораблей для Черноморского флота на Северной стороне было принято решение о возведении нового сухого дока и строительстве военных судов.

Таким образом, завершая исследование развития экономической жизни Севастополя в конце XIX — начале XX в., можно отметить, что город на протяжении всего рассматриваемого периода развивался неравномерно, под влиянием множества разнообразных внутренних и внешних факторов.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00148 «Экономическая история Севастополя: исследование региональных особенностей, закономерностей и опыта хозяйственной жизни в конце XVIII – начале XXI веков».

ACKNOWLEDGEMENT

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation as part of the scientific project No. 24-28-00148 “Economic history of Sevastopol: research of regional features, patterns and experience of economic life in the late XVIII - early XXI”

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бойцова Е.Е. Восстановление экономики Севастополя после Первой героической обороны города в годы Крымской войны. Потемкинские чтения: Сборник материалов V Международной научной конференции (Севастополь, 24–26 марта 2021 года). Севастополь: СевГУ; 2021:48–51.
2. Демченко В. Феникса Ахти-Яра. Архивные находки. Калуга: Манускрипт; 2006. 232 с.
3. История города-героя Севастополя. В 2 томах. Часть 1: 1783–1917. Киев: Изд-во Акад. наук УССР; 1960. 364 с.
4. Хабарова О.В. Анализ основных аспектов смертности населения г. Севастополя в XIX в. при помощи баз данных (по материалам метрических книг). Круг идей: Междисциплинарные подходы в исторической информатике. Труды X конференции Ассоциации «История и компьютер»; 2008:115–133.
5. Хабарова О.В. Эволюция социально-демографической структуры населения г. Севастополя в XIX в. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; Москва; 2008. 321 с.
6. Военно-статистическое обозрение Российской империи / издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т. 11, ч. 2. Санкт-Петербург; 1849. 50 с.
7. Ежегодные всеподданнейшие отчеты севастопольских градоначальников: 1874–1915 гг. Сборник документов. Выпуск 1. Под ред. Ефимова А.В. Москва: Институт Наследия; 2022. 342 с.
8. Ежегодные всеподданнейшие отчеты севастопольских градоначальников: 1874–1915 гг. Сборник документов. Выпуск 2. Обзоры Севастопольского Градоначальства. Под ред. Ефимова А.В. Москва: Институт Наследия; 2022. 564 с.
9. Ежегодные всеподданнейшие отчеты севастопольских градоначальников: 1874–1915 гг. Сборник документов. Выпуск 3. Ведомости к обзорам Севастопольского Градоначальства. Под ред. Ефимова А.В. Москва: Институт Наследия; 2022. 516 с.
10. Извлечение из всеподданнейшего отчета г. Министра внутренних дел. *Журнал Министерства внутренних дел*. 1859; Ч. XXXVI, Отд. I: 1–70.
11. Обзор о состоянии Таврической губернии за 1900 год. Симферополь: Таврическая губернская типография; 1901. 41 с.
12. Обзор о состоянии Таврической губернии за 1905 год. Симферополь: Таврическая губернская типография; 1906. 148 с.
13. Обзор о состоянии Таврической губернии за 1910 год. Симферополь: Таврическая губернская типография; 1911. 138 с.

14. Обзор о состоянии Таврической губернии за 1913 год. Симферополь: Таврическая губернская типография; 1914. 136 с.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. 1897–1905. Вып. 7: Наличное население обоого пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. Под ред. Н.А. Тройницкого. Санкт-Петербург: Издательский Центральный Статистический комитет Министерства внутренних дел; 1905. 38 с.
16. Перечень постановлений по разным ведомствам. *Журнал Министерства внутренних дел*. 1858; Ч. XXX., Отд. I: 7–64.
17. Перечень постановлений по разным ведомствам. *Журнал Министерства внутренних дел*. 1859; Ч. XXXVIII, Отд. I: 15–76.
18. Подробная ведомость о расходах, доходах, капиталах, недоимках и невыполненных расходах городов империи, по росписям на 1856 год. *Журнал Министерства внутренних дел*. 1857; Ч. XXVII., Отд. II: 62–119.
19. Правительственные действия по министерству внутренних дел. *Журнал Министерства внутренних дел*. 1857; Ч. XXIII., Отд. I: 1–19.
20. Барышников М.Н. Русское общество пароходства и торговли: учреждение, функционирование, перспективы развития (1856–1864 гг.). *Terra economicus*. 2015;(2):106–130
21. Карпов В.П. Отчет о командировке на Черное море для изучения устричного дела. Санкт-Петербург: Типо-литография М.П. Фроловой; 1903. 77 с.
22. Тархов А. Первый в Крыму: История трамвая и троллейбуса в Севастополе. Севастополь; 1998. 299 с.
23. Л. Левченко. Історія Миколаївського і Севастопольського військового губернаторства (1805–1900). Миколаїв: Видавництво МДГУ ім. П. Могили; 2006. 293 с.
24. История Севастополя. Том 2: Севастополь в эпоху Российской империи. Конец XVIII века — 1917 гг. Под ред. Алтабаева Е.Б., Петров Ю.А. Москва: Историческая литература; 2021. 800 с.
25. Городские поселения в Российской империи. Том четвертый. Санкт-Петербург: Типографическое товарищество «Общественная польза»; 1864. 805 с.
26. Описание обороны г. Севастополя. Часть I. Составлено под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Санкт-Петербург: Типография Н. Тиблена и компания; 1863. 678 с.
27. Львов Г. Замечания на русский таможенный устав, в отношении морской торговли. *Морской сборник*. 1861;(7):91–122.
28. Марков Е.Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории. Санкт-Петербург: типография К.Н. Плотникова; 1872. 508 с.
29. Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания: архивные материалы. Москва: Айрис-пресс; 2012. 750 с.
30. Нынешний Севастополь (из дорожных записок). Санкт-Петербург: без издательства; 1860:116–141. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010783560/
31. Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Санкт-Петербург: Типография 2-го Отделения Собственности ее императорского величества канцелярии; 1876. 911 с.
32. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 14: Новороссия и Крым. Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского. Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена; 1910. 983 с.
33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVII. Отделение второе. 1862. Санкт-Петербург: Типография II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии; 1865. 608 с.
34. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. L. Отделение второе. 1875. Санкт-Петербург: Типография II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии; 1877. 513 с.
35. Закревский Н. Севастополь. Упадок рабочих сил в Крыму и надежды на будущее. Современное обозрение. *Морской сборник*. 1862;(9):49–50
36. Учебные заведения Одесского учебного округа, состоящие в ведении дирекции народных училищ. Выпуск 3. Одесса: Типография Фисенко; 1891.
37. ГАРК. Ф. 27. Оп.12. Д.130., л. 343 об. 344 с.

REFERENCES

1. Bojcova E. E. Vosstanovlenie ekonomiki Sevastopolya posle Pervoj geroicheskoj oborony goroda v gody Krymskoj vojny. Potemkinskie chteniya: Sbornik materialov v Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sevastopol', 24–26 marta 2021 goda). Sevastopol': SevGU; 2021:48–51. (In Russ.).
2. Demchenko V. Feniksa Ahti-Yara. Arhivnye nahodki. Kaluga: Manuskript; 2006. 232 p. (In Russ.).
3. Istoriya goroda-geroya Sevastopolya. V 2 tomah. Chast' 1: 1783–1917. Kiev: Izd-vo Akad. nauk USSR; 1960. 364 p. (In Russ.).
4. Habarova O. V. Analiz osnovnyh aspektov smertnosti naseleniya g. Sevastopolya v XIX v. Pri pomoshchi baz dannyh (po materialam metriceskikh knig). Krug idej: Mezhdisciplinarnye podhody v istoricheskoy informatike. Trudy X konferencii Associacii «Istoriya i komp'yuter»; 2008:115–133. (In Russ.).
5. Habarova O. V. Evolyuciya social'no-demograficheskoy struktury naseleniya g. Sevastopolya v XIX v. Diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02; Moskva, 2008. 321 p. (In Russ.).
6. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii / izdavaemoe po Vysochajshemu poveleniyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo shtaba. T. 11, ch. 2. Sankt-Peterburg; 1849, 50 p. (In Russ.).
7. Ezhegodnye vsepoddannejschie otchety sevastopol'skih gradonachal'nikov: 1874–1915 gg. Sbornik dokumentov. Vypusk 1. Pod red. Efimova A. V. Moskva: Institut Naslediya; 2022. — 342 p. (In Russ.).
8. Ezhegodnye vsepoddannejschie otchety sevastopol'skih gradonachal'nikov: 1874–1915 gg. Sbornik dokumentov. Vypusk 2. Obzory Sevastopol'skogo Gradonachal'stva. Pod red. Efimova A. V. Moskva: Institut Naslediya; 2022. 564 p. (In Russ.).
9. Ezhegodnye vsepoddannejschie otchety sevastopol'skih gradonachal'nikov: 1874–1915 gg. Sbornik dokumentov. Vypusk 3. Vedomosti k obzoram Sevastopol'skogo Gradonachal'stva. Pod red. Efimova A. V. Moskva: Institut Naslediya; 2022. 516 p. (In Russ.).
10. Izvlechenie iz vsepoddannejshego otcheta g. Ministra vnutrennih del. Zhurnal Ministerstva vnutrennih del. 1859; Ch. XXXVI, Otd.I:1–70. (In Russ.).
11. Obzor o sostoyanii Tavricheskoy gubernii za 1900 god. Simferopol': Tavricheskaya gubernskaya tipografiya; 1901. 41 p. (In Russ.).
12. Obzor o sostoyanii Tavricheskoy gubernii za 1905 god. Simferopol': Tavricheskaya gubernskaya tipografiya; 1906. 148 p. (In Russ.).
13. Obzor o sostoyanii Tavricheskoy gubernii za 1910 god. Simferopol': Tavricheskaya gubernskaya tipografiya; 1911. 138 p. (In Russ.).
14. Obzor o sostoyanii Tavricheskoy gubernii za 1913 god. Simferopol': Tavricheskaya gubernskaya tipografiya; 1914. 136 p. (In Russ.).
15. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 goda. 1897–1905. Vyp. 7: Nalichnoe naselenie oboego pola po uezdnam, s ukazaniem chisla lic preobladayushchih rodnyh yazykov. Pod red. N. A. Trojnickogo. Sankt-Peterburg: Izdatel'skij Central'nyj Statisticheskij komiteta Ministerstva vnutrennih del; 1905. 38 p. (In Russ.).
16. Perechen' postanovlenij po raznym vedomstvam. Zhurnal Ministerstva vnutrennih del. 1858; Ch. XXX., Otd.I:7–64. (In Russ.).
17. Perechen' postanovlenij po raznym vedomstvam. Zhurnal Ministerstva vnutrennih del. 1859; Ch. XXXVIII, Otd.I:15–76. (In Russ.).
18. Podrobnaya vedomost' o raskhodah, dohodah, kapitalah, nedoimkah i nevypolnennyh raskhodah gorodov imperii, po rospisyam na 1856 god. Zhurnal Ministerstva vnutrennih del. 1857; Ch. XXVII., Otd.II:62–119. (In Russ.).
19. Pravitel'svennye dejstviya po ministerstvu vnutrennih del. Zhurnal Ministerstva vnutrennih del. 1857; Ch. XXIII., Otd.I:1–19. (In Russ.).
20. Baryshnikov M. N. Russian society of shipping and trade: establishment, operation and prospects of development (1856–1864). *Terra economicus*. 2015;(2):106–130. (In Russ.).
21. Karpov V. P. Otchet o komandirovke na Chernoe more dlya izucheniya ustrichnogo dela. Sankt-Peterburg: Tipo-litografiya M. P. Frolovoj; 1903. 77 p. (In Russ.).
22. Tarhov A. Pervyj v Krymu: Istoriya tramvaya i trollejbusa v Sevastopole. Sevastopol'; 1998. 299 p.

23. L. Levchenko. Istoriya Mikolaïvs'kogo i Sevastopol's'kogo vijs'kovogo gubernatorstva (1805–1900). Mikolaïv: Vidavnictvo MDGU im. P. Mogili; 2006. 293 p. (In Ukrainian).
24. Istoriya Sevastopolya. Tom 2: Sevastopol' v epohu Rossijskoj imperii. Konec XVIII veka — 1917 gg. Pod red. Altabaeva E. B., Petrov YU. A. Moskva: Istoricheskaya literatura; 2021. 800 p. (In Russ.).
25. Gorodskie poseleniya v Rossijskoj imperii. Tom chetvertyj. Sankt-Peterburg: Tipograficheskoe tovarishchestvo «Obshchestvennaya pol'za»; 1864. 805 p. (In Russ.).
26. Opisanie oborony g. Sevastopolya. CHast' I. Sostavleno pod rukovodstvom general-ad'yutanta Totlebena. Sankt-Peterburg: Tipografiya N. Tiblena i kompaniya; 1863. 678 p. (In Russ.).
27. L'vov G. Zamechaniya na russkij tamozhennyj ustav, v otnoshenii morskoy trgovli. Morskoy sbornik. 1861;(7):91–122. (In Russ.).
28. Markov E. L. Ocherki Kryma: Kartiny krymskoj zhizni, prirody i istorii. Sankt-Peterburg: tipografiya K. N. Plotnikova; 1872. 508 p. (In Russ.).
29. Lukomskij A. S. Ocherki iz moej zhizni. Vospominaniya: arhivnye materialy Moskva: Ajris-press; 2012. 750 p. (In Russ.).
30. Nyneshnij Sevastopol' (iz dorozhnyh zapisok). Sankt-Peterburg: bez izdatel'stva; 1860:116–141. (In Russ.). https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010783560/
31. Rossiya. Zakony i postanovleniya. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e. Sankt-Peterburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennosti ee imperatorskogo velichestva kancelyarii; 1876. 911 p. (In Russ.).
32. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudej. T.14: Novorossiya i Krym. Pod red. V. P. Semenova-Tyan-SHanskogo. Sankt-Peterburg: Izdanie A. F. Devriena; 1910. 983 p. (In Russ.).
33. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XXXVII. Otdelenie vtoroe. 1862. Sankt-Peterburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii; 1865. 608 p. (In Russ.).
34. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. L. Otdelenie vtoroe. 1875. Sankt-Peterburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii; 1877. 513 p. (In Russ.).
35. Zakrevskij N. Sevastopol'. Upadok rabochih sil v Krymu i nadezhdy na budushchee. Sovremennoe obozrenie. Morskoy sbornik. 1862;(9):49–50. (In Russ.).
36. Uchebnye zavedeniya Odesskogo uchebnogo okruga, sostoyashchie v vedenii direkcii narodnyh uchilishch. Vypusk 3. Odessa: Tipografiya Fisenko; 1891. (In Russ.).
37. GARK. F. 27. Op.12. D.130., l. 343 ob. 344 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Алексей Геннадиевич Баранов — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Экономика предприятия» Института финансов, экономики и управления, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

Aleksey G. Baranov — Cand. Sci. (Econ.), Head of the Enterprise Economy Department, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-9882-307X>
agbaranov@mail.sevsu.ru

Елена Петровна Гармашова — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика предприятия» Института финансов, экономики и управления, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

Elena P. Garmashova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Enterprise Economy Department, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2269-1397>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
epgarmashova@mail.sevsu.ru

Таисия Анатольевна Лопатина — ассистент кафедры «Экономика предприятия» Института финансов, экономики и управления, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
Taisiya A. Lopatina — Assistant, Enterprise Economy Department, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
<https://orcid.org/0009-0005-6356-1635>
talopatina@mail.sevsu.ru

Дарья Владимировна Пунга — ассистент кафедры «Экономика предприятия» Института финансов, экономики и управления, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
Darya V. Punga — Assistant, Enterprise Economy Department, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
<https://orcid.org/0009-0003-1063-1068>
dvpunga@mail.sevsu.ru

Заявленный вклад авторов:

А.Г. Баранов — разработка общей концепции статьи, анализ послевоенной рецессии городского хозяйства, анализ развития городской инфраструктуры, написание раздела «Введение».

Е.П. Гармашова — анализ особенностей развития сельского хозяйства, написание раздела «Выводы».

Т.А. Лопатина — анализ развития промышленности и торговли в городе Севастополе во второй половине XIX века.

Д.В. Пунга — анализ населения, трудовых ресурсов, динамики системы городского управления за анализируемый период.

Authors' declared contributions:

A. G. Baranov — development of the general article concept, analysis of the urban economy post-war recession, analysis of urban infrastructure development, writing the “Introduction” sections.

E. P. Garmashova — analysis of agricultural development features, writing the “Conclusions” sections.

T. A. Lopatina — analysis of the industry and trade development in Sevastopol in the second half of the 19th century.

D. V. Punga — analysis of the population, labor resources, and urban management system dynamics over the analyzed period.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.09.2024; принята к публикации 21.10.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 19.09.2024; accepted for publication on 21.10.2024.

The authors read and approved the final version of the manuscript.